Алексей ГРОМЫКО

ТОНИ БЛЭР: ДЕСЯТЬ ЛЕТ ВО ГЛАВЕ БРИТАНИИ

Победа на всеобщих выборах 1997 года над консерваторами позволила Лейбористской партии Великобритании (ЛПВ), возглавляемой Тони Блэром, триумфально вернуться к власти. За прошедшие с того времени годы страна и весь мир вокруг неё сильно изменились. О различных аспектах политики "новых лейбористов", лично об уходящем премьер-министре написано множество книг и статей, и не меньше будет написано. Принимая во внимание тот огромный объём событий, который произошёл в британской политике за минувшие годы, рамки одной статьи позволяют рассказать лишь о некоторых эпизодах из её истории.

Тони Блэр – политик яркий, искусный и не лишённый харизмы. Проект "нового лейборизма" связан с ним неразрывно. Поэтому в первую очередь важно понять, как формировалось политическое кредо Блэра, что им двигало во всепоглощающем желании модернизировать свою партию, а затем и страну. Во-вторых, необходимо остановиться на наиболее важных и далекоидущих реформах, предпринятых премьером, о его самых ярких достижениях. Наконец, стоит уделить внимание не только его успехам, но и неудачам, показать тот запутанный клубок проблем, с которым сталкивается глава британского (и любого другого) правительства в съёживающемся, как шагреневая кожа, современном мире, представить себе натиск событий и непредвиденных обстоятельств, заставляющих политиков на вершине власти принимать как верные, так и ошибочные решения.

Школа профессионального мастерства

Для человека, который серьёзно заинтересовался политикой лишь в возрасте 27 лет, но уже через три года стал депутатом британского парламента, открыва-

© ***Громыко Алексей Анатольевич*** – доктор политических наук, заместитель директора Института Европы РАН
www.gromyko.ru

лись широкие перспективы. Действительно, продвижение Тони Блэра по карьерной лестнице было быстрым и не отягощённым разочарованиями. Уже к 1992 году он стал одним из наиболее перспективных членов парламентской фракции Лейбористской партии, а в 1994 году – лидером оппозиции Её Величества. Но сколь быстрым ни было его восхождение, Блэр успел пройти хорошую школу профессионального мастерства. За годы, проведённые к тому времени в палате общин, молодой политик стал очевидцем тяжёлого периода в истории своей организации: четыре поражения кряду на всеобщих выборах, идеологическая монополия неоконсерватизма, откол от партии правых социал-демократов и тяжёлое противостояние внутри неё с троцкистами, разгром профсоюзного движения в стране. То было время, закалившее Блэра в политических дебатах и баталиях, сформировавшее его политическое кредо: сделать всё возможное и невозможное, чтобы Лейбористская партия вернулась к власти, а затем удержала её в своих руках[1].

Благодаря своей амбициозности и целеустремлённости Тони Блэр не имел оснований жаловаться на темпы своего профессионального роста, а жизненные обстоятельства или удача ещё больше ускоряли ход событий в его пользу. Не иначе как судьба улыбнулась Блэру, когда он впервые стал членом парламента в 1983 году, ведь тогда поддержка Лейбористской партии обрушилась ниже уровня 1922 года и десятки депутатов-лейбористов потеряли свои мандаты. Позже, после проигрыша ЛПВ на выборах 1992 года и избрания Джона Смита новым лидером партии вместо Нила Киннока, Тони Блэр занял один из ключевых постов в теневом кабинете и приготовился терпеливо ждать того момента, когда он, возможно, сменит Смита. Но не прошло и двух лет, как новый лидер скоропостижно скончался, мечта Тони Блэра осуществилась значительно раньше, чем он на то рассчитывал.

В те годы отношения между Тони Блэром и его старшим товарищем Гордоном Брауном принимали всё более сложный характер, закладывался их формат, который повлияет не только на судьбу ЛПВ, но и на развитие страны. Позиции Брауна к 1992 году были настолько сильны, что он вполне мог заявить о себе в соревновании за пост лидера партии после ухода Киннока, хотя Джон Смит был неоспоримым фаворитом. Многие были уверены, что именно Браун – "естественный" наследник Смита. Единственная причина, по которой он тогда не стал его заместителем, в том, что Браун – шотландец, а сразу два выходца с севера страны во главе одной из ведущих британских партий, а в будущем, возможно, и во главе государства, – это вряд ли приемлемо для избирателей, 80% которых – англичане. Вместо этого Браун стал теневым министром финансов, что по законам британской политики уже само по себе заявка на командные высоты.

Казалось бы, обстоятельства подталкивали Тони Блэра к борьбе за вторую по значению позицию в ЛПВ, но он поборол в себе искушение. Должность за-

---

[1] Лейбористская партия в XX веке ни разу не смогла удержаться у власти два полноценных парламентских срока.

местителя лидера, несмотря на свой статус, обязывает её обладателя работать в одной связке с первым лицом, сковывает его инициативу, сулит разделить не только популярность лидера, но и всю критику в его адрес. Блэр выбрал более подходящий с точки зрения укрепления своей политической базы ход – должность теневого министра внутренних дел, а заместителем Смита стала Маргарет Бекетт, в будущем глава Форин-офис. Но модернизаторы были довольны: оба их ведущих представителя – Блэр и Браун – заняли видные посты. Именно с ними они связывали свои надежды, считая Смита "переходным" типом политика, слишком осторожным и неспешным в деле дальнейшей трансформации Лейбористской партии.

Расчёт Блэра оказался точным: новая должность дала ему возможность постоянно критиковать консервативный кабинет Джона Мейджора за просчёты в борьбе с преступностью – сфере, где редко какое правительство избегает неудач. Но руководство МВД стало для Блэра удобной площадкой не только для того, чтобы эффективно атаковать тори[1] со скамей оппозиции, но и чтобы упрочить свою репутацию модернизатора. Ничто так не помогло ему в приращении политического капитала, помимо красноречия и политического чутья, как выдвижение тезиса "жёсткость к преступникам и жёсткость к причинам преступности". До этого Лейбористская партия традиционно считалась либеральной в отношении тех, кто нарушал закон, тогда как консерваторы обладали монополией на решительность. Предложенная Блэром формула не давала повода обвинить лейбористов в копировании позиции тори и одновременно избавляла их от образа "мягкотелых".

Мало кто знает, что этот лозунг придумал не кто иной, как Гордон Браун, который был ещё в настроении помогать Блэру укреплять его популярность. Однако пока Блэр набирал очки, Браун их терял, причём по причине, которая придаст ему респектабельность и уважение финансовых кругов и большого бизнеса после 1997 года: уже тогда он проявил себя "аскетом" в финансовых вопросах, то есть противником чрезмерных государственных заимствований и расходов, политически мотивированного повышения налогов. Но в середине 1990-х годов для основной массы лейбористов такие идеи были ещё чуждыми. В результате к моменту смерти Джона Смита Блэр впервые оказался в более выигрышной позиции, чем Браун, который к тому же не мог похвастаться блестящими данными публичного политика.

Шансы победить Блэра на выборах нового лидера партии у Брауна были невысоки, и он пропустил коллегу вперёд, хотя это и означало, что пост премьер-министра в случае победы лейбористов на следующих выборах также достанется Блэру. Однако как настоящий политик Браун уступил не из соображений

---

[1] Тори – уничижительное прозвище ирландских католиков, которым противники Якова II (1685–1688), короля–католика из династии Стюартов, именовали круг поддерживающих его английских политиков; в XIX веке оно потеряло свой негативный подтекст и стало синонимом слова "консерватор".

чистого альтруизма. На приватной встрече в лондонском ресторане "Гранита", прозванной среди лейбористов "тайной вечерей" и до сих пор овеянной таинственностью, Блэр якобы пообещал, что в будущем уступит Брауну должность первого министра. Позже он не раз пожалеет об этом. Без труда переиграв Джона Прескотта – будущего заместителя премьера и Маргарет Бекетт, Тони Блэр в июле 1994 года стал одиннадцатым руководителем Лейбористской партии Великобритании.

По традиции большинство в верхних эшелонах ЛПВ и в первую очередь активисты применяли к партии эпитет "социалистическая". Называть её социал-демократической считалось дурным тоном, особенно после образования группой отколовшихся в начале 1980-х годов правых лейбористов Социал-демократической партии. О быстроте, с которой происходили перемены при Блэре, говорит тот факт, что уже к середине 1990-х годов ситуация стала прямо противоположной – новый эпитет твёрдо занял место старого. Но традиционалисты в партии продолжали сопротивляться, ведь определение "социал-демократическая" подразумевало политику отхода ЛПВ от тесного союза с тред-юнионами – британскими профсоюзами, её превращение в партию евроэнтузиастов, поддержку таких свойственных британским либералам лозунгов, как введение пропорциональной системы голосования, децентрализация власти в стране и др.

Важным фактором, формировавшим потенциал модернизаторов, стала победа в 1992 году на президентских выборах в США кандидата от Демократической партии Билла Клинтона. Последний сделал ставку на привлечение на свою сторону среднего класса и бизнеса. То же самое стало ключевой целью "новых лейбористов". Тони Блэр твёрдо верил, что для возвращения к власти лейбористы должны представлять интересы не только малоимущих и рабочих слоёв населения, но и его большинство. Чтобы добиться этого, Блэр занимал идеи не только за океаном у "новых демократов", но в первую очередь у своих основных соперников – консерваторов. Последние не первое десятилетие козыряли кредо партии "одной нации", претендуя на поддержку всех социальных групп. Однако после длительного периода тэтчеризма, который не столько сплотил, сколько расколол нацию, "новые лейбористы" перехватили этот эпитет.

В оставшиеся до новых парламентских выборов годы Тони Блэр в своих выступлениях развил и другую тему – прав и обязанностей. Она была тесно связана с идеями христианского и этического социализма, которыми он увлёкся в годы учёбы в Оксфорде. Социальный морализм Блэра во многом перекликался с движением коммунитаризма в США, предтечей которого была целая плеяда британских мыслителей начала XX века. Обращение к образу сообщества, вне рамок которого индивидуальный потенциал не раскрывается полностью, стало одним из излюбленных приёмов лейбориста номер один. Если визитной карточкой Маргарет Тэтчер стала фраза "Нет такой вещи, как общество; есть лишь индивиды – мужчины и женщины, а также семьи", то Блэр не только всячески поддерживал институт семьи, но считал его строительным материалом для большего.

Развить темы социального морализма помогло Блэру и то, что Джон Смит был видным представителем христианского социализма в Великобритании и не раз критиковал с философских позиций культуру индивидуализма "новых правых". Но для Блэра, в значительно большей степени, чем для Смита, из учения об этическом социализме следовало, что суть справедливого общественного устройства заключается не столько в материальном и духовном благополучии человека труда, сколько в высокой морали, поддерживающей человеческие взаимоотношения всех британцев без исключения.

Безусловно, неожиданная смерть Джона Смита повлияла на процессы модернизации в Лейбористской партии. Они зашли намного дальше, чем если бы Смит пробыл у её руководства, не говоря уже о том, если премьер-министром в 1997 году стал бы он. Но судьба распорядилась по-иному, и теперь Лейбористская партия на всех парах мчалась к власти во главе с Тони Блэром. Показав себя искусным политиком, он максимально использовал недовольство населения консерваторами, его желание видеть во власти новые лица и внимать новой риторике. Ко времени выборов популярность Блэра была столь высока, что его называли "теневым премьер-министром"[1].

Наиболее звучным аккордом, предварившим победу лейбористов на выборах, стала борьба в партии вокруг "пункта 4" – положения партийного Устава 1918 года, в котором главной целью ЛПВ объявлялась национализация средств производства, распределения и обмена. Она приобрела сугубо символический характер ещё в 1950-е годы, когда в партии возобладало мнение, что масштаб национализации, осуществлённой правительством Клемента Эттли после 1945 года, достаточен для продвижения страны к социализму и дальнейших шагов в этом направлении не требуется. В наиболее последовательном виде эту ревизионистскую точку зрения изложил в 1956 году идеолог британского лейборизма Энтони Кросленд в работе "Будущее социализма", ставшей настольной книгой для нескольких поколений руководителей ЛПВ. Однако своё символическое значение "пункт 4" сохранил, и все попытки замахнуться на него заканчивались плачевно для их инициаторов.

Но не на этот раз. Лейбористы слишком боялись нового поражения, чтобы помешать Тони Блэру радикально сменить имидж партии в глазах избирателей, даже если многие считали, что в своём реформаторском порыве он перегибает палку. В 1995 году специально созванная конференция ЛПВ утвердила новую редакцию Устава, из которого все упоминания о национализации были изъяты. Если в 1994 году партия поменяла "голову", то теперь она поменяла "душу".

---

[1] В Великобритании по традиции главная оппозиционная партия создаёт "теневое правительство", члены которого (теневой министр финансов, теневой министр иностранных дел и т. д.) в своём большинстве становятся министрами в случае победы этой партии на парламентских выборах. Однако выражение "теневой премьер-министр" обычно не используется.

Конституционные (полу)реформы

Значительное преимущество, завоёванное лейбористами в палате общин на выборах 1997 года, развязало им руки для осуществления далекоидущих реформ. В свете того, что к власти пришла партия, по традиции считавшаяся левоцентристской, многие ждали от неё принятия мер в первую очередь по перераспределению национального богатства в пользу менее обеспеченных. Мало кто рассчитывал, что "новые лейбористы" предпримут шаги по национализации или пойдут на заметное повышение налогов, но также мало кто ожидал, что по ряду направлений они продолжат приватизацию и будут налоги снижать.

Тони Блэр опроверг тех консерваторов, которые до выборов стращали электорат предсказаниями о неминуемом повороте лейбористов влево, называли их "скрытыми леваками". Новый премьер остался верен созданному им же образу ЛПВ как организации, представляющей интересы большинства жителей страны. Теперь она была сугубо центристской партией, которая в зависимости от обстоятельств могла принимать меры, выгодные то одним, то другим слоям населения. Идеологического каркаса, который заставил бы правительство действовать из соображений классовой солидарности, больше не существовало. Более того, для закрепления респектабельности ЛПВ с точки зрения среднего класса и бизнеса лейбористы обязались не увеличивать государственные расходы в течение двух лет. Позиция Тони Блэра заключалась в том, что не нужно оценивать партии сугубо по шкале "левые – правые", что в современном мире существует множество других "измерений" политики, которые не укладываются в прокрустово ложе политической борьбы эпохи классового противостояния, что прогрессивность не сводится к защите интересов отдельных социальных групп.

Больше всего прогрессивность нового правительства выразилась в сфере конституционных реформ, которая раньше никогда не находилась в центре внимания лейбористов, будучи епархией вначале Либеральной партии, а затем либерал-демократов. Именно либералы ещё в XIX веке подняли знамя гомруля (самоуправления для Ирландии), а позже – деволюции (самоуправления для Шотландии и Уэльса), именно они с начала XX века боролись за сокращение прерогатив палаты лордов, состоявшей до середины столетия исключительно из наследных дворян, и именно либералы, а затем либерал-демократы, наиболее последовательно выступали за замену мажоритарной системы голосования пропорциональной.

С этой точки зрения единственным исключением в истории ЛПВ до прихода Тони Блэра к власти стали завершающие годы правления Джеймса Каллагена, когда лейбористы попытались провести законопроекты о деволюции для Шотландии и Уэльса. Однако тогда ими двигали в основном соображения расстановки сил в парламенте: с 1976 года правительство лишилось рабочего большинства в палате общин и было вынуждено полагаться вначале на поддержку Либеральной партии, а затем националистов Шотландии и Уэльса. Однако в 1990-е годы, по мере того как менялся характер ЛПВ, конституционные реформы превратились для лейбористов из тактики в стратегию. Надо сказать, что в

Великобритании правительство способно при наличии политической воли и рабочего большинства в парламенте относительно легко осуществлять реформы по ключевым вопросам государственного устройства благодаря двум факторам: 1) конституция страны имеет неписаный характер, что облегчает её "дописывание" или "переписывание", и 2) действует принцип суверенитета парламента, когда решения последнего не могут быть оспорены судебной властью.

После победы на выборах 1997 года в сжатые сроки были приняты законы, в соответствии с которыми в Шотландии и Уэльсе состоялись референдумы, а в 1999 году прошли выборы в региональные законодательные органы власти. Вкупе с нормализацией положения в Северной Ирландии после подписания в 1998 году Соглашения Страстной пятницы и возобновлением работы местного парламента – Стормонта[1] – предпринятые "новыми лейбористами" шаги по децентрализации власти открыли путь для постепенного превращения Великобритании из унитарного в федеративное государство. Уже одно это гарантировало упоминание о Тони Блэре в учебниках истории.

Вместе с тем при всей смелости такой политики довольно быстро проявился половинчатый характер реформ, которые ставили больше вопросов, чем давали ответов. Например, будет ли в будущем создан парламент Англии? Ведь теперь это единственный британский регион, который не располагает своими автономными органами власти. Действительно, в 2004 году на референдуме в одной из английских областей уровень поддержки этой идеи оказался столь низок, что правительство отменило планы проведения таких же плебисцитов в других частях Англии. Однако по мере укрепления национальной идентичности в регионах "кельтской периферии", стало расти и английское самосознание. Опросы общественного мнения в начале 2007 года впервые показали, что большинство жителей Англии выступают за создание парламента в этом крупнейшем из британских регионов.

Помимо этого вопроса встаёт и множество других. Будет ли ассамблея Уэльса со временем наделена такими же правами, как парламент Шотландии? Будут ли шотландские депутаты в палате общин лишены права голосовать по тем вопросам жизни Англии, по которым английские депутаты потеряли право голоса в отношении Шотландии? Будут ли и дальше расширяться прерогативы региональных органов власти и не приведёт ли логика деволюции рано или поздно к распаду страны?

Прогрессивность правительства Тони Блэра выразилась и в реформировании палаты лордов, которая до этого состояла исключительно из наследных пэров.

---

[1] Из-за неспособности ведущих североирландских политических сил наладить сотрудничество друг с другом работа Стормонта в 2002 году была приостановлена и вновь, как в 1972–1998 годах, введено прямое управление провинцией из Лондона. С тех пор Стормонт так и не приступил к работе, хотя в 2003-м. в Ольстере состоялись очередные региональные выборы. Следующий состав парламента изберут в марте 2007 года, и, как надеется Тони Блэр, самоуправление провинции будет восстановлено до его ухода с поста премьер-министра.

В предыдущие десятилетия лишь дважды в её деятельность вносились заметные изменения: в 1949 году право палаты на "отлагательное вето", на блокирование законопроектов, одобренных палатой общин, было ограничено одним годом вместо двух, а в 1958 году появился титул пожизненного пэра, которым по представлению премьер-министра и по указу монарха удостаивались особо заслуженные граждане страны. К концу XX века право на место в верхней палате британского парламента на основе факта дворянского происхождения превратилось в исторический казус. Кроме того, большинство наследных пэров выступали по традиции на стороне консерваторов. Впрочем, задача реформы палаты состояла не в усечении её прав, а в укреплении её легитимности посредством демократизации.

В 1999 году был сделан первый шаг: из 750 наследных пэров свои места в составе палаты сохранили только 92 человека (покинувшие палату получили право голоса на парламентских выборах) и 580 пожизненных пэров, включая епископов. Вторым шагом предусматривалась трансформация палаты в выборный орган. Здесь-то реформа и забуксовала не в последнюю очередь из-за разногласий внутри самого правительства. В 2000 году королевская комиссия во главе с лордом Уэйкхемом рекомендовала учредить состав палаты в количестве 550 человек, большинство из которых предлагалось назначать, а меньшинство избирать от британских регионов. Предвыборный манифест ЛПВ 2001 года содержал намерение продолжить реформу согласно этому плану, но после выборов правительство высказалось за избираемость лишь 20% лордов. Вопрос был передан на согласование в межпартийный комитет, что, однако, дело только запутало.

В 2003 году верхняя палата проголосовала за вариант своей полной назначаемости (этой же позиции придерживался и Тони Блэр), однако нижняя палата так и не смогла выработать устраивающее большинство депутатов решение (максимальное количество голосов получил вариант избираемости 80% состава палаты лордов). В том же году правительство вернулось к этой проблеме, предложив учредить постоянную комиссию по назначению членов верхней палаты и вывести из её состава последних 92 наследных пэров. На это раз несогласие большинства законодателей вызвало то, что при этом не предусматривалась демократизация процедуры избрания палаты, а это противоречило первоначальным обещаниям лейбористов. В результате правительство не стало рисковать и в 2004 году отозвало свой законопроект, чтобы вернуться к этому вопросу после следующих всеобщих выборов. Однако на такой шаг оно решилось пойти только в начале 2007 года, когда вынесло на голосование палаты общин предложение об избираемости половины состава верхней палаты и о назначаемости второй половины при максимальном сроке работы в ней до 15 лет. Что касается численности лордов, то со временем она должна снизиться с 746 до 540. При этом уменьшение количества наследных и пожизненных пэров будет происходить по мере их естественной убыли.

Неудачи, преследовавшие правительство в переходе ко второму этапу реформы, имеют вполне очевидное объяснение: окончательная конфигурация палаты лордов напрямую зависит от государственного устройства страны. Встаёт

вопрос, на какой принцип представительства должна опираться верхняя палата в условиях унитарного государства? Несмотря на реформы по деволюции, превращение Британии в федерацию остаётся делом будущего, и принцип избираемости на основе регионального представительства пока неприменим. Что касается самого принципа избираемости, то его внедрение может привести к чрезмерной политизации палаты лордов (неизбежное следствие избирательных кампаний и доминирования в Британии крупных партий), к снижению профессионализма её членов, а следовательно, помешает её предназначению – контролировать законотворческую деятельность депутатов нижней палаты, проводить профессиональную экспертизу Биллей, эффективно использовать право отлагательного вето[1]. Возникла бы опасность превращения палаты лордов в слепок, подобие палаты общин, от чего законотворческий процесс только проиграл бы. По всей видимости, давно назревший второй этап реформы выразится во введении умеренного элемента выборности состава верхней палаты при доминировании принципа назначаемости, как того требуют консерваторы и либерал-демократы.

Летом 2003 года, несмотря на трудности, связанные с событиями вокруг Ирака, Тони Блэр выступил с новыми инициативами в конституционной сфере: он предложил упразднить пост лорда-канцлера, создать Верховный суд, в состав которого перешли бы лорды-судьи из палаты лордов, и независимую комиссию по назначению судей. Во главе с лордом Фалконером создавалось Министерство по конституционным вопросам, в ведение которого перешли департаменты Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии. Тем самым делался очередной шаг на пути перехода от свойственной Британии системы "сдержек и противовесов" к подлинному разделению властей, в данном случае через упрочение статуса судебной власти. Аргументы правительства звучали убедительно, ведь для демократического устройства необычно соединение в руках одного человека, лорда-канцлера, функций и члена правительства, и спикера верхней палаты парламента, и верховного судьи, который к тому же единолично назначает судей.

Реакция судейского сообщества была неоднозначной. Как ни парадоксально, но одни усмотрели в предложении о создании комиссии по назначению судей угрозу независимости судебной власти, на которую могло распространиться правило политической корректности, например, в отношении гендерной или этнической сбалансированности состава комиссии; другие считали, что лорд-канцлер как член Кабинета министров играет незаменимую роль по защите интересов судейского цеха и что этот институт необходимо сохранить в виде по-

[1] Несмотря на общераспространённое мнение о неэффективности палаты лордов, в действительности её значение в последние годы возросло. С одной стороны, исчезла диспропорция в партийном представительстве в пользу консерваторов, с другой – палата, легитимность которой в результате первого этапа реформы повысилась, стала жёстче отстаивать своё мнение при обсуждении правительственных законопроектов (в 2001–2005 гг. лорды отклоняли законопроекты правительства в два раза чаще, чем в 1997–2001 гг.).

ста министра юстиции. Эти и другие сомнения привели к тому, что представленный лейбористами законопроект не прошёл дальше первого чтения в палате лордов. И всё же в 2005 году правительство добилось принятия соответствующего Акта о конституционной реформе, хотя и было вынуждено пойти на компромисс с лордами, сохранив должность лорда-канцлера.

За разногласиями по конкретным вопросам скрывались противоречия более фундаментального характера. По сути, спор шёл о том, должна ли реформа британского конституционного права, разноскоростная и проходившая по нескольким направлениям, привести к полной кодификации основного закона страны. Большинство консерваторов считало, что принцип неписаной конституции незыблем и допустима лишь его корректировка. Главный аргумент: действующая система права складывалась веками, доказала свою жизнеспособность, её демонтаж чреват непредсказуемыми последствиями. Наиболее последовательные приверженцы идеи конституционного переустройства выступали за писаную конституцию как конечную цель всего процесса и критиковали правительство за медлительность. Но, несмотря на критику тех и других, можно утверждать, что за прошедшие годы Вестминстерская модель демократии, ещё совсем недавно носившая антикварный характер, подверглась серьёзной модернизации.

Помимо перечисленных реформ этому также способствовало восстановление органов самоуправления Лондона и учреждение должности мэра, принятие Акта о правах человека (1998), Акта о свободе информации (2000), присоединение Великобритании к социальному законодательству ЕС (1998) и ряд других мер. В каждом из этих случаев можно проследить всё ту же половинчатость, незавершённость процесса реформирования, попытку исполнительной власти сохранить в неприкасаемости принцип суверенитета парламента. Однако это не столько ставит под сомнение последовательность "новых лейбористов" и Тони Блэра в деле демократизации, сколько говорит о масштабности начатых ими изменений. Последние скрывают в себе как потенциал для более эффективного развития государства, так и непредсказуемые риски. Но, видимо, это неизбежная дилемма, с которой сталкиваются все крупные реформаторы.

Низкие перипетии высокой политики

Тони Блэр пришёл к власти на волне повышенных общественных ожиданий. Медовый месяц "новых лейбористов" и британских избирателей продолжался необычайно долго. Этому способствовали как незаурядные качества Блэра и его команды, так и благоприятные внешние обстоятельства: унаследованный от консерваторов подъём в экономике, волна побед левоцентристских политических сил в Европе, нахождение у власти в США демократов, непрекращающаяся междоусобица в стане тори. Но каким бы популярным ни было правительство, в современном мире сложность проблем, человеческий фактор, непредвиденные риски и быстрота событий постепенно подтачивают его авторитет. Какой бы патетикой ни окружали себя политики и какие бы высокие цели перед собой ни ставили, они занимаются полным человеческих страстей ремеслом,

для которого характерна не возвышенность, а приземлённость. "Предвыборные кампании поэтичны, а управление государством прозаично", – как-то посетовал Блэр, и к его политическому наследию, как и к наследию Маргарет Тэтчер, применим образ доктора Джеккила и мистера Хайда[1]: в них белые стороны соседствуют с чёрными.

Уменьшение запаса прочности Кабинета Блэра наглядно демонстрирует снижающаяся траектория показателей выступления ЛПВ на всеобщих выборах: если в 1997 году лейбористы получили 44% от поданных голосов и большинство в 179 мандатов в палате общин, то в 2001-м – 41% и большинство в 166 мандатов, а в 2005 году – 35% и большинство в 66 мандатов. Но и последняя цифра – совсем не мало, ведь даже в этом случае более 30 депутатов-лейбористов должны выступить против собственного правительства (как, впрочем, и депутаты от всех оппозиционных партий), чтобы оно проиграло голосование в парламенте. То, что ЛПВ после выборов 1997 и 2001 годов располагала подавляющим преимуществом в нижней палате, имело и свою оборотную сторону: наиболее критически настроенные члены лейбористской фракции относительно легко шли на голосование против предложений правительства, зная, что оно всё равно наберёт большинство. Далеко не все из них вели бы себя так, не будь такое большинство гарантировано.

Первое "восстание" в рядах парламентской фракции ЛПВ произошло уже в 1997 году, когда 47 её членов не подчинились партийной дисциплине и сказали "нет" планам Кабинета относительно ужесточения условий выплат пособий одиноким родителям. В 1999 году количество "восставших" увеличилось до 67 человек в знак протеста против намерения правительства сократить пособия по инвалидности. В 2003 году Акт о здравоохранении и обслуживании, вводящий рыночные элементы в работу больниц, был принят большинством лишь в 17 голосов депутатов палаты общин, а в 2004-м Акт о высшем образовании, повышавший плату за обучение в вузах, – большинством лишь в 5 голосов (при правительственном большинстве на тот момент в 161 человека). Тогда Тони Блэру удалось избежать поражения лишь благодаря вмешательству Гордона Брауна, уговорившего нескольких "диссидентов" поддержать законопроект.

Потеря ЛПВ сразу 100 мандатов на выборах 2005 года усугубила ситуацию и привела к тому, что "восстания" в рядах её депутатов стали перерастать в поражения правительства. Уже в ноябре того же года оно впервые проиграло голосование в нижней палате, когда депутаты, включая 49 лейбористов, отвергли наиболее жёсткие пункты в законопроекте о борьбе с терроризмом[2]. Нетрудно

---

[1] "Странная история доктора Джеккила и мистера Хайда" – повесть Роберта Стивенсона о докторе, который с помощью особого снадобья мог превращаться в своего двойника, заключавшего все дурные свойства его натуры.

[2] Большинство депутатов согласилось увеличить срок задержания подозреваемых в террористической деятельности без предъявления обвинения с 14 до 28 дней, а не до 90, как предлагало правительство.

заметить, что с наибольшим противодействием исполнительная власть сталкивалась в тех случаях, когда продвигала рыночные реформы в сфере "государства благосостояния" или стремилась укрепить полицейские функции государства. И это неудивительно, ведь такая политика всегда была характерна для консерваторов, а не для лейбористов. Это также свидетельствует о том, что тактических сторонников Тони Блэра в парламентской фракции ЛПВ, не говоря уже о партии в целом, было больше, чем его искренних последователей. Недаром среди противников неолиберальной составляющей "нового либерализма" родилось выражение "Тори Блэр".

Удивительно другое: как в упомянутых, так и в ряде других случаев вместе с диссидентами-лейбористами против правительства голосовали не только либерал-демократы, но и консерваторы. Такое положение дел, когда и те и другие всё чаще оказывались на позициях левее лейбористов, говорит о серьёзных изменениях в расстановке сил в британской партийной системе, произошедших в результате модернизации Лейбористской партии.

Одной из причин, по которой в 1997 году избиратели прогнали консерваторов с парламентских скамей правящей партии, была череда коррупционных, этических скандалов, обвинений членов правительства в превышении служебного положения и в финансовой нечистоплотности. Раз за разом они девальвировали самое ценное, что есть у власти, – доверие населения. Но и лейбористы за десять прошедших лет не раз становились объектами критики по всем перечисленным статьям. Для пессимистов это доказательство того, что "политика – грязное дело", для оптимистов – что проявление человеческих слабостей естественно. Как водится, случаев справедливой критики правительства было не больше, чем случаев критики необоснованной. Надо сказать, что в современной России большинство провинностей, о которых рассказывается ниже, не стало бы достоянием гласности, а если бы и стало, то не имело бы столь серьёзных последствий. На то Великобритания и считается страной развитой демократии.

Не успели лейбористы освоиться в своих министерских креслах, как осенью 1997 года грянула новость: Берни Экклестон, владелец компании "Формула один менеджмент" пожертвовал в казну ЛПВ перед выборами один миллион фунтов стерлингов, а после выборов новые власти отложили планы по запрету табачной рекламы на знаменитых гонках. Конечно, многие усматривали связь между двумя событиями. Чтобы погасить разгоравшийся интерес прессы к этой теме, лейбористы вернули Экклестону деньги.

Через девять лет обвинения в причастности к коррупции стали причиной того, что в 2006 году едва не потеряла своё место в правительстве Тесса Джоуэлл, министр культуры. Дело в том, что итальянская прокуратура подозревала Дэвида Миллза, мужа Джоуэлл, специалиста по офшорному налогообложению, в получении взятки от премьера Сильвио Берлускони за представление итальянскому правосудию неверных сведений о его бизнесе. Миллз утверждал, что сумма получена от другого клиента и является "подарком". Но даже если это и было так, то служебный кодекс предписывал членам британского правительства

сообщать о подобных доходах постоянным секретарям соответствующих министерств, а этого Джоуэлл не сделала. Она же заявляла, что до недавнего времени ничего не знала о "подарке". Тони Блэр не усомнился в искренности своего министра; свой пост Тесса Джоуэлл сохранила, но с мужем рассталась.

Весной 2006 года Скотланд-Ярд начал расследование по делу, прозванному "пожертвования в обмен на титулы". На руководство страны пало подозрение в том, что оно раздавало места в палате лордов в обмен на финансовую поддержку ЛПВ, оказанную рядом богатых спонсоров перед парламентскими выборами 2005 года. В качестве свидетелей были допрошены не только многие бывшие и действующие министры и политики, но впервые в британской истории полиция провела "интервью" (фактически допрос) с главой правительства, проходящим по делу в качестве свидетеля. В начале 2007 года следствие ещё продолжалось, что, безусловно, омрачало последние месяцы пребывания Тони Блэра у власти.

Не раз правительство попадало под огонь критики, связанной с неэтичным поведением министров. Так, летом 1997 года в печати появились сведения о супружеской неверности главы Форин-офис Робина Кука. Находясь в аэропорту на пути в отпуск, он получил звонок от Аластара Кемпбелла, пресс-секретаря премьер-министра. После этого разговора Кук тут же сообщил жене, что разводится с ней. Злые языки утверждали, что столь решительно сделать выбор в пользу любимой женщины заставило желание сохранить свой пост и предотвратить новые газетные публикации о своей личной жизни, которые могли нанести дальнейший урон его репутации и репутации правительства. В 2005 году в подобной же ситуации оказался и Джон Прескотт, заместитель Тони Блэра, однако его брак не распался. Неприятная для лейбористов история произошла в 1998 году, на сей раз без отставки дело не обошлось – свой пост потерял Рон Дэйвис, министр по делам Уэльса. И дело было не в гомосексуальной ориентации министра (ещё трое членов правительства не скрывали этого), а в недостойном поведении. В одном из лондонских парков Дэйвис был ограблен и попал в полицию; там-то и выяснилось, что преступление произошло, когда он искал себе в парке партнёра по сексу.

Прошёл лишь месяц, и последовала новая громкая отставка – теперь Питера Мандельсона, министра торговли и промышленности, внука известного лейбориста Герберта Моррисона. Во время проверки деловой активности Джеффри Робинсона, другого члена правительства, стало известно, что Мандельсон, один из главных "архитекторов" проекта "нового лейборизма", получил от него займ на покупку дома в Ноттинг-Хилл, фешенебельном районе Лондона. Ничего предосудительного в таком поступке не было бы, если бы министр не нарушил кодекс государственных служащих, предписывающий заявлять о подобных операциях в регистре финансовых интересов депутатов. Такая провинность автоматически не влекла потерю портфеля министра, но Блэр решил пожертвовать своим фаворитом, чтобы не позволить прессе раскручивать тему финансовой нечистоплотности члена правительства.

Осенью 1999 года премьер вернул Мандельсона в состав Кабинета в должности министра по делам Северной Ирландии, дав ему ещё один шанс проявить свои незаурядные способности на государственной службе. Поначалу всё шло хорошо. Проблемы пришли с неожиданной стороны: в начале 2001 года в Индии завели громкое уголовное дело на миллиардеров братьев Хиндуджа. Их обвиняли в том, что в 1986 году они за взятки устроили через правительство Раджива Ганди закупку оружия у шведской компании. Разразившийся тогда скандал через три года привёл к падению правительства Ганди.

События в Индии привлекли к братьям пристальное внимание и в Великобритании, где они также активно занимались бизнесом. Достоянием гласности стал тот факт, что в 1997 году они пожертвовали крупную сумму на строительство "Купола тысячелетия" – огромного развлекательного комплекса на берегах Темзы, в котором проводились празднования Миллениума, а в только что пришедшем тогда к власти правительстве лейбористов за строительство комплекса отвечал не кто иной, как Питер Мандельсон[1]. Позже британское гражданство получили двое из братьев Хиндуджа, и теперь, несколько лет спустя, на министра по делам Северной Ирландии пало подозрение в лоббировании интересов одного из них. Хотя его вина не была доказана, в январе 2001 года Мандельсон повторно лишился места в правительстве, а СМИ получили очередной повод обвинить одного из министров в превышении служебных полномочий.

Дважды испытать горечь отставки пришлось и другому политику – Дэвиду Бланкетту, популярность которого как человека, достигшего в жизни больших высот, несмотря на полную слепоту, долгое время была высока. Оба раза это случалось по тем же обвинениям, выдвигаемым прессой, по которым лишился своих постов и Мандельсон, хотя в данном случае примешивались соображения этического порядка. В 2004 году Бланкетт поплатился руководством МВД за то, что в нарушение правил ускорил выдачу визы няне ребёнка, с замужней матерью которого у него был роман. После выборов 2005 года, заняв должность министра труда и пенсионного обслуживания, он в том же году вновь покинул Кабинет, на сей раз из-за обвинений прессы в неполном раскрытии информации о своих интересах в бизнесе.

Больше всего критических стрел в адрес правительства было выпущено в связи с навязчивым желанием "новых лейбористов", особенно в годы пребывания на посту пресс-секретаря премьер-министра Аластара Кемпбелла, контролировать потоки информации, мешать таблоидам (жёлтой прессе) вести очернительные кампании. Такое желание было вполне резонным, ведь СМИ уже давно превратились в "четвёртую власть". В Лейбористской партии никто не забыл 1992 года, когда газета "Сан" хвасталась тем, что её публикации помешали Нилу Кинноку выиграть парламентские выборы.

---

[1] Проект "Купола тысячелетия", задуманный ещё консерваторами, превратился для правительства Тони Блэра в большую головную боль, оказавшись финансово несостоятельным.

Однако проблема состояла в том, что "новые лейбористы" старались не только предупредить появление невыгодных для себя материалов, но нередко сами манипулировали информацией и обхаживали журналистов[1]. Так, противостоящие лагери сторонников Тони Блэра и Гордона Брауна, с их ведома или без оного, не раз использовали СМИ для того, чтобы с помощью "слива компромата", утечек информации, анонимных заявлений подсиживать друг друга. Печально знаменитыми стали эпизоды искажения информации перед началом войны в Ираке. В 2004 году расследование лорда Батлера о деятельности британских разведслужб выявило, что правительство исказило данные британской разведки при подготовке в 2002 году "сентябрьского досье", в котором Ирак обвинялся в разработке оружия массового уничтожения и в способности использовать его против Британии. В том же 2002 году Стефэн Байерс лишился поста министра транспорта в результате серии накопившихся к нему претензий со стороны прессы и общественности. Не последнюю роль в этом сыграла циничность "спин-доктора" министра Джо Мур, которая 9 сентября 2001 года, в день беспрецедентных террористических актов в США, написала в одном из своих электронных посланий: "это хороший день, чтобы похоронить плохие новости", имея в виду проблемы в деятельности Министерства транспорта.

Помимо "восстаний" заднескамеечников и различного рода скандалов, десять лет пребывания у власти не могли обойтись для Тони Блэра без серьёзных просчётов во внешней политике. Наибольший ущерб репутации премьера нанесли события, связанные с Ираком[2]. Догматическая интерпретация "особых отношений" с США помешала ему занять более объективную позицию и в ряде других ситуаций, например в отношении военных действий Израиля в Ливане летом 2006 года. На европейском направлении Блэр, как считают многие британские эксперты, упустил возможность присоединить Британию к зоне евро и допустил усиление евроскептических настроений в своей стране.

Правительство не всегда оказывалось на высоте и при урегулировании кризисов во внутреннем развитии государства. Так, в сентябре 2000 года в Великобритании (и в ряде других стран Европы) разразился "топливный кризис", когда на мировых рынках стоимость барреля нефти подскочила за короткий срок втрое, достигнув 35 долларов США. Кризис был усугублён первоначальным замешательством властей. Протестуя против резкого увеличения цен на бензин, водители грузового транспорта, таксисты, фермеры установили блокаду нефтеперерабатывающих заводов, требуя снизить налоги на топливо. Действительно, им было на что жаловаться, ведь в Британии налоги составляют львиную долю

---

[1] Таких специалистов "по связям с общественностью" в Великобритании прозвали "спин-докторами", то есть буквально "специалистами по раскрутке", или, иными словами, манипуляторами информацией.

[2] Более подробно см.: Ал.А. Громыко. Великобритания в иракском кризисе: некоторые итоги. Часть 5, Глава 7. В: Великобритания: эпоха перемен. Серия страновых монографий Института Европы РАН. Изд. Весь мир. М.: 2007.

его цены. В результате закрылось несколько тысяч бензоколонок. Лишь через несколько дней бензовозы под охраной полиции стали развозить горючее и ситуация постепенно нормализовалась. Весной 2001 года страну постиг "коровий кризис", связанный с опасным заболеванием домашнего скота. И вновь нерасторопность властей вызвала повсеместную критику в их адрес.

После "топливного кризиса" политика правительства ещё не раз заставляла большие массы людей выходить на улицу в знак протеста. Даже такая "универсальная партия", как партия "новых лейбористов", без устали лавирующая между интересами многочисленных социальных и профессиональных групп населения, была не в состоянии удовлетворять интересы всех и вся. Если в 1970–80-е годы основным выразителем протестного потенциала были профсоюзы, то теперь кроме них появилось множество других групп давления. Помимо упомянутых водителей, Альянс сельских жителей не раз организовывал многотысячные демонстрации в защиту традиционного образа жизни сельского населения, включая охоту на лис; не раз в последние годы улицы Лондона и других крупных британских городов становились свидетелями демонстраций антиглобалистов и сторонников защиты окружающей среды. Но одна тема – антивоенная, как и в прошлые десятилетия, сплачивала не тысячи и не десятки тысяч, а миллионы. Так, в феврале 2003 года по всему миру прокатилась волна антивоенных выступлений, а в Лондоне был побит исторический рекорд – под лозунгами "Нет войне в Ираке!", "Готовьте чай, а не войну!" в столице собралось более миллиона человек. Мэр столицы Кен Ливингстон заявил на митинге: "Единственная причина этой войны – нефть. Права человека беспокоят Джорджа Буша в последнюю очередь".

Правительство Тони Блэра не избежало и того, что в Великобритании называют "поворотом на 180 градусов", то есть явного отхода от первоначально занимаемой позиции. Такие действия воспринимаются как свидетельство слабости исполнительной власти, уступившей давлению оппозиции, как признание ошибочности своей политики или просто как нежелание выполнять по каким-либо причинам предвыборные обещания. Перед выборами 1997 года "новые лейбористы" заявили о намерении провести общенациональный референдум о переходе с мажоритарной на пропорциональную систему голосования на всеобщих выборах. Однако позже, не желая способствовать усилению позиции других политических сил, что случилось бы при положительном исходе референдума и принятии соответствующего закона, они дали задний ход и отложили этот проект в долгий ящик[1]. Ничем закончились обещания правительства провести референдум о присоединении страны к еврозоне. Дважды "разворачива-

[1] Справедливости ради надо сказать, что при "новых лейбористах" различные системы голосования с пропорциональным элементом стали использоваться (в Северной Ирландии эта практика существовала ещё с 1920-х гг.) на местных и парламентских выборах в Шотландии, на выборах ассамблеи Уэльса, Европарламента, мэра и ассамблеи Лондона.

лись" лейбористы в отношении Евроконституции. Вначале Тони Блэр выступал категорически против референдума по вопросу о её принятии; затем в 2005 году, руководствуясь конъюнктурными предвыборными соображениями, согласился с этой идеей лишь для того, чтобы отказаться от неё, как только Франция и Голландия сказали Евроконституции "нет".

* * *

Консерваторы проиграли выборы 1997 года в не меньшей степени из-за усталости общества от 18-летнего пребывания у власти одной партии, чем из-за провалов в её политике. Накопившийся за это время "послужной список" спорных и ошибочных решений правительства, память о которых более стойкая, чем память о решениях правильных, неизбежные скандалы и правительственные кризисы изменили политические предпочтения избирателей. То, что с тех пор Тони Блэр трижды привёл лейбористов к власти и уходит в отставку в ситуации, когда они имеют шансы победить в четвёртый раз, опровергает Инока Пауэлла, известного британского тори XX века, как-то сказавшего: "Все политические карьеры терпят крах". О политической карьере Тони Блэра такого не скажешь, хотя она заканчивается далеко не на мажорной ноте. И всё же его решение уйти досрочно делает ему честь как политику, тем более политику на вершине власти, нашедшему в себе силы подчинить личные интересы интересам своей организации.

Как в своё время история тэтчеризма продолжилась после ухода "железной леди" в отставку, так и теперь со сменой лидера Лейбористской партии история "нового лейборизма" далека от завершения. На смену тэтчеризму не пришёл блэризм, и всё же перемены в жизни страны, вершившиеся при Тони Блэре, значительны. Если при Тэтчер наиболее глубокие из них произошли в социально-экономической сфере, то теперь – в сфере конституционного устройства Великобритании. Конечно, лидер "новых лейбористов" рассчитывал на большее: присоединить страну к зоне евро, обеспечить ей лидирующие позиции в Евросоюзе, укрепить "государство благосостояния" с помощью его модернизации, создать "прогрессивную коалицию" политических сил – эти задачи не выполнены или выполнены лишь частично. Однако может ли считаться неуспешным политик, чья партия уже десять лет находится у руля управления страной, при котором децентрализация власти, плюрализм мнений и политических сил приняли невиданные ранее масштабы, а длительность экономического подъёма побила все рекорды?

Елена ВОДОПЬЯНОВА

НАУКА ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ИННОВАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Грядущее научное бытие ныне видится весьма противоречивым. Причина этого коренится прежде всего в том, что за последние пятьдесят лет отношение к науке с восторженного сменилось на сдержанное во всемирном масштабе. Практически повсеместно происходит подчинение познания требованиям эффективности и быстрой востребованности на рынке, а дух познания блекнет перед духом предпринимательства. Последнему, конечно, также свойственны творческие порывы, но они отнюдь не тождественны творчеству в науке как бескомпромиссному поиску истины.

Наука на службе технологии

Оценка науки современным обществом на основе соотнесения затрат и результатов оказывается не в её пользу. Время научных открытий сменяется временем использования плодов этих открытий, временем инноваций, в которых объединяются социально востребованные текущим моментом и наука, и технология. Всё это означает, что постиндустриальная эпоха использует главным образом такую науку, которая отвечает не столько на вопрос “почему”, сколько на многозначительное “как”.

Технологические реалии современной науки отразились и в названиях крупнейших исследовательских достижений конца XX века: информационные технологии, биотехнологии, технологии клонирования. Разумеется, исследовательская активность в XXI столетии будет, как и прежде, распределена по всему

© ***Водопьянова Елена Викторовна*** – главный научный сотрудник Института Европы РАН, доктор философских наук, профессор.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект N 07-03-02023а.

спектру направлений, но приоритетными, видимо, станут те сферы, в которых инновационный цикл окажется наиболее коротким. Такова ещё одна иллюстрация нарастающего прагматизма деятельности учёных.

Наука в эпоху глобализации переходит от перспективы интернационализации к воплощению её посредством реальной мобильности учёных и сетевой виртуализации объектов исследований. Одновременно глобализация с её финансово-экономической и компьютерно-технологической доминантами всё же предстаёт как нечто внешнее по отношению к научной деятельности, выражая социокультурное влияние общества на науку. Уже в этом последнем заключена потенциальная противоречивость взаимодействия двух противоположных процессов: эгалитарности глобализации (по крайней мере провозглашаемой идеологией данного кросскультурного проекта) и сущностной элитарности науки. Глобализация, таким образом, несёт с собой потенциальную опасность растворения науки в других видах деятельности. Дабы предотвратить подобный поворот событий, замкнутому в себе исследовательскому сообществу профессионалов следует ревностно оберегать себя от "дилетантизма глобализации".

Ярчайшим примером последнего становится социокультурный диалог чтения и телевидения, в котором в современную эпоху пальма первенства безусловно принадлежит последнему. Телевидение "во многих отношениях отбрасывает нас назад, в мир неграмотности. Человеку приходится учиться читать. Это требует труда и времени. Учиться смотреть телевизор не нужно. Разница очень велика"[1]. Телевидение апеллирует к эмоциям, письменная речь – к логике. В ситуации, когда логика уходит в культуре на второй план, наука также переживает не лучшие времена. И если для социума в ближайшей перспективе глобализация становится важнейшей целью и одним из факторов процветания, то для науки это всего лишь некое технологическое средство повышения эффективности интеграционных и кооперационных процессов. Национальная нивелировка исследовательского процесса (если даже попытаться осуществить её в общемировом либо региональном масштабе), явно не пойдёт на пользу продуктивности научной деятельности. Кроме того, как свидетельствуют факты новейшей истории науки конца XX века, между тремя центрами мировой науки сложилось своеобразное "разделение труда" по узким специализациям, которое до сих пор являлось весьма важным, и весомых оснований для отказа от него пока не обнаружено. Таковыми для США являются прикладные промышленные разработки, для азиатских стран – распространение новых технологий, тогда как для Западной Европы – фундаментальная наука. Каждый из национальных лидеров мировой науки нацелен на завоевание ведущих позиций по всему спектру НИОКР. Однако в реальности это вряд ли возможно.

Из вышеприведённого перечня специализаций следует, что мировая наука становится всё более прикладной и с технологической точки зрения всё более приближается к производственному процессу. "Разделение труда существовало

[1] Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 218.

в научном познании всегда. Но если до конца XIX века этот процесс был растянут в десятилетиях и даже в веках, то с возникновением научных учреждений процесс разделения труда удалось сконцентрировать в пространстве и времени. Эта концентрация, ничего не изменяя в самом процессе порождения знания, существенно ускоряет циркуляцию идей в научном сообществе. Огромные людские ресурсы, колоссальные материальные затраты, многообразие учреждений, характеризующие "большую науку", создают впечатление, что производство научных идей поставлено на поток, индустриализовано, стало делом коллективного творчества и с технологической точки зрения всё более приближается к производству вещей"[1]. Однако постиндустриальная научная деятельность "выпадает" из общей тенденции развития общественного производства данного исторического периода, которая характеризуется стремлением к минимизации всех типов ресурсов: от людских до сырьевых и финансовых. В науке информационной эпохи ситуация является противоположной.

Именно промышленное производство породило современную большую науку с её индустриальными формами. Постиндустриальное же общество не только унаследовало, но и возвело последние в абсолют. Эту тенденцию в эволюции исследовательского процесса Петр Капица зафиксировал ещё в 1938 году, когда написал в своих заметках, что наука стала производительной силой, став более богатой и одновременно порабощённой. На языке же сегодняшних реалий вполне правомерно говорить о порабощённости науки инновациями.

Нищей, но свободной осталась наука фундаментальная. Удельный вес фундаментальных исследований в общем объёме научной деятельности всё более сокращается. "Всё больший упор делается на прикладные дисциплины и всё чаще свертываются исследования в тех областях, где привычные "показатели продуктивности" не работают"[2]. И дело здесь вовсе не в чьей-то злой воле, а в стандартах массовой науки, где организация знаний по промышленному образцу означает наличие полного жизненного цикла в науке, простирающегося от идеи через её разработку до практического внедрения.

Богатство, обретённое прикладной наукой, стало платой за потерю академической свободы и отход от бескорыстного поиска новых знаний. Всё быстрее растёт количество научных центров, принадлежащих производственным корпорациям. Учёные всего мира работают сегодня над созданием разработок для IBM, Motorola, Siemens и других гигантов. Приоритеты научной деятельности данных структур во многом отличны от их аналогов в университетах. Для большинства патронируемых промышленностью научных центров приоритет конкурентоспособности является ведущим мотивом при выборе предмета исследований. Исследовательские центры фармацевтических компаний скорее углубятся в изучение показаний к применению того или иного лекарства, неже-

---

[1] Чернякова И.С. Истина как смысл человеческой деятельности. СПб., 1993. С. 85, 86.
[2] Теории информационного общества. М., 2004. С. 346.

ли сосредоточатся на исследовании отдалённых побочных действий вновь созданного препарата.

Ещё один сегмент исследовательского процесса в постиндустриальном обществе – малые гибкие венчурные фирмы. Большинство таких фирм исчезает вскоре после появления, но некоторые достигают выдающихся результатов, не в последнюю очередь измеряемых доходами от их продажи.

Наконец, постиндустриальная наука придаёт полному забвению доставшееся в наследство от Нового времени стремление учёного к энциклопедизму и универсализму в процессе создания нового знания.

Постиндустриальная эпоха как общество, ведомое к своим высотам интеллектуалами, казалось бы, предлагает последним максимальные возможности для самореализации. Однако так представляется лишь на первый взгляд, поскольку информационная эпоха диктует социуму и учёным, в частности, принципиально отличные от предшествующего индустриального периода правила игры.

Отчего в постиндустриальную эпоху изменяется и становится всё более прагматичной мотивация учёных? “Я хочу понять и узнать” – таков исходный посыл классического исследовательского процесса. Ведь познание в его незамутнённом соображениями выгоды виде – это прежде всего поход за истиной. Интерес, вызванный проблемой, исходно формирует предельно общую, абстрактную цель выявить истину и понять причину того или иного явления. По мере прогресса науки эти цели всё более конкретизируются, уточняются и, увы, сужаются. Тем самым формируются условия для роста специализаций и сокращения сферы абстрактно-универсального поиска. Соответственно и цели научной деятельности начинают формулироваться не столько с помощью термина “хотеть”, сколько ориентируясь на потенциал глагола “суметь”. Уметь всё одинаково хорошо невозможно, а вот овладеть навыком некоего ремесла, пусть и исследовательского, вполне реально.

Именно таким образом и построена мировая наука номер один – американская. Её потрясающие результаты уже несколько десятилетий достигаются прежде всего посредством слаженной работы узкоспециализированных исследователей, объединённых в научные коллективы. Кроме того, деятельность современного учёного неотделима от умения эффективно осуществить поиск в компьютерных базах данных, спектр которых столь широк, что возможность более полного знакомства с ними, бесспорно, выше у группы, нежели у отдельного учёного. При таком коллективном поиске и обработке информации безусловно повышается скорость работы. Темп мировой научной гонки растёт всё быстрее, и здесь главное – успеть первым. Издержками подобной деятельности: полнотой, а подчас и точностью получаемой информации – в этом случае приходится пренебречь в угоду потенциальной прибыли.

И хотя идеи по-прежнему являются прерогативой отдельных учёных, их реализация сегодня под силу лишь организациям, поскольку создание принципиально нового знания ныне настолько сложно, что для его достижения нужны

целые коллективы. В результате наука постиндустриального социума утрачивает индивидуальный характер и становится интерперсональной.

Итак, с одной стороны, от учёного в условиях преимущественно коллективной научной деятельности требуется сосредоточение на определённых функциях, а именно специализация. С другой стороны, рост параметров неопределённости в системе постиндустриального общества делает ориентацию исследователя на специализацию достаточно рискованной. Ведь, как отмечают теоретики информационной эпохи, к экономике "третьей волны" наиболее безболезненно адаптируются те, кто готов быстро адаптироваться к изменениям и способен перемещать идеи из одной сферы в другую. Именно поэтому есть все основания утверждать, что для постиндустриальной науки наиболее важным становится режим гибкой специализации исследователей, который прежде всего означает умение обучаться, а главное – постоянно переобучаться. Для современного учёного высшей квалификации важны прежде всего вхождение в проблему (проект), своевременный выход из неё и плавный переход к новой проблеме. Последнее в качестве важнейшего условия эффективности такой деятельности предполагает уже не классическую абстрактно-энциклопедическую, а прагматическую универсальность. Именно навык подобного типа позволяет учёному верно избрать новый проект, компетентно войти в него и, наконец, эффективно его реализовать. Всё это возможно лишь в условиях глубокой погружённости в виртуальные исследовательские сети. Этот процесс предполагает не только задействованность информационного поля научных проблем, но и сетевое общение с коллегами, а также внешнюю экспертизу результатов, полученных отдельным учёным.

Гибкая специализация современного учёного неотделима от мобильности исследователей и их жажды перемен как по отношению к содержанию деятельности, так и к смене научных коллективов и места своей работы. Разумеется, такая технология творческого процесса существенно видоизменяет его традиционную специфику, сложившуюся в рамках общества индустриального типа.

Коллективность и высокая специализация современной науки связаны ещё и с необходимостью нахождения ответов на уже поставленные социумом задачи. Это, в свою очередь, оставляет намного меньше возможностей для фундаментального теоретического знания, прикладная востребованность которого, как правило, неочевидна.

В основе сложившейся ситуации лежит целый комплекс социальных, а также внутринаучных причин. Сетевое общество информационной эпохи делает главным своим субъектом группу, без которой не может существовать сеть. Таким образом, коллективный характер науки постиндустриального общества со стороны социума обусловлен его сетевой структурой, а со стороны исследовательского процесса – необходимостью ответа на сложные и крупномасштабные задачи, обращённые обществом к науке. К настоящему времени большинство из них уже сформулировано и ждёт от мирового научного сообщества своего решения. К основным задачам относятся:

– предотвращение глобальных природных катаклизмов;
– снятие остроты экологических проблем;
– решение продовольственных проблем во всемирном масштабе;
– возможность эффективного лечения заболеваний различной природы, в том числе повсеместное распространение и всеобщая доступность генной терапии, биопротезирования и широкого спектра биотехнологий;
– экспансия человеческой жизнедеятельности в океанское и подземное пространства;
– автоматизация и роботизация производства и быта;
– индивидуализация потребления.

От реальной к имиджевой науке

Значительный вклад в усиление прагматического характера современной науки вносит виртуализация исследовательского поиска. Это новая тенденция в развитии науки информационного социума, видимо, постепенно будет окончательно встроена в её стандартную модель. Виртуализация современной науки – свершившийся факт, который нет оснований оценивать однозначно. В основе виртуализации лежит всеобщая компьютеризация деятельности вообще и научной деятельности в частности.

Виртуальная реальность исходно формировалась как новая ипостась моделирования. Традиционно под моделированием в науке понимают возможность осуществить исследование процессов, характерных для оригинала в отсутствие самого оригинала. Таким образом, виртуальный образ объекта и есть модель того процесса, который исследует наука. Данная функция виртуализации вполне может быть отнесена к сугубо инструментальным составляющим науки, и в этом своём качестве она вряд ли бы привела к революционным изменениям в самом характере исследовательского процесса. Наука с успехом использовала технико-технологические новшества и в прежние века. В качестве средства научного поиска компьютер не слишком отличается от микроскопа. Принципиальная разница между ними состоит в принципиально новом вкладе компьютерной техники в становление виртуализации как способа и стиля коммуникации в научном сообществе. Таким образом, для науки информационного общества коммуникативная функция виртуализации оказывается более значимой, нежели функция моделирования.

Наиболее яркой иллюстрацией позитивной эволюции научной коммуникации, безусловно, является использование Интернета для исследовательских контактов и обратная связь с незнакомыми коллегами, узнавшими о ваших результатах и публикациях при посредстве компьютерных сетей.

Однако Всемирная паутина генерирует и иные процессы, ходом которых “движет стремление не к истинному, а к выгодному знанию. Происходит отделение научности от истинности, воспроизводства науки как предприятия от собственно поиска истины. В деятельности учёных и студентов всё больше времени и сил отводится созданию и презентации образа, необходимого для

успеха в конкурсах на получение грантов, стипендий для обучения за границей, заказов на консалтинговые услуги" [1]. Данные процессы являются всемирными и создают в большей степени имиджевую, а не реальную науку.

Подобная деятельность превращается в бег по кругу и квазиактивность, где условием получения нового гранта является значительное число ранее полученных грантов и навык оформления заявок на них. Научные результаты при этом, как правило, никого не интересуют, а вот сугубо ремесленные навыки самопрезентации оказываются весьма кстати. Стипендии для обучения за границей – особенно для молодых учёных – также преимущественно оказываются комплексным результатом хорошего знания языка избранной для поездки страны и оживлённой интернет-переписки с её учёными и научными фондами, а отнюдь не поиском истины ради неё самой. Преодолев две эти первые ступени современной научной карьеры и став грантополучателем и стипендиатом, учёный выходит на рынок консалтинговых услуг в соответствующем образе успешного прагматика.

Известно, что исследовательская продуктивность в значительной степени зависит от верно выбранной учёным (или научным коллективом) собственной "роли" или набора ролей (функций) в познавательном процессе. Так существует специфика труда генераторов идей, собирателей фактов, синтезаторов и т. д. Виртуализация современной науки требует – и порождает – новое научное "амплуа", совмещающее функции менеджера и маркетолога. Назовем это амплуа: прагматик, цель которого "рыночная деятельность, работа для "продажи", вместе с другими и для других, требующая взаимных денежных оценок и признания их обществом"[2]. Так посредством функциональной составляющей научного поиска объединяются виртуализация и прагматизм современной мировой науки.

Научная деятельность, таким образом, начинает осуществляться в координатах параллельных миров: реального исследовательского процесса и его имитации. Возможно, ничего трагичного в этом нет. Особенно если рассматривать проблему с позиций развития технологического, где деятельность стран-имитаторов научно-технологических достижений оказалась весьма эффективной и во всемирном масштабе востребованной. Кроме того, имитаторы в технологиях вчера, сегодня и завтра невозможны без новаторов. Но в классических координатах научности имитация исследовательского процесса посредством квазиактивности и сугубо коммерческой результативности в конечном счёте в состоянии свести на нет саму сущность деятельности учёного с её системообразующей установкой на новизну. Что же касается упомянутых квазиактивности и псевдорезультативности, то эти термины достаточно точны, поскольку отража-

---

[1] Иванов Д.В. Критическая теория и виртуализация общества.//Социс. 1999. N 1. С. 38, 39.

[2] Васильчук Ю.А. Социальное развитие человека в XX веке//Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 17.

ют нацеленность постиндустриального научного сообщества не столько на поиск новых результатов, сколько на поддержку спонсоров. Последней жаждут и гении, и посредственности. Оборотной стороной данной ситуации как раз и служит устремление потенциальных доноров науки получить быструю прибыль от своих вложений, а значит, сэкономить на финансировании преимущественно бесприбыльной фундаментальной науки.

Всё это позволяет считать поистине пророческими слова Митчела Уилсона, который в 1949 году в романе "Живи с молнией" весьма прозорливо предсказал закат классической науки. Характеризуя оценку труда учёного социумом, он писал: "Общество нас не преследует, нет, гораздо хуже – оно почти не знает о нашем существовании. Нас не считают за людей. Так что славы настоящей у нас нет и денег тоже, и в том, что может дать нам жизнь, не слишком много счастья, – вот почему я не понимаю, чем может привлекать научная карьера молодого человека в расцвете сил" [1]. Точность столь пессимистических рассуждений для эпохи информационного капитализма базируется на том, что экономика знаний требует вовсе не универсального знания, необходимого прежде всего для понимания сути, то есть идеала классической науки. Напротив, постиндустриальное общество формирует заказ на знание, применяемое в производстве, либо оказывающее влияние на повседневную жизнь человека. Между тем такой продукт в состоянии произвести не только учёные, но и крупные менеджеры финансового рынка, рекламные аналитики, практикующие юристы и иные интеллектуалы информационной эпохи. Ценность и престиж "чистой науки" в таких условиях неотвратимо снижается.

Будущее – за "наукой о жизни"

Но вернёмся к внутринаучным реалиям. Осмысление тенденций в развитии науки невозможно без анализа эволюции дисциплинарных приоритетов в исследовательском поиске XXI века. В определённой степени они оказались подготовлены всем предыдущим ходом развития науки в истории общества. Цивилизация уже прошла через пик гуманитарной и религиозной образованности в античности и средневековье соответственно. Новое время обеспечило триумф техникознания, символом которого стала механика. Ей на смену в веке XX пришла физика, возможности которой ещё 40 лет назад казались землянам безграничными. Конец XX века развеял эти иллюзии безвозвратно, но одновременно вывел на авансцену нового фаворита: комплекс "наук о жизни" (название, ставшее общепринятым и подразумевающее систему биологического и медицинского знания). Эвристический потенциал наук о жизни действительно огромен и сулит множество перспектив человечеству. Очевидно, что не все они будут реализованы, а иерархию тех из них, которые станут явью, в конечном счёте определит общество, а не учёные.

---

[1] Уилсон М. Живи с молнией. М., 1965. С. 28–29.

Биология не решит всех текущих, а тем более вечных, человеческих проблем, также как не сумели сделать это античная философия и механика Нового времени. И в этом смысле мироздание мудрее человека. Однако по крайней мере на первую половину нынешнего века приоритет наук о жизни очевиден. Целью постиндустриального общества является совершенствование человека средствами его биологических резервов, поскольку прежние искусственно-технические рецепты совершенствования человеческой жизни лишь преумножили комфорт, но не изменили ее принципиально. Сегодня учёные точно знают, как устроен космический корабль и куда менее точно представляют работу человеческого мозга и уж тем более почти бессильны перед его "ремонтом". Двухтысячелетняя история западной цивилизации наглядно подтвердила, что техническое развитие не в состоянии осуществить деятельность подобного рода, поскольку оно не внесло ничего нового в физиологические и биохимические законы функционирования человеческого организма. Принципиально качество жизни можно изменить только с помощью наук о жизни. Тем самым возникает объективное подтверждение для прогнозов футурологов, утверждающих, что "царицей наук" в XXI веке будет уже не физика, а биология.

В целом науки о жизни в XXI столетии, подобно другим базовым направлениям мировых исследований, будут определять собственную эффективность по практической востребованности. Как известно, для человека нет ничего важнее здоровья. Именно поэтому медицинские инновации, видимо, и сформируют наивысший рейтинг наук о жизни в наступившем веке.

Как раз в таком контексте потенциальной прикладной востребованности обществом инновационных следствий наук о жизни медико-биологическое исследовательское сообщество уже сегодня делает предварительный прогноз своих результатов на ближайшие два десятилетия. Так, по мнению экспертов, через два десятилетия вполне прогнозируем ряд поистине революционных достижений в исследованиях генома человека, в том числе в генной терапии[1]. Для человечества это будет означать внедрение геннозамещающих технологий, возможность генетической корректировки всех психических характеристик индивида и даже применение "генетической косметики" с целью выбора цвета глаз, волос, и, возможно, роста. Углубление в тайны мозга, безусловно, внесёт вклад в улучшение человеческих способностей и позволит лучше понять загадки духовного мира людей. В свою очередь, перспективы освоения технологий клонирования ряда органов и выращивания тканей человеческого организма, причём используя для этого биологический материал самого пациента, позволят снять проблему отторжения органов и дефицита доноров. Кроме того, в процессе врачевания произойдут и иные революционные перемены, к которым прежде всего следует отнести перспективу передачи ряда функций клинического медицинского наблюдения за состоянием организма в руки самих пациентов. Так науки о жизни предстанут предельно субъективизированными, став одновременно весьма насыщенными информационными технологиями. Без них важ-

[1] См.: Наука и общество на рубеже веков. М., 2000. С. 64, 65.

нейшие медико-биологические достижения современной науки были бы невозможны, поскольку компьютерная техника позволяет моделировать и демонстрировать в трехмерных координатах природные процессы любой сложности.

Что касается собственно биологической составляющей цикла наук о жизни, то от них ожидают прежде всего качественного роста биотехнологий. Эксперты полагают, что в ближайшие два десятилетия с их помощью в общемировом масштабе будет решена продовольственная проблема и модифицируется система питания человечества. Одновременно биотехнологии станут доминировать не только в сельском хозяйстве, но и в производстве лекарственных препаратов. Принципиально новым также может стать повсеместное использование органических форм жизни для различных видов трудовой активности, простирающейся от экологически чистых производств до сферы проведения досуга.

Разумеется, уже сегодня, когда большинство из вышеперечисленных достижений ещё не стало реальностью, существует достаточно много опасений по поводу возможного перехода биологических исследований в неуправляемую фазу. А пока этого не произошло, человечество ожидает от наук о жизни всегда столь желанных чудес.

Известно, что общество живёт обычно не тем образованием, которое оно породило, а тем, которое создала предшествующая эпоха. В ней физики спорили с лириками, однако ни одна из сторон при этом не нуждалась в аргументах биологов и медиков. И хотя со времен давнего спора прошло полвека, к биологическому доминированию в восприятии мира массовым сознанием не приблизилось даже население развитых стран. Современный интеллектуал гораздо чаще осведомлён о принципах работы компьютера, нежели о механизмах функционирования собственного организма. А, значит, бэконовский девиз "знание – сила" по-прежнему в большей степени относится к точным и техническим наукам, навыки из сферы которых формируются и укореняются в сознании масс легче, нежели взгляды на мир сквозь призму наук о жизни. Последним ещё предстоит пройти долгий путь, прежде чем они завоюют доверие социума. Маловероятно, однако, что науки о жизни смогут полностью заменить собой науки об искусственном, то есть комплекс технических наук. Прогнозы подобного рода вряд ли имеют под собой реальную почву. Ведь даже в случае некоего – пока лишь прогнозируемого сегодня – триумфа биологического знания в будущем исследовательское поле для техникознания по-прежнему останется достаточно широким.

Собственно, уже сегодня как лидеры, так и аутсайдеры исследовательского поиска объективно вынуждены выстраивать стратегию научных изысканий на стыке собственно предметного рассмотрения объекта и информационных технологий. Комплекс наук о жизни также не может функционировать вне информационно-технологического пространства. Таким образом, *синтез наук в XXI веке – это во многом синтез естественного и искусственного, органического и неорганического, природного и социального начал бытия.*

Таковы контуры века биологии, как они представляются в самом начале наступившего столетия. Наряду с очевидными позитивными результатами, массо-

вому сознанию предстоит долгая и достаточно болезненная перенастройка на биологическое доминирование в картине мира XXI века.

Информационные технологии – инструмент познания

Несомненно, что этот процесс будет более тяжёлым по сравнению с практически уже происшедшей адаптацией к технологиям информационным. Последние предстают как результат слияния двух достижений в развитии техники: вычислительных машин и способов передачи цифровой информации по телекоммуникационным сетям. Данная научно-технологическая сфера является искусственно-технической в своей основе, но в ходе своего развития переходит в новое качество, поскольку рост кодифицированных научных результатов знаменует собой в технологическом аспекте переход от знания преимущественно технического к обработке различных типов информации. Кроме того, информационные технологии являются самой "размытой" и одновременно самой интегративной сферой научного поиска в начале нового тысячелетия.

По самой своей сути информационные технологии более других исходно призваны играть роль средств оптимизации того или иного вида деятельности. Инструментальную сущность информационных технологий хорошо иллюстрируют слова одного из руководителей корпорации Intel – крупнейшего в мире производителя микропроцессоров: "Дело в том, что микропроцессор сам по себе не нужен ни вам, ни нам – никому. Микропроцессоры – лишь инструмент для достижения определённых целей"[1]. К таким уже осуществлённым на сегодняшний день и воплощённым в информационном пространстве социальным целям относятся:

– постоянный рост быстродействия компьютеров и их повсеместное использование;

– формирование сетевых информационных технологий, лежащее в основе работы в режиме реального времени, всемирной финансовой индустрии и электронной торговли, а также дистанционного образования;

– революционные изменения во всех типах коммуникаций, простирающиеся от интернет-конференций до виртуальных научных парков;

– автоматизация и компьютерный контроль различных производственных циклов;

– оптимизация научного поиска;

– качественные изменения в способах и стилях организации частной жизни.

Дальнейшая эволюция информационных технологий, видимо, в ближайшей перспективе будет происходить в направлении всё большей адаптации компьютерных комплексов к человеческим "слабостям": техника должна будет "научиться" распознавать звуки речи и жесты.

Что касается перспектив информационных технологий, то относительно их развития также существуют весьма неоднозначные прогнозы. И самые револю-

[1] НГ-наука. № 11. Декабрь 2000.

ционные из них, разумеется, стыкуются с проблемой искусственного интеллекта. Как только появится первая машина с интеллектом, близким по мощности к человеческому, у нас, как считают специалисты, уже не будет возможности её выключить. В этом случае интеллектуальному господству человечества придёт конец, и тогда уже нельзя будет остановить наступление машин. Думается всё-таки, что последнее предположение – из области фантастики. Реальностью же является то, что к настоящему времени информационная интенсификация по сравнению с масштабами и темпами использования сырья (в т.ч. и в энергетических целях) вышла на первый план. В этом смысле наукам о жизни ещё предстоит доказать свой приоритет, решив в обозримой перспективе те задачи, которые уже сегодня поставило перед ними человечество.

Человеческая цивилизация в третьем тысячелетии вовсе не намерена отказываться от уже обретённого уровня комфорта в результате взаимодействия с технико-технологической средой, а, напротив, готово углублять его. Ведь технологии постиндустриальной экономики – это прежде всего результат реагирования на социальный заказ общества. Так, в частности, даже констатируя появление таких новых реалий, как, например, сетевое пространство Интернета или виртуализация, невозможно отрицать их энергетическую обусловленность. В этом случае вполне резонно заметить, что если функционирование энергетики возможно (в пределе) и без информатики, то информатика без энергетики просто мертва.

Энергетика – всему голова

Разумеется, информационная эра вносит свои коррективы и в энергетическую стратегию мирового сообщества. “В будущем наша энергетическая инфраструктура, скорее всего, сосредоточится вокруг использования двух неуглеродных источников: атомной энергии и энергии солнца. Атомная энергетическая промышленность будет развиваться по образцу французской: использование унифицированных конструкций, масштабный экономический эффект, взаимозаменяемость деталей, узлов и персонала. Солнечная энергетика пойдёт двумя путями. Один из них – прямое преобразование света в электричество с помощью солнечных батарей, второй – использование тепловой составляющей солнечного излучения для нагрева воды. Ещё одним важным источником энергии станет ветер. За последние пять лет в этой области достигнуты значительные успехи”[1]. Для иллюстрации последнего достаточно упомянуть современные немецкие “сюрреалистические” природные ландшафты, богато украшенные лопастями “ветряков”.

Специалисты-энергетики относятся к возможностям ветряной энергетики по-прежнему в основном скептически: её потенциал действительно не столь уж велик. Тем не менее Западная Европа уже сегодня выступает одной из испыта-

[1] Наука и общество на рубеже веков. М. 2000. С. 56.

тельных экспериментальных площадок по производству альтернативных источников энергии.

Что же касается энергетики классической, индустриальной и основанной на углеродных источниках, то даже если в результате новых исследований и выяснится меньшая, чем принято считать сегодня, потенциальная опасность горючих полезных ископаемых для производства электрической энергии, то все равно вряд ли будущее этой отрасли будет определяться данными энергоносителями. Ведь, кроме столь остро обсуждаемого ныне феномена "парникового эффекта", продукты сгорания угля, нефти и газа по-прежнему небезопасны и для здоровья человека. Это последнее обстоятельство ещё не скоро удастся минимизировать и, следовательно, как уже сегодня утверждают учёные-энергетики, будущее этой отрасли за энергетикой атомной. Среди её неоспоримых преимуществ ныне уже задействованы два: крупномасштабное генерирование электроэнергии и практически полное отсутствие вредных выбросов в атмосферу при нормальном производственном цикле. Таким образом, если в ближайшие десятилетия будут созданы технологии, обеспечивающие безопасное функционирование АЭС, а также безопасное захоронение отходов атомного производства, триумф атомной энергетики окажется бесспорным.

Но даже если этот прогноз полностью не оправдается, энергетические технологии и в XXI веке останутся среди доминирующих. Самим фактом своей востребованности они подтверждают невозможность функционирования постиндустриального мира вне индустриального фундамента, причём не только в контексте синтеза естественного и искусственного, но и в координатах преемственности исторического развития. Ведь точно так же, как индустриальная эпоха была бы невозможна вне фундамента традиционного общества, так и постиндустриализм строит своё процветание на гребне промышленной основы "второй волны".

Ещё одним индикатором значимости техникознания для постиндустриального миропорядка XXI столетия является материаловедение. Цели, которые преследует комплекс наук о материалах, сводятся к двум основным:

– создание принципиально новых материалов с исходно заданными потребителем свойствами;

– изготовление материалов, которые позже смогут неоднократно использоваться в качестве сырья для создания других подобных структур и представляют собой элементы цикла безотходного производства.

Данные цели научно-техническое сообщество в промышленно развитых странах уже сегодня намерено реализовывать не только на традиционном макроуровне, но и на микроуровне. Ныне уже вполне очевидны два направления этого движения. Первое базируется на парадигме технического и искусственного – таков вектор микроминиатюризации (в т.ч. нанотехнологий) и модульности производимой продукции. Второе стремится воспроизвести в искусственных условиях природу, разрабатывая материалы, имитирующие естественные.

Коротко остановимся и на содержании термина "нанотехнологии". Нанотехнология ("нано" – в переводе с греческого "карлик") оперирует масштабами измерения, равными одной миллиардной доле метра. Данный вид технологий нацелен на создание микроскопических машин размером с молекулу с целью конструирования из отдельных атомов структур практически любой сложности с заданными свойствами. Нанотехнологии базируются прежде всего на достижениях генетики, оперирующей микроскопическими масштабами, однако имеют своей целью искусственно-технологические манипуляции в микромире.

* * *

Таков спектр дисциплинарных приоритетов в исследованиях, инициируемых наступившим веком. Одновременно каждый из них представляет собой еще и фундамент для изысканий на стыке наук. Сам *принцип формирования новых предметных областей междисциплинарных исследований уже вполне определился: чем более отдалены (вплоть до уровня кажущейся полной "несовместимости") друг от друга предметные области науки, тем значительнее может быть потенциальный эффект от разработок, проводимых на их стыках.* Количество последних давно уже не сводится к двум и в принципе неограничено. Исследования междисциплинарного характера требуют от учёного достаточно специфической подготовки, значимость которой в ближайшей перспективе, видимо, будет расти.

Основными же проблемами научного сообщества постиндустриальной эпохи, безусловно, являются элементы триады: оптимальное перераспределение ограниченных ресурсов, объективная оценка полученных результатов и организация процесса передачи научных знаний в промышленность. Они – наследие ушедшего века, в котором не были полностью решены. И от того, насколько сумеет преодолеть их нынешняя эпоха, зависит будущее науки в информационном обществе. Причём наука будущего, скорее всего, окажется будничной. "Будничность" здесь выступает как синоним "повседневности". По-видимому, именно повседневной, необходимой, привычной, но отнюдь не ярко неожиданной станет наука для человечества XXI века. Эпоха триумфа науки вряд ли повторится, но в этом нет ничего трагичного, как не повторялись в истории культуры античный триумф прекрасного и религиозные искания средневековья. Сегодня к этому готовы и общество, и учёные. Каждая из этих социальных групп принципиально изменилась по сравнению с индустриальной эпохой. Но информационное общество в состоянии найти общий язык только с современной ему наукой и очевидно, что именно этот диалог как раз и предопределит, будут ли решены постиндустриальной наукой задачи, поставленные "экономикой знаний".

Пётр КАНЫГИН

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ЕС И РОССИЙСКИЙ ЭКСПОРТ ЭНЕРГОНОСИТЕЛЕЙ

Растущая зависимость Евросоюза от импорта энергии, её трёхкратное удорожание за последние четыре года, известные события на транзитных путях естественно привели к тому, что влияние ЕС концентрируется ныне на освоении новых, возобновляемых источников энергии, заменяющих имеющуюся и традиционную для Европы углеводородную основу её энергетики.

"Угольное прошлое осталось позади, – резюмировал Председатель Комиссии ЕС Х. Баррозо, представляя в январе 2007 года проект новой Энергетической стратегии Евросоюза – пришло время выбирать будущее, которое только в незначительной степени станет связано с углеводородами".

В своём нынешнем виде эти источники могут служить пока лишь подспорьем в решении топливных проблем Евросоюза. Однако всё происходящее в данной области заслуживает пристального внимания России, ибо рассматривается в Брюсселе как альтернатива импорту российских энергоносителей в Европейский Союз.

Немного истории и цифр

Под "возобновляемыми источниками энергии" в ЕС имеется в виду набор энергоносителей неуглеводородного ряда, которые могут использоваться в энергоснабжении как самостоятельно, так и в смеси с традиционными. К ним относятся как прорывные технические решения (ядерная энергия, водород, изотопы), так и давно используемые силы природы (ветер, солнце, гидроэнергия,

© ***Каныгин Пётр Сергеевич*** – Председатель Наблюдательного совета Топливно-Энергетического союза России.

приливы, термальные источники) и даже древесина, формирующая основную часть используемой ныне биомассы (дрова, отходы лесного промысла).

Такую смесь, конечно же, вряд ли можно рассматривать как уже готовую базу энергетики будущего, однако её элементы вполне могут содержать в себе технические "семена" такого перехода.

Поэтому, начиная ещё с рубежа 90-х годов, тема их освоения и развития прочно заняла свое место в законотворчестве и в управленческой политике Брюсселя, обеспечив себе влиятельное лобби в виде тех партий и фракций, в первую очередь "зелёных", которые таким образом стремились привлечь к себе голоса избирателей. Соответственно, и энергия, получаемая из возобновляемых источников, стала называться "зелёной".

Всё начиналось с выпуска Комиссией ЕС в 1996 году "Зелёной книги", а в 1997 году "Белой книги", которые ставили задачу доведения в следующие 15 лет (т. е. к 2010 г.) доли возобновляемых источников энергии в общем энергопотреблении ЕС до 12% (без ядерной энергии)[1]. Принятые наметки были затем конкретизированы в Директиве 2001\77\ЕС, постулировавшей получение из них к 2010 году до 22% общего объёма генерации электроэнергии (против 14% в 2000 г.), равно как и замещение биотопливом на ту же дату до 5,75% потребления моторного топлива в ЕС (в 2000 г. – 0,6%)[2]. После расширения Евросоюза показатель по электроэнергии был снижен до 21%, но зато КЕС обязана была предоставлять ежегодные доклады о прогрессе в данной области[3].

Финансовой базой этой деятельности стали программы "Альтенер" (1993–1997 гг.), "Джулии", "Терми", "Интелледжент энерджи" (2003–2006 гг.), "Штер" (их использование на транспорте) и др[4]. Наконец, в VI Рамочную Программу содействия НИОКР в ЕС (2002–2006 гг.) были включены пять специализированных тематических разделов, в VII Рамочной Программе (2006– 2016 гг.) на возобновляемые источники была направлена практически вся бюджетная поддержка по энергетике (1 175 млн евро в равных долях на ядерные исследования и на собственно новые источники), а Европейский инвестиционный банк решил выделять на льготной основе кредиты на НИОКР по данной тематике в 500 млн евро в год[5]. Обширные программы освоения возобновляемых источников приняло на национальном уровне и большинство стран ЕС. Такая ощутимая финансовая поддержка, по словам исполнительного директора Европейской ассоциации ветровой энергии К. Каппера, "явно демонстрирует нашу волю взять реванш за прежние десятилетия несбаланси-

[1] Doc.EU.COM (96) 576.
[2] Doc. Directive 2001\77\EC
[3] http://europe.eu/scadpus/leg/en/evb/127058.htm.
[4] Ibidem.; http://europe.eu/scadplus/leg/en/evb/127018htm.
[5] "Europe", 01.11.2006. P. 11.

рованного крена Европы в сторону исследований по одному лишь ископаемому топливу"[1].

Вместе с тем, даже по самым оптимистичным оценкам, к 2010 году возобновляемые источники смогут дать максимум 10% общего объёма производства энергии в ЕС, не более 18–19% генерации электроэнергии, и то при условии, что в данную сферу будет вложено от 10 до 15 млрд. евро[2]. По более же осторожным оценкам цифра в 12% может быть реально достигнута лишь к 2030 году (см.таблицу 1).

Таблица 1

Баланс спроса на первичную энергию в ЕС до 2030 г. по её отдельным источникам (%)

	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2030 г.
Твердое топливо	27,8	18,5	15,8	13,8	15,5
Нефть	38,3	38,4	36,9	35,5	33,8
Газ	16,7	22,8	25,5	28,1	27,3
Ядерная энергия	12,7	14,4	13,7	12,1	11,1
Возобновляемые источники	4,4	5,8	7,9	16,4	12,2

Источник: EU. Energy Scenarios up to 2030, Brussels, 2006. P. 12.

Таким образом, в краткосрочной перспективе возобновляемые источники оказываются способными потеснить в энергобалансе ЕС разве что уголь, но не такие системообразующие носители, как нефть и газ.

Ещё более противоречивая картина складывается по отдельным странам-членам ЕС. По оценкам КЕС, такие задачи вполне способны выполнить Германия, Дания, Испания и Финляндия, где осуществляются специальные национальные программы. Не исключено их выполнение также в Австрии, Бельгии, Франции, Нидерландах, Великобритании, Италии, Люксембурге и Швеции. Однако это не смогут сделать Греция, Португалия и "новые европейцы"[3]. В электроэнергетике к 2010 году из возобновляемых источников при намётке в 21% в среднем по ЕС по отдельным странам выполнение этого показателя прогнозируется в диапазоне 2–60%[4] (см. таблицу 2).

---

[1] "Euractiv", 27.12.2006.
[2] http://europe.eu/scadplus/leg/eu/evb/127058,htm.
[3] Ibidem.
[4] "Euractiv", 15.12.2006.

Таблица 2

Доля электроэнергии из возобновляемых источников в её валовом потреблении в различных странах ЕС (%)

Страны	Намётки ЕС на 2010 г.	Доля по факту*	В том числе доли		
			гидро-энергии	ветро-вой	био-массы
ЕС-25	21,0	12,8	9,3	1,4	2,1**
ЕС-15	22,0	13,8	9,9	1,6	2,2**
Австрия	78,1	55,4	51,9	0,6	2,9
Бельгия	6,0	1,9	0,3	0,1	0,5
Великобритания	10,0	2,8	0,8	0,3	1,7
Венгрия	3,6	0,9	0,4	-	0,5
Германия	12,5	8,0	3,3	3,3	1,5
Греция	20,1	9,6	7,9	1,7	-
Дания	29,0	23,2	0,1	14,8	8,4
Ирландия	13,2	4,3	2,3	1,7	0,3
Италия	25,0	13,2	10,1	0,4	2,6**
Испания	29,4	22,5	15,7	4,6	2,2
Латвия	49,3	35,4	34,3	0,7	0,4
Литва	7,0	2,9	2,9	-	0,1
Люксембург	5,7	2,6	1,2	0,4	1,0
Нидерланды	9,0	4,7	0,1	1,2	3,4
Польша	7,5	1,6	1,2	0,1	0,3
Португалия	39,0	36,7	31,9	1,0	3,8**
Словакия	31,0	12,1	12,1	-	-
Словения	33,6	23,1	22,3	-	0,9
Финляндия	31,5	21,8	10,8	0,1	10,9
Франция	21,0	13,1	12,1	0,1	1,0
Чехия	8,0	2,8	2,1	-	0,7
Швеция	60,0	40,0	36,1	0,5	3,4
Эстония	5,1	0,5	0,2	-	0,3

- * данные за последний известный год и без АЭС
- ** включая геотермальную энергию

Примечание: данные по Кипру и Мальте отсутствуют.

Источник: EU. Energy and Transport in Figures, 2005, Brussels, 2006. P. 2.4.2.

Составляющие возобновляемого энергоснабжения

Важно разобраться и с тем, о каких видах "зелёной" энергии, собственно, идёт речь и как стимулируется их развитие.

Важнейшей такой составляющей выступает ныне **ядерная энергия**. Условность её зачисления в возобновляемый спектр (ибо потребляемый здесь уран в конечном счёте невозобновляем) искупается тем, что АЭС действительно способны войти в неуглеродную энергетику будущего.

Ныне в 12 странах ЕС имеется около 150 энергоблоков АЭС, которые дают до 40% всей электроэнергии ЕС-25, а во Франции, Словакии и Бельгии – её основную часть (см. таблицу 3).

Таблица 3

Доля электроэнергии, производимой АЭС, в общем объеме генерации электроэнергии в ЕС 2005 г. (%)

Франция	78,3	Чехия	30,6
Словакия	56,2	Германия	29,6
Бельгия	55,0	Великобритания	20,6
Швеция	44,9	Испания	19,8
Венгрия	39,4	Нидерланды	3,7
Финляндия	32,9	ЕС в целом	40,3

Источник: Europolitique. Energy, 12.06.2006. p. 9.

Боязнь радиационной угрозы привела к принятию программ поэтапного демонтажа АЭС в Германии, Швеции, Великобритании и Бельгии, а в ЕС-10 были остановлены почти все энергоблоки советского производства, что отбросило ядерную энергетику ЕС на много лет назад. Но острейший дефицит электроэнергии заставил власти ЕС позднее снять это "табу". Изменилось в пользу АЭС и общественное мнение, часть которого готова даже ныне отнести ядерную энергетику к разновидности "зелёной" по причине её "парниковой" нейтральности. В Великобритании, Германии и Бельгии демонтаж АЭС прекращён, в Финляндии, Прибалтике и Словении сооружаются или намечаются к постройке их новые блоки. Всё это позволяет ожидать "ренессанса" ядерной энергетики в ЕС.

Вместе с тем, сооружение АЭС пока в 2,5 раза дороже газовых ТЭС и весьма медленно окупается. Отпуск энергии с них не может гибко реагировать на колебания спроса, что заставляет совмещать АЭС с обычными ТЭС, в том числе для покрытия пиковых нагрузок. Поэтому ядерная энергетика пока что

остаётся "заповедником" госсектора и сюда крайне осторожно идёт частный бизнес.

Наконец, техническая модернизация этой отрасли только начинается, а Евросоюз беден собственным ураном.

Второе место после АЭС в выработке "зелёной" электроэнергии в ЕС занимают **гидроэлектростанции** с установленной мощностью свыше 130 гигаватт, однако резервы увеличения генерации здесь невелики из-за преимущественно равнинного характера местности и развитого речного судоходства. Потому наиболее распространены малые ГЭС (до 10 мегаватт) на ручьях и реках для местного электроснабжения, которые ныне функционируют в пяти странах ЕС при установленной мощности 11,6 гигаватт, и намётки по их развитию к 2010 году (14 гигаватт), будут, скорее всего, выполнены[1].

Явным фаворитом в "неуглеводородной" гонке в ЕС выступает **ветровая энергия** с установленной мощностью ветросиловых установок в 34 гигаватта, которые уже стали привычной частью пейзажа Германии, Нидерландов, Дании, Бельгии, Франции и других стран. Ожидается, что намётки "Белой книги" на 2010 год по их мощности в 40 гигаватт будут превзойдены почти вдвое[2].

Столь же амбициозные планы связаны в ЕС с переработкой **биомассы** (отходы сельского и лесного хозяйства, дрова, бытовой мусор, утилизация запасов сельхозпродуктов и т. д.). В 2005 году был принят "План действий", предусматривающий доведение доли биомассы до 44–65% от всей "зелёной" энергии в ЕС при соответствующем сокращении выброса "парниковых газов" в атмосферу на 209 млн т.

Производными от биомассы являются биогаз для генерации электроэнергии и тепла, а также биоэтанол (как добавка в моторное топливо легковых авто) и биодизель (то же для грузовиков и автобусов) (см. таблицу 4).

Вместе с тем трудности сбора биомассы в необходимых количествах, а также опасения, что преобладание древесины как её основного компонента приведёт к обезлесиванию, видимо, будут иметь следствием то, что намётки по её переработке в 2010 году (100 млн т) не будут выполнены (80 млн т). Древесина будет во всё большей степени заменяться такими сельхозпродуктами, как сахарная свекла, рапс, плоды и вино, в том числе из их избыточных складских запасов[3]. В частности, на складах ЕС хранится годовой запас вина (10–15% ежегодного производства), из которого в 2005 году в моторное топливо было переработано 300 млн литров.

ЕС существенно отстаёт от мирового уровня в использовании **энергии солнца**, располагая для её преобразования в электроэнергию и тепло мощностями всего в 11,8 гигаватт (1,0 и 10,8 гигаватт соответственно). Для этого ис-

---

[1] Ibidem; http://europe.eu.int/comm/dgs/transport-energy.

[2] www.euractiv.com/energy/renewables

[3] Doc.Eu.COM (2005)628.

пользуются фотоэлементные батареи (1 гигаватт) и отопительные солнечные панели (15 млн кв.м), но площадь этих последних составляет лишь 10% от мировой, то есть даже меньше, чем в КНР. "Солнечная" электроэнергия производится ныне в 9 странах ЕС (Германия – 47%, Австрия – 12%, Греция – 11%, Франция – 6% её общего объема). Это оборудование пока технически несовершенно, однако задания на 2010 год здесь, как ожидается, могут быть перевыполнены по фотоэлементам, но выполнены всего на 1/3 по панелям[1].

Таблица 4

Производство топлива на базе переработки биомассы в ЕС, 2005 г. (общее и по странам-лидерам)

	Биогаз*	Биодизель**	Биоэтанол**
Всего по ЕС	4,9	3,2	0,7
Количество стран-производителей	20	19	11
в том числе по лидирующим странам	Великобритания – 1,8 Германия – 1,6 Италия – 0,4 Испания – 0,3	Германия – 1,7 Франция – 0,5 Италия – 0,4 Чехия – 0,1	Испания – 0,2 Швеция – 0,1 Германия – 0,1 Франция – 0,1

- *млн т нефтяного эквивалента
- ** млн т

Источник: Europolitique. Energy, 14.06.2006, p. 17; 28.06.2006, p. 22.

Наконец прорывными техническими решениями в энергетической сфере обещают стать использование в качестве топлива водорода и изотопа гелия "гелий-3".

Водород планируется к использованию, прежде всего, как моторное топливо и питание для средств мобильной связи, причем его теплотворная способность вчетверо превышает калорийность нефти, в 7 раз – угля, а запасы практически не ограничены. В ЕС уже созданы прототипы автомобилей и автобусов на водороде, предстоят их испытания. Однако технология в данной сфере является ещё далеко не совершенной, и водород в ней используется не столько как источник, сколько как передатчик энергии. Не решены вопросы его хранения, заправки, транспортировки, крайне дороги и сами эксплуатационные установки (водородная установка для автомашины среднего класса стоит столько же, сколько сама машина). Очевидно, здесь придётся дожидаться нового поколения

[1] Ibidem; "Europolitique .Energy", 28.06.2006. P. 22.

преобразующих технологий, когда источником водорода для двигателей действительно станет уже не метан, а вода[1].

Использование **"гелия-3"** относится пока к жанру научной фантастики, хотя бы потому, что минерал реголит как сырье для его получения существует в достаточных количествах только на Луне. Однако технически гелий был бы уникален для термоядерных реакторов второго поколения, позволяя заменить дейтерий-тритиевую термоядерную реакцию (грозящую повышенной радиоактивностью) на нейтральную гелиевую[2].

В целом, производство энергии из возобновляемых источников пока весьма неравномерно рассредоточено по различным странам ЕС, обходится гораздо дороже использования традиционных и способно обеспечивать энергией лишь отдельные объекты, ибо эти источники нестабильны и их подключение к магистральным сетям обходится в значительные суммы.

Когда государство не остаётся в стороне

Однако, даже с учётом этих узких мест и недостатков, развитие возобновляемых источников энергии в ЕС объявлено приоритетным, с использованием широкого набора механизмов государственной поддержки – от чисто рыночных стимулов до средств из арсенала мобилизационной экономики.

Мобилизационно выстроенной является, прежде всего, ядерная энергетика Евросоюза, где лицензирование постройки АЭС, техническая экспертиза их проектов, снабжение топливом и методики эксплуатации и ремонта определяет Евратом. В частности, только его Агентство по снабжению имеет право выбора радиоактивных руд и ядерного горючего, равно как и заключения контрактов на его поставку[3].

Сходная ситуация и в сельском хозяйстве, где избыточная продукция скупается и хранится за счёт бюджета ЕС с дальнейшим целевым выделением её части на переработку в биомассу и биотопливо (в т.ч. ежегодно до 300 тыс. литров вина, хотя это обходится в 1,8 млрд евро)[4]. Наконец, в Великобритании, Швеции, Италии, Бельгии и Польше потребители электричества обязаны покупать его фиксированную часть в виде "зелёной энергии" по повышенным ценам[5] (т.н. "зелёные сертификаты").

Прогресс неуглеводородной энергетики стимулируется, кроме затрат по рамочным программам поощрения НИОКР в ЕС, из средств Структурных фондов ЕС и фонда Солидарности.

---

[1] "Energy of Industrial Growth", July 2006. P. 42–45.
[2] "РБК", январь 2007, с. 129; "Прямые инвестиции", № 8, 2006. С. 46–48.
[3] Statute of the Euratom Supply Agency ("Official Journal", B. 27, 06.12.1958).
[4] "Русская мысль", 14–20.07.2006.
[5] Doc.EU.COM (2005) 627.

Основной упор в финансировании этой энергетики делается на привлечение средств частного бизнеса, в том числе через систему налоговых, амортизационных, тарифных и иных льгот.

Так, на "зелёную энергетику" распространяются, прежде всего, правила государственного субсидирования, принятые в ЕС. Фирмы, разрабатывающие и производящие оборудование и технологии в этой сфере, могут рассчитывать на компенсацию государством 100% своих расходов на фундаментальные НИОКР, от 50 до 75% на прикладные и 25–50% на инжиниринг с особыми льготами для отсталых и депрессивных регионов, а также малому и среднему бизнесу, на компенсацию расходов на обучение и переквалификацию персонала в размере 25–35% затрат с теми же льготами. На стадии инвестиционных проектов малый и средний бизнес может субсидироваться в размере 7,5–15% их стоимости (17,5–25% для отстающих и 22,5–30% для регионов, находящихся в структурном кризисе).

На первоначальном этапе работы предприятия государство может приобретать его акции, предоставлять гранты, гарантии (в сумме до 500 тыс. евро), причём для отсталых регионов этот потолок поднимается до 750 тыс., а для структурно-депрессивных – до 1 млн евро. По специальным разрешениям Комиссии ЕС, в том числе по проектам, имеющим общеевропейское значение, указанные выше "пороги" госсодействия могут быть превышены. Организационно оно оформляется в виде льготных займов, гарантий под них, страхования кредитов, налоговых льгот, грантов, инфраструктурных услуг, льготных цен и тарифов на гостовары и госресурсы и т. д.[1]

Для рассматриваемой сферы существуют и дополнительные меры финансовой поддержки. Так, на уровне ЕС может компенсироваться до 50% инвестиций в возобновляемые источники энергии при их использовании для коммунального снабжения[2]. Страны-члены обязаны установить для себя перспективные намётки по повышению доли "зелёной" энергии в энергобалансе, им разрешается предоставлять налоговые льготы, в частности для биотопливной, ветровой, солнечной, приливной и геотермальной энергии. Конкретно, на основании Директивы 2003\96\ЕС страны-члены вправе по своему усмотрению снижать налогообложение или даже выводить из-под него[3]:

а) топливо, используемое (хотя и под фискальным контролем) для пилотных технологических проектов по освоению возобновляемых источников энергии или же высокоэкологичной продукции;

б) все виды биотоплива;

в) энергию солнца, ветра, биомассы, а также приливную и геотермальную энергию;

---

[1] Doc.EU. Dir. 80/723. Reg 994\98; 68\2001; 69\2001; 70\2001; 364\2004.

[2] "Official Journal", p. 37, 03.02.2001

[3] Doc.EU.Dir. 2003\96\EC

г)электроэнергию, потребляемую городским коммунальным транспортом;

д) природный газ и СПГ, используемые в качестве моторного топлива.

Предприятия могут претендовать также на полный или частичный возврат ранее уплаченных налогов в случае инвестирования их средств в энергосберегающие процессы, оборудование и технологии: до 100%, если это делается в энергоинтенсивных и до 50% в иных отраслях хозяйства.

Особые секторальные льготы установлены для биотоплива. В дополнение к намёткам по его внедрению на транспорте и в быту странам-членам разрешено предписывать нормы его обязательного потребления, а также понижать таможенные пошлины при ввозе биоэтанола[1]. Рассматривается вопрос о переходе на выдачу "зелёных сертификатов" уже в масштабе ЕС в целом.

Не удивительно, что многие страны-члены активно воспринимают такие поощрительные сигналы сверху. Например, Германия, Дания и Испания используют специальные льготные тарифы на отпуск "зелёной" энергии её дистрибьюторам на срок до семи лет, в Ирландии и Франции часть этой энергии продается с публичных торгов по рыночным ценам. В Великобритании, Швеции, Италии, Бельгии и Польше устанавливаются фиксированные квоты для биотоплива в общем объёме его потребления и т. д.[2]

В итоге, "зелёная" энергия прокладывает себе путь к потребителю пока что в основном через госбюджет. "Рынок биотоплива, – отмечалось Комиссией ЕС, – это не рынок в его обычном смысле, так как его развитие тесно связано с полным или частичным освобождением данной продукции от налогов на топливо"[3], а в целом необходимые расходы по поощрению использования новых источников энергии оцениваются Комиссией ЕС в 9 млрд евро в год[4].

Однако и этих чрезвычайных мер, видимо, недостаточно. Например, в половине стран-членов ЕС господдержка ветровой энергии расценивается как недостаточная. По биомассе она характеризуется как "неэффективная" в почти 50% стран ЕС, по биогазу – в 70%, а геотермальная, приливная и солнечная энергия в большинстве из них "пока не производится в промышленных масштабах". Виной тому помимо неразделённости полномочий в сфере энергетики сопротивление традиционных поставщиков, различия в природно-хозяйственной специфике отдельных стран, недостаток недёжных технологий и инвестиций.

В целом, неуглеводородная энергетика пока что может внести весьма ограниченный вклад в обеспечение энергобезопасности ЕС и не освобождает Брюссель от императива выстраивания конструктивных и взаимовыгодных отношений с внешними поставщиками традиционных энергоносителей.

---

[1] Doc.EU. Dir. 2003\96\EC, EU. COM (2005) 628.

[2] "Official Journal", p. 49, 28.02.2006.

[3] http://europe.eu.int/comm/dgs/transport-energy

[4] http://europe.eu/scadplus/leg/en/evb/124452.htm

Правда, это скорее трудности роста, чем непреодолимые барьеры, и "зелёная" энергия уже начинает соседствовать на рынке ЕС с традиционной углеводородной, в том числе импортной.

Об этом, в частности, свидетельствуют прогнозы европейской энергетики до 2050 года.

Первичное потребление энергии в ЕС к 2050 году возрастёт до 2,6 гигатонн нефтяного эквивалента (против 1,9 гигатонн ныне). После 2025-го ожидается ускоренное развитие возобновляемых источников энергии и "ренессанс" АЭС, которые в сумме покроют до 40% потребностей ЕС в энергии, в том числе 70% в электроэнергии, а сами ФЭС дадут уже 60% электроэнергии и 25% тепла. После 2030 года будут освоены водородные энергетические установки, которые к концу прогнозного периода покроют 10% потребностей ЕС в электроэнергии.

По другому сценарию, ориентированному на техпрогресс, при том же спросе на энергию его на 60% покроют АЭС, на 20% – возобновляемые источники и на 6% – сохранившийся уголь. Нефть и газ уйдут из электроэнергетики, после 2030 года начнёт расти производство энергии на базе водорода, который закроет 12% всех энергопотребностей ЕС.

Сам водород будет производиться не столько из метана, сколько электролизом воды на базе энергии АЭС[1].

Информация к размышлению для России

Как показывает анализ, России в этой связи пока нет оснований беспокоиться за своей традиционный энергетический экспорт. Потребление газа в ЕС и абсолютно, и относительно будет расти, "зелёные" источники (кроме ядерных) не конкурируют с ним как топливо для крупных электростанций или магистральных распределительных сетей, и потому прогноз руководителя "Газпрома" А. Миллера относительно экспорта в ЕС в течение следующих 15 лет 2,5 трлн куб. м российского газа вполне реален, тем более что этот газ уже в основном "законтрактован".

Сложнее положение с нефтью, где "зелёная" энергия может соперничать с нами в сегменте моторного топлива, особенно если учесть, что модернизация многих российских НПЗ предусматривает их перевод на экспорт именно светлых нефтепродуктов по европейским стандартам.

То же касается рынков угля и электроэнергии. Как уже отмечалось выше, "зелёные" источники вполне могут потеснить уголь, в том числе импортный, из энергобаланса ЕС, если только не будут предложены технологии его "чистого" сжигания, каковыми Россия все ещё не располагает. Рынок же электроэнергии ЕС для нас пока закрыт как из-за различий в технических стандартах, так и из-

[1] http://europe.eu/rapid/pressReleasesAction,

за того, что ЕС предпочитает получать её дешевле, самостоятельно сжигая наш газ. Поэтому не исключено, что протекционистское внедрение Брюсселем возобновляемых источников в оборот электроснабжения со временем станет здесь дополнительным барьером для наших продаж.

Другим таким барьером может стать политика ЕС в сфере ядерной электроэнергетики. Евратом искусственно держит долю России на рынке ядерного топлива в примерно 20% от его общего потребления в ЕС. Проводимая техническая модернизация в странах Восточной Европы АЭС советской постройки по западным стандартам также резко сужает в перспективе этот рынок для России, так как ранее они на 80% работали на нашем ядерном топливе. Поэтому возможные дивиденды страны от ожидаемого "ренессанса" ядерной энергетики Евросоюза обещают быть довольно скромными.

Безусловно, перспективным для России мог бы стать рынок технологий для "зелёной" энергетики. В стране имеются серьёзные наработки по ядерной, ветровой, солнечной, приливной, геотермальной и даже водородной энергетике. Однако они частично утеряны с распадом СССР, а главное не имеют господдержки и остаются невостребованными собственной промышленностью. Так происходит, в частности, с наработками по водороду, сделанными силами "Норильского никеля" и Российской академии наук[1]. Поэтому в перспективе страна, если в её энергетической и промышленной политике ничего не изменится, может стать скорее импортёром, нежели экспортёром новых энергетических технологий.

Наконец, заявлять и защищать интересы России в данной новой сфере нужно в рамках энергодиалога Россия–ЕС, имеющего уже семилетнюю историю. Однако этих проблем в нём пока по-настоящему не поднимала ни одна из сторон.

Опыт освоения невозобновляемых источников энергии в ЕС заслуживает самого тщательного практического осмысления. Рано или поздно России придётся иметь дело с созданием отечественной базы альтернативной, неуглеводородной энергетики, и здесь не обязательно, как это подчас принято у нас, идти путём проб и ошибок.

---

[1] "Energy of Industrial Growth", July 2006. P. 42–45.

Эрнест КОЧЕТОВ

ЕВРОСОЮЗ – РОССИЯ: БОЛЬШИЕ ИДЕИ И ПРАГМАТИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ

События последних лет и достигнутый уровень развития отношений Европейского Союза и России побуждают нас сделать решительный шаг на путях поиска более эффективных форм взаимодействия и сотрудничества, действенных механизмов взаимоинтеграции[1]. Иначе говоря, мы должны подняться над рутиной, но в то же время при решении насущных проблем должны не заблудиться в их высокой философии – нам как воздух необходимо среднее связующее звено между ближними и дальними горизонтами сотрудничества, звено, соединяющее прагматизм и целеполагание в едином ключе.

Мне представляется, что это звено послужит основой для формирования действенного интеграционного механизма ЕС – Россия, позволит устранить разобщённость звеньев этого механизма, разрывы и параллелизм в совместной работе. Давайте критично посмотрим на существующую ситуацию.

В 2006 году Россия председательствовала в Совете Европы. За это время накоплен экспертно-консультативный потенциал, научный потенциал, интеллектуальные разработки по многим направлениям и т. п. Встречи глав государств Евросоюза с участием Президента России В.В. Путина дали возможность Рос-

[1] Данная идея подтверждается принципом "сближения путём переплетения", предложенного министром иностранных дел Германии Франк-Вальтером Штайнмайером, суть принципа заключается в "укоренении европейских ценностей в России и её тесным переплетением с европейским континентом" (Независимая газета, 17 января 2007).

© ***Кочетов Эрнест Георгиевич*** – доктор экономических наук, президент региональной общественной организации "Общественная академия наук геоэкономики и глобалистики", заведующий Центром стратегических исследований геоэкономики.

сии обозначить ряд серьёзных инициатив. Параллельно с этим Финляндия провела форум по контактам неправительственных организаций в рамках Евросоюза. Их деятельность направлена на те же сферы, которыми озабочены ЕС и Россия, а именно: свобода, безопасность, экономика и гуманитарная сфера, право и правотворчество. В это вовлечены и высшие эшелоны власти, и институты гражданского общества.

Но что примечательно. Если внимательно проанализировать "объём" российского участия во всем этом, то чётко просматривается ситуация, диктующая необходимость решения ряда внешнеполитических задач:

– усиления голоса общественности России, присутствия её интеллектуальных кругов в мировом информационном пространстве;

– продвижения российских высоких интеллектуальных наработок в новейших сферах гуманитарного знания: в гуманитарной космологии, гносеологии, глобалистике, в сфере геонаук (геоэкономики, геокультуры, геополитики, геостратегии, геомаркетинге и др.), которые представляют интерес для мирового сообщества;

– интеграции НПО России в институты ЕС.

Иными словами можно сказать: мы способны предложить наш интеллектуальный ресурсный потенциал и гуманитарные фундаментальные наработки для реализации на европейском континенте общих целей и интересов[1]. Это должно способствовать развитию "Большой Европы" и евразийского пространства. За примером далеко ходить не надо. Так, предложенная российской Общественной академией наук геоэкономики и глобалистики идея формирования мировой энергетической системы ЭНЕРГОНЕТ[2] (по аналогии с ИНТЕРНЕТом) во многом направлена на гармонизацию отношений в сфере энергетики и энергетической безопасности. На мой взгляд, подобные глобальные российские инициативы и интеллектуальный потенциал России, безусловно, должны быть представлены во всех ведущих европейских центрах принятия стратегических решений (сейчас многие из этих центров принимают решения без участия России). В сфере гражданского общества необходимо создать российским НПО возможность выйти на широкое европейское информационное поле, где можно было бы вести диалог, что, несомненно, усилило бы роль РФ в решениях по животрепещущим вопросам отношений ЕС – Россия.

Сейчас же сложившаяся практика демонстрирует разобщённость в выходах российских структур на европейское поле принятия решений. Здесь у каждого своя делянка (интеллектуальная площадка): МИД представлен, как правило, в Совете Европы; нормотворческие проблемы решаются через Страсбургский

---

[1] В частности, совместное формирование мирового дохода и его гармоничное перераспределение.

[2] Более подробно см.: Кочетов Э.Г. Российский энергетический ход: энергетика в глобальном геоэкономическом измерении (основополагающие акценты энергетической безопасности). (http://civilg8.ru/priority/energy/4983.php)

суд; политические аспекты (свобода, продвижение демократии и др.) – через политические институты самого ЕС; сфера политика-политики (её парламентская часть) через Парламентскую Ассамблею Совета Европы (ПАСЕ) и т. д. Такая институциональная структурная разобщённость жёстко ограничивает Россию и ставит её в условия неравноправного партнёрства. Но, как показал опыт недавних событий во Франции и Венгрии, и европейские механизмы интегрального порядка не срабатывают на уровне НПО.

Пилотные проекты

Однако время не ждёт. Мир стремительно меняется. Поэтому обществу важно научиться не только своевременно осознавать глобальные подвижки в мире, но и предвосхищать их появление.

Общество должно научиться вычленять узловые (базисные) болевые точки развития и не давать им разрастаться в трудно гасимые конфликты. Наконец, надо найти способ сформировать мировую интеллектуальную площадку, где бы все проблемы находили единый согласованный подход к их разрешению и где бы формировались долговременные тенденции мирового роста на основе межцивилизационного диалога, общего интереса и общих ценностей.

Вот почему снятие всех этих проблем нам видится в формировании такого интеграционного блока, механизмы которого соединили бы в едином русле обсуждение и принятие решений по животрепещущим вопросам в рамках разрозненных до сих пор сфер. На первоначальном этапе этого пути можно было бы осуществить несколько пилотных (тестовых) проектов-программ. Они выходят далеко за рамки форумов, конференций, съездов, симпозиумов и, на наш взгляд, несут в себе чёткий интеграционный механизм, создавая то самое связующее звено, о котором уже шла речь.

Первый проект. *"Европейский Союз – Россия: геоэкономическая взаимосвязь"*.

Российские учёные-гуманитарии, обозревая картину послевоенного мира, не могли не обратить внимание на процесс интенсивного выхода за национальные рамки воспроизводственных циклов, что дало начало формированию организационно-функциональных структур наднационального статуса. Зародились гибкие "экономические границы" функционирования этих новейших игроков. Экономические границы не совпадают с государственно-административными: национальные экономики становятся звеньями разных воспроизводственных мировых циклов. Национальные интересы закрепляются не на политических, а на экономических границах, носителями этих интересов выступают транснационализированные структуры. Им государства делегируют реализацию своих интересов. Но эти процессы не оказывают влияния на суверенитет. Мир двинулся к транснационализации. Ранее разрозненные национальные экономики и их хозяйствующие субъекты постепенно начали обретать новую платформу для со-

трудничества – общий интерес[1]. Суть этого процесса – вступление мира в эпоху смены геополитических воззрений на геоэкономические.

Формирование сетевого геоэкономического кластера "ЕС – Россия" создаёт высокоинтеллектуальную зону мирового роста как реальный шаг к экономическому ренессансу: содружество российских высокоиндустриальных и высокоинтеллектуальных ареалов с европейскими постиндустриальными системами даёт огромный коммулятивный эффект по сглаживанию и в конечном счёте снятию геополитических противоречий, размыванию вызовов и угроз.

Второй проект. *Формирование Международного гуманитарного центра "Россия – ЕС: трансгуманитарное измерение"*[2].

На этом направлении уже накоплен значительный научный и внешнеполитический потенциал: российская школа геоэкономики и глобалистики уже оперирует новейшим методологическим подходом – геогенезисом как объёмно-пространственным методом отображения мира, где любое событие вплетается в единый геологистический (геоэкономический) атлас мира. Здесь идёт соединение различных геонаук, по-своему измеряющих мир (геоэкономики, геополитики, геостратегии, геокультуры, геоинформатики, геоэкологии и т. п.) в единый блок. Просматривается и институциональная сторона этого проекта-программы: органичной частью её могла бы стать мировая сеть российских внешнеполитических структур.

Третий проект. *"Европейский Союз – Россия" – "новый Пагуош"*.

Призрак смерти вновь витает над миром. Внегласно, вдали от общественного взгляда, в тиши кабинетов и лабораторий "злые гении" по заказам "новых геополитиков" – глобальных ястребов-воителей – вновь взялись за своё излюбленное дело: они придумывают самые изуверские способы уничтожения человечества, всего живого на планете. В этой ситуации вновь, как и в 1955 году, следует вернуться к идеалам А. Эйнштейна, Ф. Жолио-Кюри и Б. Рассела. Движение учёных за мир, разоружение, международную безопасность и научное сотрудничество в новых условиях глобальных вызовов, угроз и опасностей придаст взаимной интеграции особую силу, целевую направленность. Эта идея уже обретает реальные черты. Достаточно указать на яркие выступления на мировом общественном форуме "Диалог цивилизаций" одного из его сопредседателей – Владимира Якунина, почётного директора Института физики Макса

---

[1] См. подробнее: Кочетов Э.Г. Глобалистика как геоэкономика, как реальность, как мироздание: Новый Ренессанс – истоки и принципы его построения, фундаментальные опоры, теоретический и методологический каркас. М.: ОАО Издательская группа "ПРОГРЕСС", 2001.

[2] Термины "трансгуманитарное измерение" и "трансгуманизм" в научный и внешнеполитический обиход введены известным российским учёным и специалистом в области внешней политики Александром Ивановичем Сухаревым.

Планка Дуэрра Ханса-Петера и др. участников (о. Родос, Греция, сентябрь 2006-го). Обеспечить торжество жизни – наша задача!

Четвёртый проект. Безопасность: *"Европа – Россия" – глобальные гуманитарные развязки.*

Следует набраться мужества и посмотреть на европейскую безопасность широко открытыми глазами. Европа – цитадель гуманизма и просвещения, в своё время пережившая невиданный всплеск жизнеутверждающих идей и здравого смысла в период Возрождения (Ренессанса), – сдаёт свои позиции высокого гуманизма. Она теряет контроль над центральным вектором мирового развития – глобализацией, а стало быть, историческую инициативу. А это очень опасно: не замечать центрального противоречия эпохи – разноскоростной и разновекторный процесс глобализации. Наши политические установления отстают от глобализации экономики, международные институты не поспевают за международными финансовыми рынками. Рынки становятся глобальными, а европейская политика по-прежнему в основном опирается на идею локального (национального) государства, подогревая "невроз" местничества. Остановить глобализацию, а следовательно, развитие трансграничных систем невозможно, препятствовать этому – значит вновь открыть путь к немиру, к конфронтации, к "холодной войне", к схватке геоэкономики с геополитикой, к глобальному конфликту. Нужно устранить это противоречие путём создания новых влиятельных глобальных организаций нового статуса с геоэкономической окраской, призванных решать социально-экономические и политические проблемы (сохранение мира, устранение бедности, защита окружающей среды, соблюдение условий труда, прав человека и т.д.). Такой поворот событий открывает дорогу в наше будущее – к новому Ренессансу, а российские наработки в области гуманитарной космологии дают теоретическую и методологическую основу построения мироздания нового Ренессанса[1].

Пятый проект. *Политическая геологистика: "Россия – ЕС в системе мировых потоков".*

Глобализация заставила по-новому воспринимать мир и его политическую жизнь – как систему событийных потоков: экономических, политических, культурологических, цивилизационных, этнонациональных, военных и др. Любые события и инициативы в этих сферах становятся общедоступными через глобальную информационную сеть, их возникновение подчинено определённой логике, они тут же вызывают ответную реакцию. События (инициативы), сталкиваясь, дают резонансные всплески, усиливаются либо затухают и т. д., но в любом случае они движутся в жёсткой сцепке (в потоке). Нужен мониторинг таких потоков, их "предметное" отображение. Для отношений "Россия – ЕС"

[1] См. подробнее: Кочетов Э.Г. Гуманитарная космология (дорога к новому мирозданию новых людей). М.: "Деловая литература", 2006.

очень важно наладить отображение подобных потоков. Это даёт возможность своевременно вырабатывать совместные внешнеполитические решения по узловым вопросам мирового развития. Инструментом реализации здесь могут быть совместные "Геологистические центры внешнеполитических процедур". В этом отношении российские исследования в области геологистики, геогенезиса (объёмно-пространственной методологии) могли бы выступить в качестве исходных теоретических и методологических оснований работы таких центров.

Основные элементы механизмов взаимоинтеграции

Мне представляется, что к числу наиболее действенных механизмов российско-европейского взаимоинтеграционного процесса следует отнести:

1) геоэкономические механизмы взаимодействия;

2) механизмы энергетического взаимодействия в рамках ЭНЕРГОНЕТа;

3) механизм выявления основных элементов ИВЯ-систем посредством электронных кооперационных бирж.

Остановимся более подробно на основных элементах каждого из них.

1. Геоэкономические механизмы взаимодействия

Перспективы взаимоинтеграции определяются геоэкономической парадигмой. В основе её – переход на геоэкономическую модель внешнеэкономических связей: воспроизводственную (производственно-инвестиционную).

В системе мировых экономических отношений произошёл фундаментальный поворот: 1) глобализация сжимает (сужает масштаб) рыночных (конкурентных) отношений и восполняет их рентными за счёт перераспределения мирового дохода; 2) трансграничные финансовые потоки (геофинансы), опосредуя блуждающие интернационализированные воспроизводственные циклы (ядра), одновременно с этим породили гигантский слой (поток) виртуальных финансов.

Российская школа геоэкономики и глобалистики выработала теоретические и методологические подходы к механизмам функционирования национальных экономик на мировой арене в условиях глобальных перемен. В общем виде он сводится к следующему.

Внутренний экономический регламент мировой хозяйственной системы предопределён тем, что сейчас производство осуществляется на базе перешагнувших национальные рамки технологических цепей. На новых (не международных, а межанклавных) стыках разделения труда идёт обмен товарами, выступающими в новейших формах (товар-группа, товар-объект, товар-программа); субъекты общения под стать товарам и интернационализированному производству выступают в транснациональной форме.

Результат этих процессов – формирование в недрах мирового хозяйства интернационализированных воспроизводственных ядер (циклов). Эти циклы (ядра) принимают подвижный, блуждающий характер, тем самым значительно расширяют зону хозяйствования и налогообложения. Сформировались "страны-

системы"[1] с внешними и внутренними экономическими границами. Мир наряду с политической картой получил геоэкономическую карту мира.

Такая трансформация опрокинула международный мир с торгово-посреднической и снабженческо-сбытовой моделями внешнеэкономических связей. На их место заступила геоэкономическая (производственно-инвестиционная) модель, и она предопределена межанклавным разделением труда.

На экономических границах реализуются новейшие формы товара – товары-объекты и товары-программы. Эти товары обладают уникальнейшими свойствами: они способны в кратчайшие сроки преобразовывать хозяйственную инфраструктуру на новейшей инновационной основе.

Под стать новейшим товарным формам на первый план вышли новые субъекты мирохозяйственного общения. Это, во-первых, страны-системы, выступающие в роли глобальных предпринимателей; во-вторых, блуждающие интернационализированные воспроизводственные ядра; в-третьих, крупнейшие транснациональные структуры, мировой рейтинг которых постоянно публикуется; в-четвертых, финансово-промышленные объединения стратегического статуса. Каждая страна стремится сформировать подобные структуры и придать им стратегический статус.

Любая национальная экономика и ее хозяйствующие субъекты проходят ряд этапов не только на пути вхождения в интернационализированные воспроизводственные ядра, но и, находясь в их составе, эволюционирует в рамках воспроизводственной цепи, последовательно занимая те или иные звенья глобального воспроизводственного процесса.

В рамках вышеотмеченных структур формируется мировой доход. Борьба за перераспределение мирового дохода является стратегическим ориентиром при функционировании национальной экономики на мировой хозяйственной арене. Цель высшего ранга для любого государства – прорыв к мировому доходу.

Поле, на котором государство может реализовать свои стратегические цели, – геоэкономический атлас мира с ясно очерченными международными и экономическими границами, национальными интересами, контурами стратегических альянсов, системой интеграционных подвижек, экономических группировок и т. п. Теперь уже речь идет не о выходе на мировой рынок, а на геоэкономический атлас мира, и здесь уже конъюнктуроведение товарных рынков заменяется на геоэкономическую стратегию, а, стало быть, пассивная тактика ожидания благоприятной конъюнктуры для выхода на рынок сменилась на активное поведение по созданию благоприятной стратегической ситуации. При этом геоэкономический атлас мира выступает в объемно-пространственной форме, где

---

[1] Более подробно пояснения к данному термину, а также к другим геоэкономическим категориям см.: Кочетов Э.Г. Геоэкономический (глобальный) толковый словарь. Основы высоких геоэкономических технологий современного бизнеса: Сборник стратегических понятий-новелл. Екатеринбург: ОАО "ИПП "Уральский рабочий", 2006.

политическая карта является только одной из его страниц. Над политической картой мира "реют" воспроизводственная, геофинансовая, ресурсная (в т.ч. энергетическая), транспортно-коммуникационная, этнонациональная, экологическая, цивилизационная и др. карты, и каждая из них делит мир по "своим" границам, которые не совпадают с административно-национальными, а также между собой. Компьютерная версия геоэкономического атласа мира по-новому освещает проблему управления и принятия стратегических решений.

Центральной составной частью новейшей внешнеэкономической парадигмы становится выработка концепции национальной безопасности. Геоэкономика предлагает соответствующие приёмы занятия конкурентных позиций, используя высокие геоэкономические и геофинансовые технологии. Геоэкономика выработала новейшие приёмы защиты национальных интересов. Центральная прерогатива современной внешней политики определяется не военно-политическим (геополитическим), а военно-экономическим симбиозом. Эту ситуацию отображают концепции национальной безопасности и внешней политики, функции и структуры вооружённых сил ведущих государств мира. Теперь уже силовая компонента выстраивается, как правило, не по периметру национальных границ, а по контурам национальных интернационализированных воспроизводственных анклавов. Да и сами вооруженные силы меняют свое лицо, они трансформируются в силы быстрого геоэкономического реагирования.

Геоэкономика поставила вопрос о необходимости совершенствования правового регулирования на внешней хозяйственной арене с учётом вышеотмеченных сдвигов.

Современное развитие формируется под воздействием постиндустриальной модели как высшей, техногенной фазы индустриализма. Геоэкономическое пространство вобрало, впитало в себя его атрибуты. Но ситуация меняется – зарождаются новейшие цивилизационные модели и геоэкономическое пространство под их влиянием преображается. Мировой воспроизводственный цикл наполняется другим содержанием, в него вплетаются новые, "внесистемные" компоненты: национально-этнические, культурологические, морально-этические, духовные и т. д. Мир вступает в новую цивилизационную модель развития – неоэкономическую. Её центральным атрибутом выступают этноэкономические системы. Зародились и набирают силу процессы этноэкономической транснационализации. Здесь уже мировой воспроизводственный цикл создаёт новый набор ценностей – идет воспроизводство качества жизни.

Итак, в основе геоэкономических механизмов взаимоинтеграции лежит стремление национальных систем к врастанию в мировую геоэкономическую модель (встраивание в интернационализированные воспроизводственные ядра) с целью обеспечения полноправного участия в формировании и распределении мирового дохода путем использования высоких рыночных геоэкономических и геофинансовых технологий и оперирования на геоэкономическом атласе мира.

2. ЭНЕРГОНЕТ как механизм энергетического взаимодействия

Ярчайшее проявление глобальности – формирование сетевых систем и, прежде всего, в сфере мирохозяйственного общения. Одна из важнейших доминант геоэкономического пространства – энергетическая. Этим предопределена необходимость и возможность формирования единой мировой энергетической системы – ЭНЕРГОНЕТа, частью которой выступает ее европейская энергетическая составляющая.

Энергетика реально определяет безопасность и экономическое развитие мира при условии, если будет реально провозглашен переход на геоэкономическую модель мирового развития и отход от геополитических (международных) воззрений на мирохозяйственную систему. В противном случае мировая энергетика станет ареной схватки государств за обладание энергетическими ресурсами, что неминуемо приведёт к глобальному взрыву. Неустойчивость современного мира сейчас предопределена отсутствием единого понимания глобальной роли и места энергетической составляющей в поддержании минимально необходимого энергетического баланса в мире. Формирование глобальной системы функционирования мировой энергетики на сетевом принципе – ЭНЕРГОНЕТ – снимает эту проблему. Как и ИНТЕРНЕТ, мировая энергетическая сеть (ЭНЕРГОНЕТ) выступает фундаментальным стабилизирующим фактором, обеспечивающим право и возможность доступа в любой точке мира к единой мировой энергетической сети, и на этой основе вполне достижимы гармонизация мировых воспроизводственных процессов и повышение качества жизни населения.

ЭНЕРГОНЕТ выступает в форме мирового бизнес-проекта высокого инновационного плана, в разработке которого должны принять участие правительства заинтересованных стран мира. Техническое задание на разработку этого бизнес-проекта должно попасть под контроль мировых лидеров и независимых неправительственных структур (НПО).

Представляется необходимым глобальную энергетическую сеть (ЭНЕРГОНЕТ) особо выделить в рамках всемирного мирового достояния с соответствующим институциональным оформлением функционирования, регулирования и ответственности за бесперебойную работу мировой энергетики.

Уже сейчас реально просматриваются механизмы создания ЭНЕРГОНЕТа. Успешное формирование и функционирование глобальной энергетической системы предполагает необходимость отображения ее на геоэкономическом атласе мира (ГАМ) в форме энергетической “страницы” (в электронной версии). При этом энергетическая “страница” ГАМ включает в себя (послойно) все необходимые элементы энергетического воспроизводственного цикла (источники сырья, объекты переработки, коммуникации, источники потребления и др.). Это закладывает новые основы управления в сфере глобальной энергетики: дает возможность постоянно держать в поле зрения всю мировую энергетическую сеть, своевременно реагировать на различные ситуации как локального, так и общего плана (в сфере потребления энергии, её перераспределения, реагирова-

ния на те или иные угрозы). При этом энергетическая "страница" должна постоянно соизмеряться (сверяется) путём наложения (совмещения) с другими страницами геоэкономического атласа мира. Это предопределит тесную корреляцию функционирования мировой энергетической сети с другими глобальными системами и прежде всего с мировыми интернационализированными воспроизводственными ядрами (ИВЯ). Разработка электронной версии энергетической "страницы" геоэкономического атласа мира – первостепенная задача создания единой мировой энергетической системы (ЭНЕРГОНЕТа).

При создании ЭНЕРГОНЕТа мировое сообщество должно расстаться с воззрениями на энергетические сырьевые источники и на страны, ими обладающие, как на "сырьевые придатки" мировых воспроизводственных циклов, признать роль обладателей энергетическими ресурсами в качестве одного из главнейших участников формирования мирового дохода, претендующих на его долю. В общем плане речь идёт о поднятии статуса сырьевой (энергетической) составляющей в интернационализированных воспроизводственных циклах, ибо эти циклы формируют облик поля интересов.

Формирование глобальной энергетической сети предполагает внесение серьезных корректив в процесс ценообразования на энергетическом рынке. Доходы по сделкам, связанным с поставками энергоресурсов (как и других сырьевых статей), должны включать в себя доходы, связанные с функционированием всего спектра сопутствующих отраслей, производящих и реализующих товары на базе данного энергетического сырья.

Энергетическая составляющая в формировании стратегических точек безопасного равновесия в глобальном мире выступает на евразийской платформе мирового развития в качестве первостепенной. Необходима разработка и принятие геоэкономической доктрины развития Прикаспийского региона, с наделением его "статусом ареала мирового роста". Спонтанный, неуправляемый геоэкономический передел мира и, прежде всего, ресурсной и энергетической составляющей, создает взрывоопасную ситуацию – налицо "схватка за ресурсы". Направление этого процесса в договорное русло, выделение "зон энергетической ответственности" – магистральный путь гармоничного создания мировой энергетической системы (ЭНЕРГОНЕТа).

По своей структуре глобальная энергетическая система распадается на замкнутые широтные геоэкономические пояса. Россия непосредственно примыкает к Южному широтному энергетическому поясу (ЮШЭП), который закольцовывает в едином мировом энергетическом пространстве ареалы источников сырья, их переработки и транспортировки. Этот пояс следует особо выделить, придать ему статус мирового. Мировые широтные энергетические пояса должны получить теснейшую увязку с индустриальными широтными поясами (в частности, с северным широтным индустриальным поясом) посредствам системы меридиальных внешнеэкономических связей. Это во многом сбалансирует выход на мирохозяйственное равновесие системы "Север – Юг". Создание "Всемирного фонда энергетической безопасности" и "Мирового стратегического резерва энергоресурсов" – залог гармонизации энергообеспечения и развития через сис-

тему ЭНЕРГОНЕТ, а также демпфера неритмичности и непредвиденных ситуаций (природных и техногенных катастроф, локальных обострений и т. п.).

Формирование и реализация глобальных энергетических проектов предопределяет не только их совместное осуществление, но и их совместную защиту. Речь идет о новой роли защитной компоненты. Отсюда важно уже на стадии начала деловых переговоров по реализации масштабных энергетических бизнес-проектов подключать и силовые структуры (т. е. садиться за общий стол переговоров). Расходы по защите энергетических проектов должны включаться в общую смету по их реализации. Актуальна проблема формирования Совместных сил быстрого геоэкономического реагирования, способных держать под контролем наиболее критические, узловые объекты мировой энергетической системы, а также особо важные энергомагистрали (газо-, нефте-, продуктопроводы, высоковольтные линии электропередач).

Мировые энергетические корпорации, которые предопределяют вектор мирового устойчивого развития и энергетическую безопасность мира, должны быть наделены не только высокой мерой ответственности за свою деятельность, но и выведены на более высокий уровень своей значимости в мировых делах, с наделением широких полномочий и представительства в международных институтах.

Формирование единой глобальной энергетической системы ЭНЕРГОНЕТ предопределяет новый подход к формированию мирохозяйственной конъюнктуры. Расширение на инновационной основе ареалов хозяйствования энергетических структур за национальными рамками ведет к постоянному обновлению мировой энергоструктуры, а широкое включение объектов энергосистемы в мировой товарооборот выступает в качестве базового в создании высококонкурентной рыночной среды в сфере энергетики.

Таким образом, механизм энергетического взаимодействия выстраивается в рамках ЭНЕРГОНЕТа, в основе которого лежит поиск равновесной энергетической платформы, направленной на гармонизацию в трех плоскостях: 1) придать энергетическим ресурсам статус признанного участника мировых воспроизводственных циклов; 2) сформировать гибкую систему перелива энергии в любую точку планеты; 3) приглушить вселенские геополитические эксперименты, где разыгрывание энергетических карт может дорого обойтись мировому сообществу.

3. Роль геоэкономической кооперационной электронной биржи

Подобная биржа может выступать основным элементом механизма сращивания российско-европейских ИВЯ-систем. Суть механизма её действия заключается в следующем:

– на электронных площадках этой биржи должны котироваться высокотехнологичные структуры (ячейки). Это даёт возможность в сжатые сроки формировать международные организа-

ции (консорциумы) по реализации крупных проектов. Эта идея созвучна со словацкой "технологической платформой";

– для котировки на бирже каждая ячейка ИВЯ-системы должна представить международный сертификат её соответствия международному классу;

– условием для включения ячейки в ИВЯ-систему является её конкурентоспособность, характеризующаяся ценовым инфраструктурным модулем.

Создание геоэкономической кооперационной электронной биржи позволяет в сжатые сроки выходить на формирование первоклассных геоэкономических структур (консорциумов) для реализации бизнес-проектов прорывного уровня в ареалах (точках) мирового роста.

* * *

На европейском внешнеэкономическом и внешнеполитическом ландшафте уже чётко обозначился ряд интеллектуальных площадок, которые, как мне представляется, способны взять миссию реализации вышеотмеченных программ (проектов). К ним можно отнести мировой общественный ежегодный форум "Диалог цивилизаций" (о. Родос, Греция), где в широком формате представлена российско-европейская высокая гуманитарная мысль по концептуализации глобальной теории диалога цивилизаций; постоянно действующий Форум Международного Конгресса промышленников и предпринимателей "Запад – Восток: интеграция и развитие" (последний форум состоялся в мае 2006 года в г. Праге, Чехия); Форумы гражданского сотрудничества Европейского Союза и России (в 2006 году такой форум прошёл под лозунгом "Вместе в будущее", г. Лахти, Финляндия – г. С-Петербург, Россия).

Знаменательно, что динамика взаимоинтеграционных инициатив Европы и России благоприятнейшим образом сказывается на развитии сотрудничества в евразийском пространстве. Пример тому бурная постиндустриальная мотивация к развитию Китая, где уже сформированы отдельные ареалы мирового постиндустриального роста, которые могут задавать общую тональность мирового развития.

Екатерина ФУРМАН

ИДЕЯ ИНТЕГРАЦИИ В ЕС И СНГ: СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА И АЛЬТЕРНАТИВЫ

Процессы региональной интеграции, которые стали неотъемлемой частью современного мира, охватывают всё большее число стран. Эта мировая тенденция в определённой степени задаёт ориентиры всем участникам международной политики. С ней вынуждены считаться и страны, которые оказались вовлечены в противоположный процесс, процесс дезинтеграции, как это произошло с бывшими республиками Советского Союза.

Наиболее быстро расширяющимся и углубляющим уровень интеграции (хотя провал референдума по Евроконституции и замедлил этот процесс) региональным объединением является Европейский Союз. К началу 1990-х годов Западная Европа и Советский Союз подошли с разными, можно сказать противоположными, результатами своего развития. Страны Европейского сообщества в 1992 году заключают Маастрихтский договор, расширивший полномочия наднациональных институтов. А Советский Союз, напротив, в 1991 году распадается на составные части, вместо него возникает Содружество Независимых Государств (СНГ). Тем не менее те попытки, которые предпринимаются на пути к созданию интеграционных группировок на постсоветском пространстве, во многом с оглядкой на европейский опыт интеграции, позволяют нам сравнить эти два интеграционных процесса.

ЕС в значительной мере стал служить моделью для интеграционных усилий на постсоветском пространстве, и его опыт стал основой для оценки этих усилий[1].

---

[1] "Единое экономическое пространство создаётся по схеме, которая типична для любого интеграционного объединения, включая Европейский Союз. Первый этап – создание

© ***Фурман Екатерина Дмитриевна*** – кандидат политических наук, научный сотрудник Института экономики РАН.

Европейский путь: этапы интеграции

Уникальность европейского интеграционного процесса заключается, прежде всего, в том, что в нём создаётся один из первых в истории наднациональных видов власти, предполагающий тесную экономическую и политическую взаимосвязь различных государств, которая базируется не на имперской, а на добровольной основе. И хотя в современном мире интеграцию недемократическим путём представить уже довольно сложно, сегодня формально одинаковые или очень близкие интеграционные планы могут иметь совершенно разное реальное политическое и социальное значение, в зависимости от того, какие страны вступают в интеграционные процессы, кто с кем интегрируется. Реальное значение тех или иных интеграционных планов становится зримым при сопоставлении их социальной поддержки в разных регионах.

Изначально у создателей Европейского Союза не было какого-либо чёткого интеграционного плана[1]. Причиной его возникновения послужили последствия Второй мировой войны – осознание европейскими лидерами необходимости не допустить роста национализма в послевоенной Европе и восстановления пошатнувшихся в результате войны экономик возглавляемых ими государств. Кроме того, с началом "холодной войны" сплочение рассматривалось и как важный шаг в сдерживании советского влияния в Западной Европе[2]. Однако внутриевропей-

таможенного союза, далее – общего рынка труда, капитала, рабочей силы, а затем высшая форма интеграции – валютный союз. Конечным же результатом формирования ЕЭП должно стать повышение благосостояния людей и создание предпосылок для развития экономик более высокими темпами". *Власовец Т.* Беларусь – Казахстан – Россия – Украина: итоги и перспективы интеграции. Белорусское телеграфное агентство (БЕЛТА). http://belta.by/Analitica.nsf/Analytics/A38DB3A9989EFF9342256F6B002F4F5A?OpenDocument. И.М. Коротченя пишет о том, что с 1992 г. Европейское сообщество было важным концептуальным источником в процессе формирования СНГ (см. Коротченя И.М. Экономический союз суверенных государств: стратегия и тактика становления. СПб: Санкт-Петербургский университет экономики и финансов. 1995. С. 38).

[1] В Декларации Р. Шумана говорилось "Европа не будет создана единовременно, в соответствии с единым планом. Она будет построена посредством конкретных достижений, которые сначала создадут солидарность де-факто". Цит. по В.Г. Шемятенков Европейская интеграция. М. 2003. С. 325.

[2] Как пишет К. Андерсон, "Европейская интеграция предназначалась для осуществления, кажется, невозможной задачи: восстановления европейской экономики, привнесения мира на континент, ранее раздираемый войнами, и установления демократии в странах с авторитарными традициями и недавним опытом тоталитаризма. Во многих отношениях ЕС должен был спасти европейцев от самих себя". Anderson, Christopher J.. Consent and Consensus: The Contours of Public Opinion toward the Euro // Robert M. Fishman and Anthony Messina (eds.) The Year of the Euro: The Cultural, Social and Political Impact of Europe's Common Currency. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press. 2006.

ская интеграция, по мнению её инициаторов, должна была быть вне политики и осуществляться как чисто рациональный и технократический проект.

Переломным событием в процессе европейской интеграции стало подписание в 1985 году Единого европейского акта (ЕЕА), который обозначил начало её нового этапа, создание на основе существующих сообществ[1] Европейского сообщества и углубление компетенции ЕС в области координации не только экономической, но и многих других областей внутренней и внешней политики. Маастрихтский Договор о Европейском Союзе (1992 г.) законодательно закрепил озвученные в ЕЕА цели и ввёл общее европейское гражданство[2].

Одновременно с этим, начиная со второй половины 1991 года – периода окончательных переговоров и подписания Маастрихтского договора – поддержка интеграции среди европейского населения после самого высокого уровня за всю свою историю (75% граждан, считавших, что членство их страны в ЕС – это "хорошо", при 3% – что это "плохо",19% – "ни хорошо, ни плохо"), начала быстро сокращаться, достигнув к 1996 году в большинстве стран ЕС наиболее низкого уровня (48% граждан, считавших, что это "хорошо", 17% – "плохо", 28% – "ни хорошо, ни плохо")[3].

Эти изменения в настроении населения стали особенно болезненны для процесса европейской интеграции, поскольку начались именно тогда, когда ЕС вступил в наиболее активную фазу своего развития, при которой одобрение его европейскими гражданами становилось всё более важным. Если до Маастрихта интеграционный процесс касался лишь вопросов межгосударственного сотрудничества, то после него интеграция вызвала необходимость изменения внутриполитической жизни каждой из стран и стала затрагивать жизнь простых граждан непосредственно. Одновременно снижение уровня обсуждения вопросов европейской политики (от межправительственного до уровня граждан отдельных стран) усложняло процесс принятия решений. Однако выработка Маast-

---

[1] Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом).

[2] С 1 января 1993 года официально начал функционировать Единый европейский рынок, ликвидировавший практически все барьеры для свободного передвижения в рамках ЕС людей, товаров, услуг и капитала. Со вступлением в силу 1 ноября 1993 года Маастрихтского договора Сообщество сделало шаг к созданию Экономического и валютного союза (ЭВС) и введению единой валюты, с одной стороны, и к достижению политического союза – с другой. Выполнение целей, содержащихся в Договоре (достижение четырёх свобод, создание и проведение общей политики во всё большем количестве областей), вело к постепенной передаче части суверенитета государств-членов европейским институтам.

[3] Eurobarometer. Public opinion in the European Community. № 35. June 1991. http://europa.eu.int/comm/public_opinion/archives/eb/eb35/eb35_en.pdf.; Eurobarometer. Public opinion in the European Community. № 46. 1996. http://europa.eu.int/comm/public_opinion/archives/eb/eb46/eb46_en.pdf

рихтского договора происходила по прежним стандартам межправительственных обсуждений, и это вызвало у европейского населения острое ощущение удалённости от него механизмов принятия решений в ЕС. Европейские граждане стали задаваться вопросами относительно политики совершенно разных уровней, начиная от регламентации ЕС продажи отдельных продуктов питания и напитков и заканчивая общим характером системы распределения. Но главным стал вопрос о том, в каком направлении движется европейская интеграция и кто находится у её руля. Как показывали опросы, в 1992 году только 14% граждан ЕС были удовлетворены уровнем "демократического влияния", доступного им в институтах ЕС, а 71% респондентов были им не удовлетворены[1]. В том же году впервые был зафиксирован численный перевес граждан ЕС, которые были не удовлетворены тем, как работает демократия в их собственной стране (52% против 45%). При этом среди тех, кто не был доволен демократией в своей стране, критически относились к работе демократических институтов ЕС 78%, а среди довольных – 66%[2].

Со временем, когда европейское население стало привыкать к новым условиям, новый уровень интеграции воспринимался как данность, а полномочия Европарламента постепенно расширялись[3], показатель поддержки европейской интеграции среди граждан ЕС (процент тех, кто считает, что членство их страны в ЕС – это "хорошо") стабилизировался в рамках коридора от 48% до 56% , не опускаясь ниже достигнутой в 1996 году нижней планки, но и не дотягиваясь до прежних высот[4]. Таким образом, почти всеобщая поддержка интеграции, при которой основная масса населения не была посвящена в содержание европейской политики, сменилась более прагматичным к ней отношением, а количество граждан, удовлетворённых состоянием демократии в ЕС, увеличилось с 35% в 1997-м до 49% в 2005 году[5].

Однако, вне зависимости от колебаний поддержки интеграции в целом европейским населением, всегда были те, кто поддерживал её больше, и те, кто меньше. Какие же социальные слои скорее поддерживают и какие скорее не поддерживают европейский интеграционный процесс?

---

[1] Eurobarometer. Public opinion in the European Community. № 38. 1992. http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb38/eb38_en.pdf

[2] Там же.

[3] Длительное время Европейский парламент выполнял лишь консультативные функции, и только с 1979 года стали проводиться прямые выборы в парламент. Реформами Амстердамского договора (1997 г.) была усилена демократическая ответственность ЕС путём увеличения роли Европарламента и предоставления ему больших полномочий.

[4] Eurobarometer. Public opinion in the European Community. № 64. http://ec.europa.eu/public_opinion//archives/eb/eb64/ eb64_first_en.pdf

[5] Eurobarometer. Public opinion in the European Community. № 48. 1997; Eurobarometer. Public opinion in the European Community. № 63. 2005. http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb48/eb48_en.pdf

Таблица 1 демонстрирует данные опросов о поддержке интеграции разными категориями населения как в период наиболее высокой (до Маастрихта), так и в период наиболее низкой поддержки.

Мы видим, что разочарование в работе демократии и вообще в европейской политике не сильно повлияло на соотношение сторонников и противников интеграции в каждой из выделенных социальных групп. И в 1991 году (до падения поддержки), и в 1996-м интеграцию в большей степени поддерживали более образованные, более обеспеченные и более молодые слои населения. При этом в первую очередь поддержка интеграции зависит от уровня образования и связанного с ним уровня дохода. Разница в поддержке между наиболее и наименее образованными слоями населения (окончившими образование до 16 лет и окончившими его после 20 лет) в 1991 году составила 20, а в 1996 году – 24 процентных пункта. Разница в поддержке между наиболее и наименее обеспеченными в 1991 году и 1996 году составляла соответственно 15 и 19 пунктов. Зависимость от возраста менее значительна: разница в поддержке между самыми молодыми и самыми старыми составляла в 1991 году 8, а в 1996 году – 9 пунктов.

Таблица 1. *Отношение к членству своей страны в ЕС в 1991 и 1996 гг. (%)*

		Хорошо		Плохо		Ни хорошо, ни плохо		Не знаю	
		1991	1996	1991	1996	1991	1996	1991	1996
Окончившие образование	До 16 лет	65	39	8	20	19	32	8	10
	От 16 до 19 лет	70	46	7	18	19	29	4	8
	Старше 20 лет	85	60	4	13	10	22	1	7
	Учащиеся	81	63	1	9	15	22	3	7
Возраст	15–24 лет	75	52	3	13	19	27	5	10
	25–39 лет	75	52	5	14	17	27	3	7
	40–54 лет	74	47	6	19	16	28	4	6
	55 лет и старше	67	43	9	20	17	28	7	9
Уровень дохода	самый высокий	80	59	5	13	13	23	2	6
	высокий	75	48	6	17	16	28	3	6
	низкий	72	43	8	17	17	32	4	8
	самый низкий	65	40	8	20	20	32	7	9

Источник: Eurobarometer. Public opinion in the European Community. № 35 (1991) и № 46 (1996).
http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb35/eb35_en.pdf ;
http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb46/eb46_en.pdf

Общее падение поддержки интеграции после Маастрихта происходит прежде всего за счёт её падения в менее образованных и менее обеспеченных сло-

ях (зависимость этого падения от возраста не прослеживается), то есть среди тех, кто и раньше поддерживал её меньше остальных. Те же категории населения, которые и ранее лучше относились к интеграционному процессу (более образованные и обеспеченные), в большей степени, чем другие, поддержали и его новую стадию – Маастрихтский договор. Это подтверждают и данные опроса, проведённого в 1992 году, в котором европейцев спрашивали, как они станут голосовать в случае референдума по вопросу о Маастрихтском договоре: 43% проголосовали бы "за" договор, 27% – "против" и 30% – не определились с ответом[1]. Распределение ответов в зависимости от социально-демографических характеристик (без учёта тех, кто не определился) показано в таблице 2.

Таблица 2. *При проведении референдума по вопросу о Маастрихтском договоре Вы проголосуете "за" или "против" него?(%)*

		"За"	"Против"
Окончившие образование	До 16 лет	57	43
	От 16 до 19 лет	59	41
	Старше 20 лет	71	29
	Учащиеся	70	30
Возраст	15–24 лет	64	36
	25–39 лет	62	38
	40–54 лет	63	37
	55 лет и старше	60	40
Вид деятельности	Менеджеры	72	28
	Самозанятые	61	39
	Рабочие	52	48
Всего		**62**	**38**

Источник: Eurobarometer. Public opinion in the European Community. № 38. 1992. http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb38/eb38_en.pdf

Мы видим, что большое влияние на отношение к Маастрихту оказывает вид деятельности: за новый уровень интеграции в большей степени голосуют менеджеры и в наименьшей – рабочие, а также непосредственно связанный с ним уровень образования. Возраст, как и прежде, имеет наименьшее значение.

Поскольку основная задача европейской интеграции заключалась, прежде всего, в уничтожении барьеров для экономического обмена, облегчении передвижения капитала и трудовых ресурсов, а также в создании единой валюты, это способствовало увеличению международного замещения труда и постепенно лишало работы менее квалифицированных рабочих в более развитых стра-

[1] Eurobarometer. Public opinion in the European Community. № 38. 1992. http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb38/eb38_en.pdf

нах и подрывало жизнеспособность системы социального обеспечения[1]. Но европейская интеграция не ограничивается экономической сферой, она всё более затрагивает и другие сферы, разрушая традиционные формы жизни. Она идёт всё дальше и требует не только адаптации к уже достигнутому уровню, но постоянной адаптации ко всё новым и новым условиям.

Не удивительно поэтому, что число тех, кто поддерживает каждый новый уровень интеграции, всегда меньше, чем тех, кто поддерживает её прошлый уровень и интеграционный процесс в целом. Так, количество сторонников членства своей страны в Европейском сообществе в 1992 году было значительно больше (60%), чем тех, кто высказывался за Маастрихт (43%)[2]. Противники Маастрихта далеко не всегда высказывались вообще против европейской интеграции. Только четверть из них (25%) отрицательно относится к интеграции в целом, почти столько же (24%) относились к ней хорошо, и ровно половина (50%) имели двойственное отношение[3]. Люди принимают как норму достигнутый уровень интеграции, но опасаются нового уровня.

Ещё меньше европейцев готовы поддержать расширение ЕС, и поляризация по этому вопросу достигает бóльших масштабов, чем по вопросу о Маастрихте. Однако и за расширение выступают скорее более образованные граждане, и зависимость от социально-демографических факторов поддержки расширения ЕС примерно такая же, что и в вопросе поддержки углубления интеграции. "За" включение в ЕС новых стран выступили 54% окончивших образование после 20 лет и 40% окончивших его до 15 лет, 53% молодых людей от 15 до 24 лет и 41% людей от 55 лет и старше, 53% менеджеров и 45% и 41% рабочих и пенсионеров соответственно[4].

Каждый следующий этап интеграции, как в плане её углубления (от Европейского объединения угля и стали до разработки Евроконституции), так и в плане расширения числа участников (от Европы-6 до Европы-25 и далее), вызывает новое сопротивление населения, которое всё чаще задаётся вопросом, каковы границы интеграции. Вслед за рациональной оценкой того вклада, который она несёт для национальных экономик, граждане начинают опасаться, что дальнейший процесс интеграции будет угрожать национальной идентичности. И те, кто согласен с теперешним списком членов и теперешним уровнем интеграции, могут быть против расширения его на культурно чуждую Турцию и

---

[1] Как отмечают Г. Маркс и Л. Хуге, "рыночная либерализация оказалась наиболее выгодна для людей с высоким уровнем дохода, образования и профессиональных способностей", она поощряет тех, кто обладает высоким уровнем знаний и профессиональным опытом, и, напротив, "наказывает" тех, у кого их нет или этот уровень низкий". Marks G., Hooghe L. National identity and support for European integration. Berlin. 2003. P. 2.

[2] Eurobarometer. Public opinion in the European Community. № 38. 1992. http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb38/eb38_en.pdf

[3] Там же.

[4] Eurobarometer. Public opinion in the European Community. № 60. 2003. http://europa.eu.int/comm/public_opinion/archives/eb/eb60/eb60_rapport_standard_en.pdf

дальнейшего углубления, способного привести к окончательной утрате национальных суверенитетов[1].

Эти настроения нашли своё выражение в отказе населения Франции и Нидерландов принять конституцию, предусматривающую более глубокий уровень интеграции. При этом в 2005 году на референдумах можно было проследить прежнюю тенденцию распределения голосов между различными категориями населения. Среди наименее образованных поддержка Евроконституции была крайне низка, в то время как среди лиц с университетским дипломом за неё было большинство. Евроконституцию поддержала социальная элита, и её отвергло большинство рабочих и пенсионеров[2].

Конституция 2005 года была неудачной попыткой сделать рывок вперёд, к более глубокому уровню интеграции. В своё время такой же попыткой, но удавшейся, был Маастрихтский договор 1992 года. И если сравнить голосование во Франции по Маастрихтскому договору (он был одобрен 51% французов)[3] и голосование по Евроконституции, становится очевидно, что многие особенности социальной поддержки этих двух уровней и этапов интеграции не изменились. Во Франции коммерсанты и руководители предприятий, поддержавшие Евроконституцию в 2005 году, в 1992 году в большинстве своём голосовали против Маастрихта (51%). Но и в 1992 году поддержка интеграции лицами с университетским дипломом (71%) и представителями свободных профессий и интеллектуалами (70%) была гораздо выше средней, а лицами без диплома (43%) и рабочими (42%) – ниже.

В 1992 году с трудом прошедший ратификацию Маастрихтский договор был таким же смелым шагом вперёд, к неизвестному будущему, как и в 2005 году не прошедшая Евроконституция. Но сейчас договор 1992 года стал уже нормой,

---

[1] Согласно вычислениям, сделанным Дж. Карпом и С. Боулером на основе данных Евробарометра № 54 за ноябрь–декабрь 2000 года в 15 странах-членах ЕС значительно большее количество респондентов поддерживает углубление, нежели расширение, интеграционного процесса в Европе. Так, 58,5% опрошенных считают, что приоритетом должно стать введение единой валюты, в то время как только треть (32,2%) – расширение ЕС. Против "углубления" выступают 33,5% опрошенных, против "расширения" – 55,4%. Karp Jeffrey A., Bowler S. Broadening *and* deepening or broadening *versus* deepening: The question of enlargement and Europe's "hesitant Europeans." // European Journal of Political Science. 2004. P. 22.

[2] На референдуме во Франции среди коммерсантов и руководителей предприятий поддержка конституции составила 67%, среди лиц свободных профессий и интеллектуалов – 63%, среди рабочих и пенсионеров – 34% и 43% соответственно. Libération. 2005, 21 mai. P. 8. В Нидерландах, как и во Франции, меньше конституцию поддержали рабочие (22% "за" и 78% "против"), нежели имеющие собственное дело (43% "за", 57% "против") и служащие (40% "за", 60% "против"). The European Constitution: Post-referendum survey in the Netherlands. Eurobarometer. http://europa.eu.int/comm/public_opinion/flash/fl172_en.pdf

[3] Liberation. 2005. 21 mai. P. 8. Eurobarometer 63. Public opinion in the European Union. http://europa.eu.int/comm/public_opinion/archives/eb/eb63/eb63_en.pdf

частью привычного мира. И существующий уровень интеграции, созданный им, поддерживается значительно более широкими социальными слоями, чем в своё время поддерживался сам Маастрихт.

Поддержка интеграции более образованными характерна не только для старых членов Европейского Союза. Схожая картина складывается из данных опроса населения 13 стран-кандидатов в 2003 году[1]. И в старых членах ЕС, и в новых на разных этапах интеграции проявляются некоторые постоянные тенденции. Поддержка интеграции тесно связана с образованием: она максимальна у наиболее и минимальна у наименее образованных. Поддержка интеграции выше у лиц свободных профессий и интеллектуалов ("по определению" наиболее образованных) и ниже у рабочих, выше у наиболее обеспеченных и ниже у мало обеспеченных. Она максимальна в больших городах – сосредоточении интеллектуальной жизни – и минимальна в сельской местности.

Постсоветский проект: от ностальгии к прагматизму

К сожалению, мы не имеем данных о динамике отношения населения всех бывших советских республик к интеграционным проектам на постсоветском пространстве, поскольку по этой теме не проводилось каких-либо согласованных и регулярных исследований, подобных Евробарометру. Сопоставимые данные по четырём бывшим советским республикам – России, Белоруссии, Украине и Казахстану – появились только в 2004 году.

Существование в недавнем прошлом союзного государства определило принципиальное отличие интеграции постсоветского пространства от европейской. Если европейская интеграция не имеет ясной модели в прошлом – подобного объединения в истории не существовало, то постсоветская "по определению" имеет такую модель. Это СССР, в котором интеграция была очень высокой и была неразрывно связана со всеми другими аспектами жизни советского общества. Более того, распад этого государства произошёл против воли его населения. Как показали результаты общесоюзного референдума 17 марта 1991 года по вопросу о сохранении СССР, подавляющее большинство населения Советского Союза выступило "за" сохранение СССР (76,4% участвовавших в голосовании). Не удивительно, что, по данным опросов Фонда общественного мнения (ФОМ), на протяжении всего последующего десятилетия большинство россиян (в 1992 г. – 69%, в 1997 г. – 84%, а в 2001-м – 79%) продолжали сожалеть о распаде Советского Союза[2]. Опросы Евразийского Барометра за 2005 год показали, что эти чувства разделяло и большинство населения Беларуси и Украины, чуть меньше Казахстана[3].

---

[1] Eurobarometer 2003.4. Public opinion in the candidate countries. Full report. http://europa.eu.int/comm/public_opinion/archives/cceb/2003/cceb2003.4_full_report.pdf

[2] http://bd.fom.ru/report/cat/societas/society_power/referendum/of010901

[3] В целом в 2005 году о распаде СССР сожалело 67% россиян, 55% белорусов, 52% украинцев и 41% казахов. Пресс-выпуск № 345. http://www.wciom.ru/?pt=9&article=2024

Согласно данным ФОМа за 2001 год, большинство россиян до сих пор хотели бы жить в объединённом государстве (72% проголосовало бы "за" объединение бывших союзных республик, если бы проводился референдум). Однако при этом опять же большинство россиян (58%) признали, что восстановить СССР невозможно. Продолжали надеяться на возрождение Советского Союза 30% респондентов[1]. Как распределялись подобные настроения среди всех категорий населения, демонстрирует таблица 3.

Таблица 3. *Социально-демографические параметры отношения россиян к перспективе воссоздания Советского Союза, 2001 г. (%)*

		Скажите, пожалуйста, Вы лично сожалеете или не сожалеете, что Советский Союз распался?		Если бы сегодня проводился референдум об объединении всех бывших союзных республик, Вы бы лично проголосовали за объединение или против объединения?		По Вашему мнению, сегодня возможно или невозможно воссоздание СССР?	
		Сожалею	Не сожалею	За объединение	Против объединения	Возможно	Не возможно
	Всего:	79	15	72	15	30	58
Возраст	18–35 лет	61	27	60	24	23	68
	36–50 лет	83	12	73	15	30	59
	старше 50 лет	89	7	81	8	36	47
Образование	ниже среднего	83	10	80	8	37	47
	среднее общее	75	18	72	15	27	60
	среднее специальное	82	13	70	19	29	61
	высшее	72	22	67	20	31	60
Доходы	до 600 руб.	79	14	74	14	30	59
	600–1000 руб.	85	12	77	13	33	53
	более 1000 руб.	75	19	67	18	27	63
Тип населенного пункта	мегаполис	79	17	68	22	38	54
	большие города	78	17	73	15	32	57
	малые города	79	13	73	13	28	57
	села	79	15	75	14	29	58

Источник: Фонд "Общественное мнение".
http://bd.fom.ru/report/cat/societas/society_power/referendum/tb010908

[1] Там же.

Мы видим, что в наибольшей степени о распаде СССР сожалеют лица старше 50 лет и с более низким уровнем образования. Уровень дохода и место жительства в меньшей степени влияют на распределение ответов или вообще не имеют особого значения. В возможность воссоздания СССР верит значительно меньшее число россиян, но среди них также больше представителей старшего поколения, менее образованных и менее обеспеченных. Те же категории населения чаще других отвечают, что проголосовали бы за объединение союзных республик на предполагаемом референдуме.

Возможность выбора между разными типами интеграции или существования вне интеграционных группировок предлагается в опросах, проведённых в рамках проекта "Евразийский монитор" в апреле 2004 года в России, Украине и Беларуси.

Из таблицы 4 мы видим, что поддержка всех форм интеграции на постсоветском пространстве – и утопического восстановления СССР, и экономического союза России, Украины, Беларуси и Казахстана, и СНГ – меньше, чем поддержка европейским населением европейской интеграции.

Таблица 4. *Отношение населения России, Украины и Беларуси к различным типам интеграции, 2004 г. (%)*

"В настоящее время многие страны стремятся к объединению, другие, наоборот, к самостоятельности. Если бы Вы могли выбирать, то где бы Вы хотели жить?"													
			Уровень материальной обеспеченности			Возраст					Образование		
		Всего:	скорее хороший	средний	скорее плохой	18–25	26–34	35–44	45–59	старше 60	начальное	среднее	высшее
В объединенном союзе Белоруссии, России, Казахстана и Украины	Россия	9,1	11,7	9,3	8,3	6,7	7,9	9,2	11,3	8,4	8,7	9,3	9,4
	Украина	23,0	14,1	21,1	26,3	19,6	23,4	20,0	25,7	24,9	20,9	24,8	23,7
	Беларусь	17,1	15,6	16,9	17,0	8,0	10,5	13,6	22,4	25,3	19,5	17,1	15,7
В Содружестве Независимых Государств	Россия	6,9	8,3	7,7	5,5	4,5	10,4	6,6	8,1	4,5	4,7	7,6	8,2
	Украина	11,1	13,3	10,6	11,1	11,6	12,3	12,6	11,3	8,7	10,4	11,4	11,6
	Беларусь	6,8	6,5	6,2	7,4	5,7	7,4	7,0	4,4	9,2	10,7	5,8	7,0
Во вновь объединенном СССР	Россия	18,5	7,8	17,0	24,6	6,7	11,2	16,9	19,2	31,8	25,8	16,5	13,5
	Украина	18,6	9,6	14,7	24,0	14,9	16,1	18,5	17,3	23,9	23,1	19,7	10,9
	Беларусь	15,2	23,4	15,4	14,5	6,3	10,5	10,7	12,8	31,0	27.5	14,6	10,0
В своей собственной стране	Россия	50,5	51,1	53,1	45,9	57,0	48,2	53,7	48,7	48,5	49,2	50,9	51,3
	Украина	32,4	43,7	34,3	28,8	34,8	32,5	31,5	32,6	31,3	35,1	29,4	32,4
	Беларусь	27,8	29,9	33,7	19,5	24,0	27,2	29,0	32,0	24,9	28,2	27,5	27,5

Источник: ВЦИОМ. "Евразийский монитор". http://www.wciom.ru/?pt=156

Главное же отличие отношения к интеграции на постсоветском и на европейском пространствах – в социальной природе "групп поддержки". Поддержка идеи восстановления СССР на постсоветском пространстве, как мы это видели и в приведенных выше опросах ФОМа, зеркально противоположна поддержке ЕС в Европе. За восстановление СССР выступают скорее более пожилые, малообеспеченные (за исключением Беларуси) и менее образованные представители населения. Поддержка СНГ не имеет какой-либо ясной связи с социально-демографическими группами, за исключением России, где она немного выше среди более обеспеченных и более образованных слоев. То же можно сказать и о поддержке "союза четырёх", хотя связь с возрастом ясно прослеживается во всех трёх республиках, причём сторонниками как восстановления СССР, так и "союза четырёх" выступает скорее пожилое население.

Таким образом, мы видим, что формально одна и та же идея интеграции в ЕС и на постсоветском пространстве является в этих двух регионах символом стремлений разных, даже противоположных социальных слоёв. Почему это происходит?

Ностальгия по советскому государству окрашивает постсоветскую интеграцию, придаёт ей характер стремления восстановить некое подобие Советского Союза. Как мы видим, идея восстановления СССР пользовалась наибольшей популярностью в России (на Украине она на втором месте после ЕЭП, а в Беларуси на два процентных пункта отстаёт от популярности "союза четырёх", СНГ наименее популярно во всех трёх республиках)[1]. Для России распад СССР, помимо территориальных и экономических потерь, стал ударом по её статусу "великой державы". Согласно опросу, проведённому ФОМом в 2001 году, 71% россиян считал, что "Россия в целом проиграла от того, что Советский Союз распался", а 69% россиян хотели видеть свою страну в качестве "великой и мирной державы"[2]. Подобные настроения создавали условия, при которых любая новая попытка со стороны России создать интеграционную группировку на постсоветскоми пространстве воспринималась как попытка вернуть славное прошлое. Это неоднократно демонстрировали социологические опросы. Так, согласно опросу ФОМ-а за 2005 год, 65% россиян хотели бы, чтобы большинство стран СНГ со временем объединились в одно государство. При этом 53% граждан продолжали считать, что Россия должна играть в СНГ ведущую роль, что подразумевало неравные отношения между Россией и остальными странами СНГ (29% высказали мнение, что в СНГ никто не должен играть ведущую роль, что "отношения между Россией и остальными странами СНГ должны быть рав-

[1] По опросам, проведённым "Евразийским монитором" в апреле 2005 г., в СНГ предпочли бы жить чуть больше россиян – 11% и белорусов – 9%, но меньше украинцев – 9% и 19% казахов. В ЕЭП – 15% россиян, 24% – белорусов, 26% – украинцев (во всех трёх странах поддержка ЕЭП по сравнению с 2004 г. увеличилась) и 27% – казахов. "Третья волна Евразийского монитора". http://www.wciom.ru/?pt=156.

[2] http://bd.fom.ru/report/cat/frontier/blocks/FSU/collapse_FSU/d020322

ными"). То же касается и другого объединения на постсоветском пространстве. В 1997 году Союз России и Беларуси, соглашение о создании которого было подписано в 1996 году, одобренный большинством россиян (75%), также большинством из них (59%) считался первым шагом на пути восстановления СССР, за которым последует объединение других стран СНГ в единый Союз. Если бы к российско-белорусскому союзу присоединились и другие республики бывшего СССР, то это в 1997 году приветствовал бы 81% опрошенных граждан России[1]. То, что в перспективе при создании Союза России и Беларуси подразумевалось объединение в единое государство именно под началом России, подтверждают и опасения самих белорусов, которые в своём большинстве уверены, что российское руководство и российское население желают лишить Беларусь независимости. Так, в 2005 году на вопрос: "На Ваш взгляд, хотят ли российские власти, чтобы Беларусь вошла в состав России и перестала быть независимой страной?" – 46,9% населения республики ответили "да", а 26,5% – "нет". (Из числа белорусских лидеров и экспертов – 73% ответили "да", 20% – "нет"). На вопрос: "На Ваш взгляд, хочет ли российское население, чтобы Беларусь вошла в состав России и перестала быть независимой страной?" – 39,2% белорусов ответили "да", 26,8% – "нет" (лидеры и эксперты – 75% – "да", 13% – "нет")[2].

При этом сохраняется прежняя тенденция в распределении ответов респондентов по социально-демографическому принципу. Чем моложе россияне, тем чаще они высказывают мнение, что в распаде СССР было что-то полезное. Так считают 16% респондентов в возрасте старше 55 лет, 19% – в возрасте 46–54 лет, 31% – 26–45 лет, а среди самых молодых – 16–24 года – 38%)[3]. А в Беларуси "за" объединение их страны с Россией в одно государство на предполагаемом референдуме скорее голосовали бы люди от 60 лет и старше – 37,3%, нежели молодые люди от 16 до 19 лет (13,2%), а также менее образованные (35,1% – с начальным образованием, 35,3% – с неполным средним и 22,1% – с высшим)[4].

Большую популярность идеи восстановления СССР, по сравнению с другими видами постсоветской интеграции, видимо, можно объяснить тем, что этот тип интеграции был исходным и наиболее понятным примером, остальные же выполняли роль его плохих копий. Именно поэтому специфика поддержки населением постсоветского интеграционного процесса заключалась в том, что его поддерживали люди, которые большую часть своей жизни прожили в СССР и в наибольшей степени были проникнуты ностальгией по советскому прошлому, а также малообразованные и малообеспеченные слои населения, которым сложно было приспособиться и выживать в условиях рыночной экономики.

---

[1] http://bd.fom.ru/report/cat/frontier/blocks/FSU/collapse_FSU/of19972502.

[2] www.iiseps.org

[3] http://bd.fom.ru/report/cat/frontier/blocks/FSU/collapse_FSU/of19961803

[4] IISEPS NEWS (Новости НИСЭПИ). Analytic Bulletin of Independent Institute of Socio-Economic and Political Studies.2000. December, Issue 4 (18). С. 71.

Однако устойчивость представления о постсоветском интеграционном процессе как о возрождении бывшего СССР постепенно начинает разрушаться. Кроме того, что российское население перестаёт верить в реалистичность планов воссоздания СССР, значительно сократилось, как показал опрос ФОМа за 2005 год, и число россиян, выступающих за укрепление СНГ. Если в 1998-м россиян, считавших, что Россия должна стремиться к укреплению СНГ, было 80%, в 1999-м – 85%, в 2001-м – 79%, в 2003-м – 86%, то в 2005 году – всего 66%[1]. При этом в опросе 2005 года, впервые за весь период мониторинга российского общественного мнения по этой проблеме, доля респондентов, считающих, что Россия выиграла от участия в СНГ (35%), превзошла долю тех, кто полагает, что наша страна в целом от этого проиграла (27%). Эти две тенденции последних опросов, по мнению Г. Кертмана, говорят об эрозии "ретроспективной" модели восприятия этого межгосударственного объединения. Ослабление установки на *повышение* уровня межгосударственной интеграции в СНГ – установки, органически связанной, повторим, с надеждами на полную или частичную реанимацию былой сверхдержавы, по мнению этого автора, – влечёт за собой снижение требований к *сегодняшнему* уровню интеграции. А это, в свою очередь, ведёт к ослаблению недовольства положением дел в СНГ в целом и тем, как участие в Содружестве отражается на нашей стране. Поэтому сочетание двух внешне разнонаправленных тенденций – к снижению доли стремящихся к укреплению СНГ и к снижению доли полагающих, что Россия проиграла от участия в нём, – фактически две стороны одной медали. В то же время это предположение может служить объяснением, почему в России более образованные скорее выступают в поддержку СНГ[2].

---

[1] На вопрос: "Как Вы считаете, Россия должна или не должна стремиться к укреплению СНГ" – ответили "должна" в 1998 году 80% россиян (10% – ответили "не должна", 10% затруднились с ответом), в 1999 году – 85% (7% – "не должна", 8% затруднились с ответом), в 2001-м – 79% (10% и 12% ответили "не должна" и затруднились с ответом соответственно), в 2003-м – 86% (7%, и 7%, соответственно) и в 2005 году – 66% (12% и 23%). http://bd.fom.ru/report/cat/frontier/blocks/FSU/d033931

[2] Кроме того, в аргументации сторонников укрепления СНГ за последний год, как отмечает тот же автор, основываясь на опросах ФОМа, всё меньше звучит тема общего прошлого и, напротив, всё больше содержится принципиально иная, более прагматичная мотивировка ориентации на укрепление СНГ. Говоря о необходимости дружбы и кооперации с соседями, респонденты апеллируют скорее к общности интересов, нежели к общности "корней". Но главное – страны, входящие в это объединение, описываются уже не как осколки единой ранее державы, а как самостоятельные субъекты международных отношений. "А такой подход предполагает и несколько иное понимание логики взаимодействия этих стран: укрепление их взаимоотношений предстаёт не процессом "восстановления семьи" или, по крайней мере, устранения недоразумений и обид, накопившихся после "развода", а процессом выстраивания новых интеграционных структур на основе взаимных обязательств, балансировки интересов и т. д.", – отмечает Г. Кертман. Кертман Г. СНГ – между прошлым и настоящим. http://bd.fom.ru/report/map/articles/kertman/gur050408

Мы видели, что интеграцию на европейском и на постсоветском пространствах поддерживают совершенно разные социальные слои. Возникает вопрос: может ли быть так, что слои, которые в Западной и Центральной Европе хотят объединения, на постсоветском пространстве никаких объединений не желают и особенно ценят государственную самостоятельность? Или это различие относится не к идее интеграции вообще, а к её конкретным вариантам и те, кто на постсоветском пространстве высказываются против постсоветской интеграции, выступают не против неё вообще, а именно против данной интеграции, интеграции именно постсоветских стран? У нас есть возможность выяснить, какое из этих предположений верно.

В европейских странах не было альтернативных ЕС интеграционных проектов. Но на постсоветском пространстве такой проект есть – это идея вступления в более или менее отдалённом будущем в ЕС. Эта одна из реальных политических идей, а на Украине – даже официальный политический курс.

В опросе "Евразийского монитора" 2004 года содержался вопрос, желают ли респонденты жить в объединённой Европе. Ответы на него показаны на таблице 5.

Таблица 5. *Желание жить в объединённой Европе, 2004 г.*

		Уровень материальной обеспеченности			Возраст					Образование		
	Всего:	скорее хороший	средний	скорее плохой	18–25	26–34	35–44	45–59	старше 60	начальное	среднее	высшее
Россия	10,7	16,1	10,2	9,8	22,0	18,0	10,7	8,1	1,7	5,6	12,2	14,2
Украина	14,7	19,3	19,3	9,6	19,0	14,9	17,5	13,2	11,3	10,1	14,5	21,5
Беларусь	28,1	22,1	24,2	34,7	49,1	43,2	33,6	23,2	4,6	6,7	30,1	35,8

Мы видим, что желание жить в объединённой Европе довольно распространено, причём больше всего – в Беларуси. При этом во всех трёх республиках больше всего желающих жить в Европе – среди наиболее молодых и наиболее образованных. Желание жить в объединённой Европе можно понять по-разному – и как желание самому в ней оказаться, и как желание, чтобы страна респондента стала её частью.

Но у нас есть и данные о поддержке респондентами именно идеи вступления своей страны в ЕС, приводимые в таблице 6.

Таблица 6. *Поддержка вступления своей страны в ЕС, 2004 г. (%).*

		Россия	Украина	Беларусь
	Всего:	31,6	36,1	35,1
Уровень материальной обеспеченности	скорее хороший	33,9	40,7	28,6
	средний	33,2	41,2	33
	скорее плохой	28,7	30,7	38,2
Возраст	18–25 лет	33,6	39	50,3
	26–34	36,7	32,5	43,2
	35–44	34,9	39,4	41,1
	45–59	33,1	37,2	32,8
	старше 60	22	33,3	15,7
Образование	высшее	40,1	39,3	44,1
	среднее	32,5	35,4	35,8
	начальное	24,1	34,5	15,4

Источник: ВЦИОМ. "Евразийский монитор". http://www.wciom.ru/?pt=156

Поддержка вступления в ЕС распространена значительно больше, чем желание жить в ЕС. При этом поддержка идеи вступления в ЕС наиболее велика в тех же слоях, в которых больше всего тех, кто желает жить в объединённой Европе – в России и Украине это более молодые, образованные и более обеспеченные[1]. Те, кто против постсоветской интеграции, не против интеграции вообще. Они – за другую интеграцию, за интеграцию в рамках альтернативных проектов.

* * *

Чем объяснить различия в социальной поддержке интеграционных процессов в Европе и на постсоветском пространстве? Евроинтеграция – процесс но-

[1] Особенностью распространения проевропейских идей в Беларуси является то, что в этой стране за Европу высказываются скорее бедные, чем богатые. Возможно, это связано с тем, что белорусская экономика существенно отличается от российской и украинской большей ролью государства и вписавшиеся в эту централизованную экономику, достигшие в её условиях приличного материального достатка люди понимают, что им трудно было бы вписаться в основанную на иных принципах экономику ЕС.

вый, не имеющий прецедентов. Это путешествие в неизвестное будущее. Не ясно, где и на чём она должна остановиться, будет ли ЕС охватывать всю европейскую территорию, включая Турцию, Украину и, кто знает, может быть, и Россию, приведёт ли она к единому супергосударству и какие институциональные формы это супергосударство может принять. Ясно, что поддержка такого процесса требует открытого неопределённому будущему, не традиционалистского и терпимого к культурным различиям сознания. Но это и есть сознание, которое вырабатывается в процессе получения образования. Как двести лет назад парижский читатель газет был республиканцем, а бретонские крестьяне боролись за короля и церковь, так и сейчас парижский пользователь Интернетом – скорее за евроинтеграцию, а крестьянин в той же Бретани или рабочий в маленьком провинциальном городке – скорее против.

Постсоветская же интеграция имеет ясную модель в прошлом – СССР. Конечно, ни СНГ, ни Единое экономическое пространство не являются восстановлением СССР. Но всё равно "образ" СССР довлеет над этими формами интеграции, которые воспринимаются как частичное, неполное, но всё же восстановление прошлого. С разной ориентацией европейской и постсоветской интеграции на прошлое и будущее в массовом сознании населения связан ещё один, усиливающий эти ориентации аспект. Ядро ЕС – страны с развитой демократией и развитой рыночной экономикой. Стремление войти в союз с ними для других, менее развитых стран – это стремление "подтянуться" к их уровню. Естественным центром любого постсоветского объединения является Россия, страна с не слишком развитой экономикой и "управляемой" демократией. Стремление войти в союз с ней может скорее восприниматься как стремление зафиксировать теперешний уровень развития рыночных и политических институтов. Тем более что на постсоветском пространстве Россия всегда поддерживает существующие политические режимы. И понятно, что социальная база поддержки идеи восстановления СССР прямо противоположна социальной базе поддержки европейской интеграции как в самой Европе, так и в постсоветских странах, где образ устремлённого в неизведанное будущее ЕС привлекает те же социальные слои, что и в странах Западной и Центральной Европы.

Юрий РУБИНСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА ФРАНЦИИ

По численности и доле в населении кадрового чиновничества, объёму и разнообразию его функций Франция значительно превосходит все остальные промышленно развитые страны Запада. Эта специфика во многом объясняется историческими особенностями становления французской государственности.

Со времён абсолютной монархии сосредоточение политической власти в руках короля сопровождалось прогрессирующим ограничением прав промежуточных эшелонов между центром и провинцией – как привилегий феодальной аристократии, так и коммунальных свобод городской буржуазии. Французская революция 1789 года не ослабила, а, напротив, ещё более укрепила централизованную структуру бюрократического аппарата государства. Упразднив старинные провинции, якобинская диктатура, затем наполеоновская империя разделили страну на стандартные департаменты по сугубо географическому признаку. Управление ими было поручено корпусу префектов – чиновников Министерства внутренних дел, назначенных главой государства. На них возложено поддержание общественного порядка и безопасности, координация деятельности центральных министерств и ведомств на местах, контроль над функционированием выборных органов местного самоуправления.

Характерной чертой французской административной системы всегда было, наряду с централизацией, строгое единообразие. В противоположность федеративным государствам: США, Германии, Бельгии, Австрии, Канаде, Мексике, Индии, Бразилии, – примеру которых следуют теперь Испания, Великобритания и многие другие, во Франции законы и их применение всегда были и остаются идентичными на всей территории единой и неделимой республики, в том числе

© ***Рубинский Юрий Ильич*** – доктор исторических наук, руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН, профессор Государственного университета – Высшей школы экономики.

на её окраинах, сохраняющих заметное этнолингвистическое и культурное своеобразие (Корсика, Бретань, Эльзас, Страна Басков).

Эта специфика подкрепляется значительной ролью государства во французской экономике, достигшей высшей точки развития после Второй мировой войны. В стране сложились тогда мощный национализированный сектор, охвативший основные звенья инфраструктуры (энергетику, транспорт, связь, часть промышленности и банков), и одна из самых продвинутых систем социального обеспечения. Эта модель социальной рыночной экономики сыграла немалую роль в послевоенном восстановлении и реконструкции страны.

В 70-х годах XX века она начала исчерпывать свой ресурс. За последнюю четверть века в функционировании экономики и госаппарата произошли немалые перемены, диктовавшиеся требованиями научно-технической революции на базе информатики, процессами европейской интеграции и глобализации. Чрезмерный централизм и бюрократический дирижизм постепенно смягчаются: в 1981–1982 и 2002–2003 годах были приняты комплексы законов, заметно расширившие права "территориальных коллективов", то есть департаментов и коммун, к которым добавились более крупные регионы. Значительная часть госсектора приватизирована, в капитал оставшихся естественных госмонополий ("общественных служб") открыт доступ частным инвесторам, в том числе иностранным.

В настоящее время в стране насчитывается 26 регионов (22 в метрополиях и 4 в заморских департаментах и территориях), 100 департаментов (96 в метрополиях) и свыше 36 тысяч коммун.

Хотя коммуны входят в департаменты, а департаменты в регионы, вертикальное подчинение между ними крайне ограничено, поскольку каждый из трёх уровней административно-территориального деления имеет свой круг прав и обязанностей и свои источники финансирования. Так, например, регион, объединяющий несколько департаментов, может иметь меньший бюджет, чем каждый из них.

Тем не менее степень административной децентрализации и экономической либерализации во Франции всё ещё остаётся заметно ниже, чем у большинства её партнёров по Евросоюзу. Хотя формы регулирования экономических процессов эволюционируют в сторону дальнейшего расширения свободы действий частного бизнеса, государство отнюдь не ушло из экономики и тем более социальной сферы. Удельный вес в ВВП госбюджета и системы соцстраха, финансируемых за счёт налогов и обязательных отчислений в кассы соцобеспечения (пенсионную, по болезни, пособий для многодетных), составил в 2003 году 53,5% – больше, чем в Германии (48,8), Италии (49), Великобритании (43,5), уступая в ЕС только Швеции (58,7%). Столь же значительна доля лиц наёмного труда, занятых в общественном секторе, в самодеятельном населении страны: в

2004 году она достигла 22,9% против 15,5% в среднем по еврозоне, уступая опять же только Швеции (31,7%)[1].

Правовой статус госслужбы

Юридическое закрепление прав и обязанностей государственных служащих во Франции началось сразу же после окончания Второй мировой войны ордонансом (указом) главы Временного правительства генерала де Голля от 9 октября 1945 года. На основании этого документа были созданы Национальная школа администрации, Управление госслужбы и межведомственный корпус гражданских администраторов, включающий руководящие кадры верхнего эшелона.

Комплексный закон о статуте госслужбы был принят Учредительным собранием год спустя – 5 октября 1946-го. За прошедшие с тех пор более полувека этот статут претерпел, естественно, многочисленные коррективы – ордонанс от 4 февраля 1959 года, законы от 13 июля 1983-го, 11 и 26 января 1984-го, 9 января 1986 годов пересмотрели многие положения Общего статута чиновников в соответствии с установками политических сил, приходивших к власти, – правых в первом случае, левых во втором. Тем не менее структурное равновесие, установленное в первом варианте статута, более или менее сохранилось вплоть до наших дней.

В принципе предполагается, что французский чиновник принадлежит к одной ведомственной системе, где проходит вся его карьера вплоть до выхода на пенсию. Однако перевод кадровых чиновников из одного ведомства в другое или временное откомандирование их в кабинеты (секретариаты) министров, главы правительства и государства являются повседневной практикой, давая, как правило, определённые карьерные преимущества по службе. Чиновники сохраняют в таком случае не только непрерывность стажа, но и выслугу лет с присвоением очередных рангов.

Поскольку ранги (классы) с множеством промежуточных ступеней и должности чиновников разделены, перемещения внутри одной ведомственной системы или перевод из одной в другую не должны негативно отражаться на карьере: при новом назначении госслужащих обязательно учитывается ранг и место в единой тарифной сетке оплаты труда на прежней работе.

Французское законодательство различает несколько категорий госслужбы. В широком смысле она охватывает всех лиц наёмного труда, на которых распространяются нормы публичного права, в том числе персонал системы государственного образования, здравоохранения, почт, телеграфа, а также работников госмонополий как “общественных служб” (энергетиков, газовщиков, железнодорожников и т. д.).

В более узком смысле чиновниками считаются только “агенты государства” (les agents publics), выполняющие те или иные административные функции –

[1] L’Economie française 2006. OFCE, La Découverte, Paris. P. 34–35.

правоохранительные, финансовые, управленческие, дипломатические и т. д. Это определение исключает работников госсектора в экономической сфере, но частично распространяется тем не менее на социальную (система народного образования).

В свою очередь "агенты государства", подпадающие под действие публичного административного права, включают штатных (titulaires) и нештатных (non-titulaires). Только первые пользуются всеми привилегиями чиновников в том, что касается гарантий занятости, карьеры с присвоением очередных рангов и повышением по службе с учётом стажа и выслуги лет, особыми условиями выхода на пенсию, существующими в данной ведомственной системе и прочее. Напротив, нештатные служащие, обычно сугубо технические (секретарши, курьеры, уборщики, охранники и т. д.), работающие по контракту, лишены всех этих преимуществ и мало отличаются по статусу от аналогичных категорий частного сектора.

Среди штатных чиновников особым статусом пользуются военнослужащие (в том числе жандармы, которые считаются родом войск) и судебно-прокурорские работники. Они лишены, например, права на объединение в профсоюзы и проведения забастовок, которыми пользуются полицейские и прочие сотрудники системы МВД.

Не менее важным является различие между государственной и "территориальной" гражданской службой. К первой относятся чиновники центральных министерств и ведомств в столице и их служб на местах, ко второй – служащие (но не выборные члены) местных органов самоуправления – региональных, генеральных, муниципальных советов. Хотя в принципе их правовой статус сопоставим, первые, как правило, находятся в более привилегированном положении, чем вторые.

Организационная структура

С учётом центрального места, которое занимает президент в конституционной системе Пятой республики, его аппарат в Елисейском дворце играет ключевую роль в формировании внутренней и внешней политики Франции. Он состоит из трёх подразделений: кабинета во главе с директором, генерального секретариата, возглавляемого генсеком, и военного штаба. Состав аппарата Елисейского дворца сравнительно невелик, он обычно не превышает 60–70 человек, назначенных лично главой государства.

Кабинет, плюс личный кабинет (секретариат) занимаются организацией рабочего времени президента – его встречами, поездками, протоколом, безопасностью, контактами с общественностью и особыми поручениями. Генеральный секретариат, состоящий из советников (conseillers), уполномоченных (chargés de mission) и референтов (attachés), поддерживает постоянную связь с правительством, парламентом, политическими партиями, общественными организациями, СМИ. Каждый советник или референт курирует определённый круг вопросов и соответствующие ведомства.

Генсек готовит вместе со своим коллегой из аппарата премьер-министра повестку дня еженедельного заседания Совмина под председательством президента и участвует наряду с министром по связи с парламентом в процессе прохождения правительственных законопроектов через нижнюю и верхнюю палаты – Национальное собрание и Сенат. Штаб президента обеспечивает ему, как верховному главнокомандующему, постоянную связь с Минобороны и Генштабом.

Сотрудники персонала Елисейского дворца рекрутируются в большинстве своём из чиновников различных министерств и ведомств. Основным критерием служит при этом сочетание профессиональной компетентности с политической лояльностью, преданностью первому лицу. Последние качества являются решающими, причём президент нередко добавляет к чиновникам своих партийных соратников и личных друзей. Поэтому с приходом нового главы государства аппарат Елисейского дворца почти меняется полностью (кроме техсостава). Кадровые чиновники возвращаются в свои ведомства, остальные – к прежним занятиям[1]. По такой же схеме построена и организация аппарата премьер-министра в его дворце – Отеле Матиньон, который возглавляют директор кабинета и генеральный секретарь правительства.

Члены правительства выполняют как политические, так и административные функции – они издают по своему ведомству приказы (arrêtés), инструкции, циркуляры, распоряжаются бюджетными ассигнованиями по своему министерству, решают кадровые вопросы (продвижение чиновников по службе, повышение их в ранге с учётом выслуги лет и личных заслуг, дисциплинарные взыскания и т. д.). Назначение чиновников на ответственные должности, как и структурная реорганизация основных звеньев аппарата министерств, согласовывается с премьером, а на самые высокие посты – префектов, послов, командующих военными округами, директоров национализированных предприятий – утверждается президентом Республики в Совете министров по представлению соответствующего министра[2].

Центральный аппарат министерств состоит из управлений (directions) во главе с директорами, отделов (bureaux) и подотделов с учётом административной специфики каждого ведомства. Им подчинены "внешние службы" на местах – префектуры в МВД, посольства в МИДе, учебные округа в Министерстве народного образования (académies), военные округа в Минобороны, генеральные казначеи департаментов в Минфине и т. д.

Роль связующих звеньев между министром как политическим представителем высшего звена исполнительной власти и административным персоналом

---

[1] Официально содержание Елисейского дворца, проходящее в госбюджете отдельной строкой, финансово сравнительно ограничено, так как основные расходы идут по бюджетам соответствующих министерств – МИД (поездки), МВД (охрана) и т.д.

[2] Gérard Bélorgey – Le Gouvernement et l'Administration de la France. Armand Colin, Paris, 1967. P. 86–98.

его ведомства играют две фигуры – директор кабинета (секретариата) министра и генеральный секретарь министерства.

Функции кабинета и его директора в министерствах аналогичны (на более низком уровне) соответствующим службам Елисейского дворца и Отеля Матиньон, с сотрудниками которых они поддерживают постоянный рабочий контакт. Со своей стороны, генсек каждого министерства является кадровым чиновником, который играет роль первого заместителя министра. Оставаясь на месте при смене последнего, он обеспечивает преемственность администрации при любых политических и персональных переменах на уровне правительства.

Все чиновники французской госслужбы разделены по вертикали на четыре разряда (класса) – A, B, C и D, принадлежность к которым определяется уровнем административно-управленческой ответственности при принятии решений. Категория A – это директора управлений и департаментов, B – начальники отделов и подотделов, C – исполнители, D – штатный техперсонал. Категории включают, в свою очередь, определённые ранги, должности и, соответственно, уровни оплаты труда. Её сетка сочетает принципы эквивалентности, то есть соответствия другим по горизонтали, учёта специфики данного ведомства и исторически сложившихся привилегий его работников. Так, например, супрефект или дивизионный комиссар полиции в МВД примерно эквивалентны посланнику в МИДе, генеральному инспектору Министерства народного образования, полковнику в армии и т. д.

К началу XXI века на госслужбе во Франции числились 2 294 тыс. человек, в том числе 1 876 тыс. по гражданским министерствам и 417 тыс. в системе Минобороны (после завершения перехода вооружённых сил на профессиональную основу). Среди первых доля штатных чиновников составляла 88,1%. Вольнонаёмных в армии было всего 8,1%. На штатной госслужбе в узком понимании состояли тогда 400 тыс. человек, в том числе в административных структурах 131,3 тыс.[1]

На службе в территориальных органах местного самоуправления – региональных, генеральных (департаментских), мэриях насчитывалось 1,5 млн чиновников, включая 286,9 тыс. – в коммунальных хозяйственных службах.

Подготовка кадров

Общий статут госслужбы, принятый в 1946 году, закрепил принцип приёма на неё путём конкурса, практиковавшийся ещё со времён Великой французской революции (ст. 6 Декларации прав человека и гражданина). В конкурсе на за-

[1] Documents d'études, № 2.01, édition 2002. La Documentation française, Paris, 2002. P. 8. Фактически во всей системе государственного народного образования – начальных, средних (колледжи, лицеи) школах и университетах работало свыше 500 тыс. человек, зарплата которых проводится по особой бюджетной строке. По численности и объёму расходов (8% ВВП) Министерство народного образования занимает первое место в госаппарате Франции, далеко опережая МВД и Минобороны.

мещение административных должностей имеют право участвовать граждане Французской республики обоего пола, достигшие совершеннолетия и не лишённые по суду гражданских прав. Дискриминация по национальному признаку, политическим, профсоюзным, религиозным мотивам запрещена законом.

Вместе с тем к конкурсу на занятие определённых должностей допускаются только лица, пригодные по состоянию здоровья, обладающие требуемой профессиональной подготовкой, не имеющие судимости и не преследуемые по закону. Граждане стран Евросоюза также могут участвовать в конкурсах (ст. 48 Римского договора 1957 года о создании ЕС), но не на все должности – некоторые сферы деятельности (юстиция, полиция, дипломатия, народное образование и др.) доступны лишь для граждан Франции.

Конкурсное жюри, состоящее из чиновников соответствующего ведомства, отбирает кандидатов по порядку из списка в соответствии с требованиями и с учётом числа вакантных мест. Решения жюри могут быть опротестованы в административном суде. Вместе с тем около 700 высших должностей – префекты, послы, директора управлений министерств и национализированных предприятий – назначаются президентом Республики в Совете министров.

Для принятия заявлений на участие в конкурсе от кандидатов требуются дипломы об образовании, уровень которых зависит от искомой должности. Для техсостава категории D достаточно среднего образования: диплом бакалавра, который получают сейчас до 80% выпускников коллежей и лицеев ("бак"), плюс двух- или трёхгодичные курсы по специальности. Претендентам на категорию C необходим уже диплом о высшем образовании соответствующего профиля. Наконец, для допуска в категории B и A требуются дипломы элитных учебных заведений – это, как правило, юридические и экономические факультеты университетов, Политехнической, Высшей нормальной (педагогической) школ, парижского Института политических наук, а главное – Национальной школы администрации (ЭНА).

Созданная в 1945 году на базе прежней Вольной школы политических наук ЭНА стала главным питомником французской административной элиты. Для допуска к вступительным конкурсным экзаменам кандидаты должны располагать дипломом о высшем образовании и иметь стаж работы в госаппарате. Обучение длится два года плюс год стажировки в той или иной административной системе – префектуре, министерстве, посольстве и т. д.[1] Ввиду конституционного принципа разделения властей судебная система, включая прокуратуру, входящую во Франции в структуру Министерства юстиции, имеет собственный аналог ЭНА – Высшую школу магистратуры.

Французские вооружённые силы формируют, как во всех странах, офицерские кадры через систему военных училищ, имеющих статус высшей школы, –

[1] В рамках процесса административной децентрализации ЭНА была переведена из Парижа в Страсбург, где находится к тому же ряд органов Совета Европы и ЕС.

Сен-Сирское, Сомюрское, Сен-Мексанское, Коэткиданское, а также Военную школу, соответствующую Академии Генштаба.

С тем чтобы создать у чиновничества стимулы для повышения квалификации и избежать его превращения в замкнутую, оторванную от массы граждан касту, французские законодатели включили в последние редакции Общего статута госслужбы обязательство администрации обеспечить в каждом ведомстве возможности для непрерывного обучения[1]. Это предусматривает прохождение служащими краткосрочных курсов, окончание которых облегчает продвижение по службе, в том числе через конкурсную систему.

Контрольные, дисциплинарные и арбитражные инстанции

Одной из оригинальных черт французской административной системы является наличие в ней особых органов контроля и разрешения конфликтов между представителями госаппарата и гражданами, между чиновниками и их начальниками, наконец, между отдельными ведомствами.

Главным из них является Государственный совет, сочетающий две основные функции – юрисконсульта правительства и высшей инстанции системы административных судов.

В первом качестве Госсовет даёт заключения на предмет соответствия существующему законодательству подзаконных нормативных актов всех уровней – постановлений правительства, приказов, инструкций, регламентов министерств, ведомств, органов местного самоуправления. Соответствие самих новых законов, принятых парламентом, действующей Конституции контролирует особый Конституционный совет (суд). Он состоит из девяти членов, назначенных на девять лет равными долями (по три) президентом и председателями обеих палат парламента – Национального собрания и Сената.

Если решения Конституционного совета окончательны и обжалованию не подлежат, то заключения Госсовета считаются факультативными (хотя по ряду подзаконных текстов консультация с ним обязательна). Однако правительство обычно избегает игнорировать мнение Госсовета, поскольку это чревато отрицательными последствиями не только в глазах общественности, но и в оперативном плане, ибо в случае жалоб граждан на соответствующие тексты административные суды могут принять их сторону.

В качестве высшей инстанции административной юстиции Госсовет и подчинённые ему региональные административные суды разрешают конфликты между ведомствами, между ними и их чиновниками, а главное – между учреждениями и гражданами.

Подобная система резко критикуется в англо-саксонских странах, юристы которых считают, что сам принцип особой административной юстиции является порочным, ибо государство выступает в ней одновременно арбитром и одной из сторон в спорах (в США или Великобритании такие споры решают суды об-

[1] Рамочный закон от 29 июня 1989 года.

щей юрисдикции). Их французские коллеги не принимают эту критику, рассматривая административную юстицию как необходимую гарантию против нарушений правил нормального функционирования государственного аппарата.

Госсовет разбит на секции, главной из которых является конфликтная. Их сотрудники имеют особую табель о рангах – от референта до госсоветника, причём они присваиваются пожизненно вне зависимости от того, продолжает ли чиновник служить в Совете до пенсии или переходит в другое ведомство.

Вторым по значению контрольно-арбитражным органом высокого уровня является Счётная палата. Её задача – проверка соответствия госбюджету ("финансовому закону"), принятому парламентом, расходования средств всеми госучреждениями, независимо от ведомственного подчинения, а также смешанными структурами, использующими даже частично бюджетное финансирование, путём выборочного изучения их годовой бухгалтерской отчётности. По итогам рассмотрения составляется публикуемый отчёт, где указываются нарушения и даются рекомендации насчёт более рационального использования бюджетных средств в будущем. Счётная палата, как и Госсовет, также имеет собственную табель о рангах (референты, аудиторы, советники-аудиторы и т. д.).

Наконец, третьим, причём фактически самым влиятельным органом административно-финансового контроля является Генеральная инспекция финансов. Не имея, в отличие от предыдущих, особого правового статуса, она формально является одним из управлений министерства экономики и финансов. Её задача – повседневный оперативный контроль за расходованием бюджетных средств, осуществляемый передвижными бригадами инспекторов, которые направляются не только в центральные аппараты министерств, но и в их местные учреждения или предприятия госсектора. Высшим рангом в её иерархии является пожизненное звание генерального инспектора финансов.

В законодательных текстах и юридической литературе к "большим государственным корпусам" причисляют и корпус префектов, поскольку префекты не только осуществляют административные функции сами, как чиновники МВД, но и координируют деятельность местных представительств остальных центральных ведомств, кроме министерств финансов и обороны.

Роль "больших государственных корпусов" во французском госаппарате отнюдь не исчерпывается их собственными функциями. Основой особого положения этих структур является то, что принадлежащие к ним чиновники поставляют основной контингент сотрудников Елисейского дворца, Отеля Матиньон, кабинетов (секретариатов) министров и председателей палат парламента. Благодаря своему опыту они лучше кого бы то ни было знают тонкости функционирования административной машины и могут обеспечить политическому руководству квалифицированную помощь по любым конкретным вопросам, тем более что при смене министров, премьера или президента они не опасаются за будущее, имея законное право вернуться в свой "корпус" без потери стажа и выслуги лет, а зачастую даже со значительным повышением.

Госсоветники, аудиторы Счётной палаты, но особенно инспекторы финансов оказываются основным связующим звеном между администрацией, политикой и деловым миром. Многие депутаты, сенаторы, большинство министров являются выходцами из "больших государственных корпусов", дав Пятой республике три президента из пяти: Ж. Помпиду был госсоветником, В. Жискар д'Эстен и Ж. Ширак – инспекторами финансов.

Эта тенденция явно нарушает принцип политической нейтральности госслужбы, приводя не только к бюрократизации партий, но и к обратному эффекту – политизации части чиновничества.

В Пятой республике процесс политизации верхушки кадрового чиновничества усилился, охватив основные звенья госаппарата: партбилет правящей "партии власти" или близость к её лидерам в кабинетах (секретариатах) министров, премьера, президента нередко открывает шансы для успешного продвижения по службе или начала собственной политической карьеры.

Наряду с политикой чиновники "больших государственных корпусов", в первую очередь инспекторы финансов, имеют возможность перейти в частный сектор, где занимают посты консультантов и топ-менеджеров, вплоть до уровня президентов – генеральных директоров ведущих компаний. Такой переход, именуемый "надеванием домашних туфель" (pantouflage) приносит бывшим чиновникам несравненно более высокие оклады, а иногда и участие в капитале (stock-options). Разрыв в окладах чиновников низшего и высшего уровней не превышает 4–5 раз (от 2,5 до 10–12 тыс. евро в месяц), тогда как в частном секторе доходы генеральных директоров компаний могут достигать 100–200 тыс. евро (1,5–2 млн евро в год).

Со своей стороны, бизнес-структуры используют не только высокую компетентность инспекторов финансов и доскональное знание ими госаппарата изнутри, но и их широкие личные связи (carnets d'adresses) с товарищами по ЭНА и бывшими коллегами, оставшимися на госслужбе, для лоббирования выгодных проектов, получения государственных заказов, налоговых льгот, поддержки на внешних рынках и т. д.

Практика "надевания домашних туфель" нередко вызывает обвинения заинтересованных лиц в нарушении правил деонтологии – этического кодекса поведения чиновников, а иногда даже в коррупции, когда речь идёт о взаимных услугах бывших и действующих чиновников из одних и тех же ведомств. Сам факт использования в корыстных целях, например для биржевых спекуляций, сведений, представляющих служебную тайну (délit d'initié), карается законом в уголовном порядке.

Тем не менее высшее французское чиновничество (les grands commis de l'Etat) высоко ценит свой привилегированный социальный статус и является гораздо менее коррумпированным, нежели низовое, особенно служащие "территориальных" звеньев – органов местного самоуправления. Последние нередко служат посредниками между бизнесом и политиками при распределении зе-

мельных участков под строительство, заказов на коммунальные услуги и прочее.

Громкие скандалы, связанные с незаконным финансированием "дружественными" мэриями касс политических партий или устройством на фиктивные должности партийных функционеров, привели к принятию ряда законов, регулирующих отношения между госаппаратом, партиями и бизнесом. Ст. 25 закона от 13 июля 1983 года гласит: "Чиновники не имеют права ни прямо, ни через подставных лиц получать долю в предприятии, контролируемом администрацией, к которой они принадлежат, или находиться в отношениях с ним, способных затронуть их независимость". Эти деяния подпадают под статью 432-12 Уголовного кодекса, грозящую нарушителям пятью годами тюремного заключения и крупным денежным штрафом. Чиновник может приобрести собственность на часть такого предприятия лишь через 5 лет после ухода со службы. Такое же наказание полагается за взяточничество или казнокрадство.

Права, обязанности и социальные гарантии госслужащих

В условиях, когда на государство во Франции трудится почти четверть самодеятельного населения, госслужащие являются одной из наиболее сильных, организованных и влиятельных "групп давления", способной эффективно отстаивать свои интересы перед общим работодателем – государством.

Хотя уровень зарплаты частного сектора в среднем выше, чем публичного, зато последний предоставляет своим работникам ряд важных социальных гарантий и льгот. Главная из них – фактически пожизненная занятость: даже в случае упразднения тех или иных должностей, ликвидации учреждений и национализированных предприятий их персонал не просто увольняется по сокращению штатов, а получает обязательные компенсации в виде выходных пособий и переподготовки на курсах для продолжения карьеры на новом месте либо право досрочного выхода на пенсию.

Чиновник, прекращающий по тем или иным причинам прежнюю служебную деятельность до достижения пенсионного возраста, может по его выбору быть временно откомандирован (например, в секретариат министра), выведен за штат, получить более или менее длительный отпуск без содержания с возможностью возврата на службу с сохранением стажа.

Само пенсионное обеспечение у чиновников различных ведомств сочетает общий режим соцобеспечения, предоставляемый всем лицам наёмного труда, с множеством особых льготных режимов для военнослужащих, дипломатов, учителей, железнодорожников и т. д.: например, до реформы 2003 года машинисты локомотивов имели право выхода на пенсию не в 60, как все остальные категории пенсионеров, а в 50 лет. Эта реформа, проведённая правительством Ж.-П. Раффарена, подтянула не только пенсионный возраст, но и обязательный трудовой стаж для чиновников (47,5 лет) к общенациональному (50 лет).

Другими важными преимуществами чиновников госслужбы являются гарантии служебного продвижения по степеням, рангам, категориям на основе

выслуги лет, защита государством от угроз насилия, нападок СМИ и судебных преследований, возбуждённых частными лицами за действия, совершённые в рамках исполнения служебных обязанностей.

В свою очередь, чиновники обязаны неукоснительно исполнять указания вышестоящих инстанций, не совмещать свою служебную карьеру с какой-либо иной оплачиваемой профессиональной деятельностью, в том числе в частном секторе, соблюдать беспристрастие к любым категориям граждан, придерживаться конституционного принципа отделения церкви от государства, строго хранить служебную и государственную тайну, избегать публичных заявлений политического характера.

За нарушение этих обязательств, недобросовестное исполнение своих обязанностей или допущенные профессиональные ошибки в работе госслужащие могут быть подвергнуты дисциплинарным взысканиям вплоть до снятия с работы (révocation) и увольнения. Констатация этих нарушений и выбор взыскания определяются в административном порядке и могут повлечь за собой даже отстранение от прежних обязанностей и увольнение со службы (закон от 13 июля 1983 г.).

Баланс между правами и обязанностями госслужащих обеспечивается прежде всего возможностью обращения по всем спорным вопросам в административные суды различных инстанций, включая высшую – Госсовет.

Кроме того, для защиты своих интересов чиновники (кроме военнослужащих) имеют конституционное право объединяться в профсоюзы, которые защищают их интересы через представителей в паритетных административных комиссиях вплоть до Высшего совета госслужбы, а для судейско-прокурорских работников – Высшего совета магистратуры. Если спорный вопрос, касающийся повышения зарплаты, карьеры чиновников, конфликтов при исполнении ими служебных обязанностей внутри учреждения или ведомства, не может быть решён компромиссом, госслужащие (кроме военных) имеют право на забастовку на общих основаниях с предварительным уведомлением администрации.

Тем не менее для некоторых категорий служащих это право ограничено необходимостью поддержания порядка, безопасности и нормального функционирования общественных служб. Если оно оказывается под угрозой, то власти могут прибегать к реквизиции, то есть принудительной мобилизации или замене бастующих военными.

Норма синдикализации, или удельный вес членов профсоюзов в общей численности лиц наёмного труда в самодеятельном населении Франции, не превышает 9%. Это гораздо ниже, чем в любой другой стране Евросоюза (в скандинавских странах эта норма достигает 85–90%). Тем не менее во французском публичном секторе – в госучреждениях, системах народного образования, здравоохранения и на национализированных предприятиях – в энергетике, связи, на транспорте – норма синдикализации заметно более высока, чем в частном. К началу XXI века в выборах членов паритетных административных комиссий

участвовали 74,4% из 2 млн госслужащих центральных ведомств, 69,5% – территориальных органов и 61,3% – в государственном здравоохранении.

На фоне традиционного для Франции профсоюзного плюрализма голоса распределились несколько иначе, чем по стране в целом. Самый крупный национальный профцентр – Всеобщая конфедерация труда (ВКТ), тесно связанная с компартией, получила среди госчиновников только 10,9%, близкая к социалистам Французская демократическая конфедерация трудящихся (ФДКТ) – тоже 10%, отколовшаяся от ВКТ "Форс увриер" – 9,6%, тогда как автономные профсоюзы учителей и других категорий служащих – в общей сложности 24,7%[1]. Таким образом, госслужащие ощущают себя особой категорией, чьи интересы не всегда совпадают с интересами остальных рабочих и служащих частного сектора, не имеющего предоставленных чиновникам дополнительных социальных гарантий.

Дело ещё и в том, что госслужащие, в отличие от них, могут бастовать, не опасаясь угрозы потери работы. Поэтому в их требованиях основное место занимают не сохранение рабочих мест, а повышение зарплаты. Более того, сам характер деятельности госсектора таков, что прекращение им работы парализует экономику страны в целом, оказываясь более эффективным и менее рискованным для участников: как правило, они даже продолжают получать зарплату за дни забастовки.

Естественно, что правительство оказывается более уязвимым для давления профсоюзов госслужащих, чем предприниматели (патронат). Стремясь не доводить дела до прямой пробы сил, правящие круги в лице министра по делам госслужбы и административной реформы предпочитают упреждать стачки регулярным повышением зарплаты чиновникам (с учётом роста цен) в итоге переговоров. В частном секторе такое автоматическое индексирование распространяется только на минимальную зарплату.

* * *

В целом, функционирование госаппарата во Франции представляет для современной России двоякий интерес. С одной стороны, оно является примером рациональной административной системы в стране, где исторически сильны традиции централизованной вертикально-иерархической администрации, играющей значительную роль в социально-экономической жизни. Вместе с тем сами эти традиции явно расходятся с объективными требованиями дебюрократизации, перехода к более гибкому сетевому управлению, диктуемыми логикой необходимой научно-технической модернизации в условиях открытия экономики и общества на глобализированный внешний мир.

---

[1] Documents d'études № 2.01, édition 2002. La Documentation française, Paris, 2002. P. 33.

Наталья АНИКЕЕВА

ИСПАНИЯ – ГОСУДАРСТВО АВТОНОМИЙ В ОБЪЕДИНЁННОЙ ЕВРОПЕ

Расширение Евросоюза объективно привело к изменению конфигурации объединения и его количественных характеристик. Население достигло почти полумиллиарда человек, резко увеличился совокупный ВВП, намного возросла суммарная военная мощь. Появилось основание рассматривать Союз как ещё один центр влияния в мире первостепенного значения, как сверхсильное сообщество государств с перспективой превращения в единое супергосударство. А между тем за повседневностью экономических, торговых, финансовых, таможенных, демографических, экологических и прочих дел просматривается феномен регионалистских, автономистских устремлений, который ставит под сомнение понятие "сообщество государств", предлагая взамен понятие "сообщество наций и регионов".

Подобные тенденции в европейских странах, как справедливо считают многие исследователи, являются реакцией национальных меньшинств на процессы европейской интеграции, глобализациии и на федерализацию Евросоюза.

Не последнюю роль в этих тенденциях играют этнорегиональные партии[1] как политические представители, которые озвучивают опасения нацменьшинств относительно возможной утраты своего языка и культурных традиций, боязнь раствориться в безликой "мировой среде" или единой общности супергосударства, что порождает стремление к обретению возможно более широких

[1] Между сепаратизмом и автономией. Региональные и этнические партии в европейской политике. Ответственный редактор В.Я. Швейцер. Институт Европы РАН. М.: "Огни ТД", 2006, 197 с.

© ***Аникеева Наталья Евгеньевна*** – кандидат исторических наук, доцент МГИМО (У) МИД России.

полномочий для повышения этнокультурного статуса. Тем самым объективно усиливаются позиции тех, кто поддерживает лозунг "Европы регионов".

Несомненно, что они связывают достижение этой цели с деволюционными преобразованиями, то есть с переходом от централизма к региональной автономии. Проблема деволюции[1], по мнению историка и политолога В.Я. Швейцера, останется в наступившем столетии наиважнейшей. Она приобретает в условиях складывающихся наднациональных структур качество реформ, призванных укрепить как континентальное, так и внутристрановое единство. Конечно, с учётом исторических особенностей трудно выработать некую годную для всех модель деволюции. Очевиден только главный принцип: повысить статус регионов без ущерба государственной целостности и европейскому единству. Следовательно, можно говорить, что деволюция, децентрализация – столбовая дорога в решении национальных противоречий между центром и регионами.

Показательны в этом смысле примеры Бельгии, Великобритании, Италии, Франции, Испании. В частности, в Бельгии, сочетающий в себе и смену парадигмы государственного устройства, и неравномерность экономического развития, которая питала национальные противоречия с конца XIX века (что связано с историей становления бельгийского государства), составляющие большинство населения Бельгии фламандцы в течение длительного времени рассматривали себя – и не без основания – в качестве национального меньшинства, ущемлённого в экономических и национальных правах[2]. Конец XX века принёс существенные перемены в жизнь бельгийского общества. В январе 1989 года произошло важное политическое событие: королевство Бельгия завершило переход от унитарного государства к федеративной форме правления, предоставившей административно-территориальным образованиям (в основу которых положен лингвистический принцип) широкие автономные полномочия. По мнению многих политиков, это стало такой же вехой в истории страны, как создание независимого государства в 1830 году. Главный вывод для всех участников однозначен: к унитарной форме правления не хочет возвращаться ни одна из национальных общин страны[3], для которых открылись перспективы найти своё место в политической жизни Европы.

Давление автономистских устремлений провинций стало тем рычагом, который в конце XX века открыл двери реформированию государственной системы Великобритании. Большую роль в достижении такого результата сыграло решение конституционных проблем[4] в отношениях с Ирландией. Ирландская

---

[1] Там же. С. 196.

[2] Намазова А.С. Современная Бельгия на пути от унитаризма к федерализму. // Опыт европейского федерализма. История и современность. М., 2002. С. 201.

[3] Там же. С. 208–209.

[4] Полякова Е.Ю. Федерализм в Великобритании: идеи и реальность.// Опыт европейского федерализма. История и современность. М., 2002. С. 63, 67, 68.

проблема начала доминировать на британской политической сцене на рубеже XIX–XX веков и подталкивала британскую политическую мысль к поиску решений. После раздела страны по договору 1921 года в течение 50 лет XX века в Северной Ирландии (так стали называть эту часть Ольстера) существовал парламент с ограниченными полномочиями, делегированными Вестминстером. Последний признавался в качестве верховной власти, и Северная Ирландия имела там представительство.

Эта линия имела продолжение в современных событиях, связанных с выборами в законодательные собрания Северной Ирландии, Шотландии и Уэльса. В Северной Ирландии и Шотландии уже действуют национальные парламенты, обладающие, хотя и ограниченными, законодательными инициативами, сформированы местные правительства. При этом Вестминстер, в котором сохраняется представительство от провинций, обладает верховной властью и контролирует вопросы обороны, внешней политики, макроэкономики, налогообложения и социального обеспечения. Большим достижением реформирования государственной системы Великобритании стало то, что оно осуществилось в форме деволюции, позволившей избежать сепаратистских решений.

В русле упомянутых тенденций с серьёзным вызовом своему единству и территориальной целостности в 1990–2000-х годах столкнулась Италия. И хотя проблема вооружённого сепаратизма перед Италией не стоит, на политической арене этот вызов нашёл отражение в деятельности "Лиги Севера". В 1980–90-х годах идеологами северного сепаратизма и автономизма из "Лиги Севера" Дж. Мильо и У. Босо на щит были подняты идеи федерализма К. Каттанео[1]. От них исходит также призыв к критическому перепрочтению истории Рисорджименто (нац. освободительного движения) в духе антицентралистской риторики К. Каттанео и Д. Феррари.

Важнейшей причиной сепаратизма в Италии, дающей пищу политикам для своих выступлений, является углубляющаяся внутренняя неоднородность развития страны, способствующая всё большей её регионализации. Политическим итогом данного процесса стала масштабная конституционная реформа, создавшая условия для децентрализации власти и активного выхода итальянских регионов на мировую, прежде всего европейскую, арену[2].

И, наконец, Франция, нередко выступающая с критикой того, как решаются проблемы прав национальных меньшинств в других странах, сама имеет многолетний опыт противостояния сепаратизму, терроризму и экстремизму на своей

---

[1] Каттанео Карло (1801–1869) – итальянский революционный демократ, один из руководителей республиканского крыла Рисорджименто. Джузеппе Феррари (1811–1876) – итальянский революционный демократ, участник Рисорджименто.

[2] Барабанов О.Н. Эволюция регионов Италии как акторов мировой политики.//Полис. Мировая политика. № 4. 2005. Иванов И.Д. Европа регионов. М., 1998. С. 20.

территории и прежде всего на Корсике[1]. Уже более тридцати лет ей удаётся удерживать ситуацию там в рамках относительного спокойствия, но она ещё далека от полной нормализации. Законодательное предоставление Корсике в 1982 году статуса "особой административной единицы" и расширение её автономных прав в 2004 году не вполне удовлетворило местных политиков. Корсиканские сепаратисты заявили, что намерены продолжать и дальше бороться против "французского колониального государства". Однако надо отдать должное и французскому правительству, которое твёрдо в своей позиции "единой и неделимой республики" (давая жёсткий отпор вооружённым действиям сепаратистов), но готово путём переговоров к дальнейшему расширению полномочий местного самоуправления.

В целом реформы (и неоднократные) в направлении децентрализации имели место во многих европейских странах, в ходе которых укреплялось именно региональное звено[2]. Наибольшего же (на сегодня) результата в решении сложных национальных вопросов вплоть до создания государства автономий достигла Испания, ситуацию в которой мы рассмотрим более подробно. Тем более нельзя исключить, что её опыт может быть востребован в Евросоюзе в целом.

Не сепаратизм, а автономия

Испания пришла к "государству автономий" далеко не простым, противоречивым путем. Потенциальный первый камень в стремление регионов страны к автономии был заложен, по сути, ещё тогда, когда осуществлялась централизация испанского государства, которая носила чаще всего насильственный, а отнюдь не мирный характер.

Начало формирования Испании как единого централизованного государства и нации относится к 1479 году. Тогда в ходе реконкисты (обратное отвоевание земель у арабов) произошло объединение двух феодальных королевств – Кастилии и Арагона. Позднее к ним были присоединены Астурия, Галисия и Наварра, которые ещё в XVI веке осуществляли свою собственную внешнюю политику.

Процесс присоединения баскских земель носил длительный характер (XII–XV вв.) и имел свои особенности. Во многом этому способствовал такой фактор, как капиталистическое развитие Испании и формирование общеиспанского рынка. Политика официального Мадрида отвечала интересам региональной буржуазии Страны Басков. Защищая эти интересы не только на внутреннем ис-

---

[1] Напомним, что фактически Корсика стала принадлежать Франции с конца XVIII века. http://www.ng.ru/world/2000-09-01. Пескова Л.В. Сепаратизм по-корсикански. С. 97–112.//Между сепаратизмом и автономией. Региональные и этнические партии в европейской политике. Институт Европы РАН. М.: "Огни ТД". 2006.

[2] На местном уровне более чем в 300 регионах, на которые административно подразделяются европейские страны, на них уже приходится основная часть властных полномочий. // Иванов И.Д. Европа регионов. М. 1998. С. 3.

панском, но и на латиноамериканском рынках, она естественно вела к сближению провинций Страны Басков с остальной Испанией.

Позитивным фактором автономного развития Страны Басков (как и ряда других провинций страны) в течение длительного времени после образования испанского государства было то, что это развитие опиралось на достаточно гибкую национальную политику королевских властей, которые понимали и принимали различия провинций. Так, в течение трёх с лишним столетий существования в составе испанского государства баски обладали наиболее широкими правами. У них была своя валюта, свой парламент и даже вооружённые силы. Однако утрата этой гибкости при короле Альфонсе XII привела в 1876 году к отмене автономии басков. Такое положение сохранялось до периода образования второй республики (1931–1939 гг.), когда их права были восстановлены.

В начале XVII века автономии добилась ещё одна историческая область – Каталония. Правда, в XVIII веке она лишилась автономного статуса, который вернула лишь после свержения монархии.

Отнятая автономия стала отправной точкой для усиления националистической идеологии прежде всего в исторических провинциях. Но если в Каталонии регионалистское движение приняло, в частности, форму борьбы за возрождение каталонского языка и каталонской литературы, то в Стране Басков пробудились дремавшие до поры до времени, в условиях баланса взаимопонимания с Центром, сепаратистские настроения. Националистическая идеология с самого начала приобрела здесь воинствующий, агрессивный, клерикальный характер, её чертами стали реакционность, тенденция к изоляционизму. Столь характерные свойства объясняются историей баскского общества – сама природа горных труднодоступных районов на северо-востоке Испании создала идеальные условия для формирования замкнутой по своей сути баскской общины, издавна защищала баскский народ от чужеземного влияния. Потеря самостоятельности плюс огромный по численности приток иммигрантов (чужаков, по представлениям басков) из других провинций страны, в основном из центральной Испании, для работы на железорудных шахтах Бискайи по существу довели до националистического взрыва в баскском обществе[1]. Отсюда попытки свободолюбивых басков вернуть себе полную самостоятельность, предпринятые ими ещё в конце XIX века.

Франкизм – катализатор автономистских устремлений

Многие испанские государственные и политические деятели XX века видели в движениях регионов не просто борьбу за автономию, но угрозу сепаратизма. И несомненно, что эти движения явились одной из причин установления в Испании XX века военно-монархической диктатуры Примо де Ривера, а затем

[1] "Испания. Окно в мир". Бизнес-пресс, 1996 г. С. 309.

диктаторского режима генерала Франко (1939–1975 гг.). Идея диктатора – "одна большая и свободная Испания", ради которой он постарался нивелировать все региональные различия[1]. В период франкистской диктатуры государственное устройство было предельно централизованным. Можно согласиться с мнением известного отечественного испаниста С.П. Пожарской о том, что режим Франко унаследовал худшие черты испанского авторитаризма, в частности тенденцию к крайней централизации всей политической и экономической жизни. Однако ни одному монарху прошлого никогда не удавалось так жёстко осуществить принцип централизации, как это произошло во франкистской Испании. Это проявилось не только в том, что было упразднено разделение властей и вся верховная власть была узурпирована Франко, но и в том, что искоренялся так называемый "сепаратизм"[2], что прежде всего имеет отношение к баскам.

Антифранкистская борьба баскских националистов стала постоянным явлением из-за чрезвычайно суровых репрессий в отношении баскских провинций. Более того, сопротивление франкистскому режиму привело националистов к созданию в 1959 году вооружённой сепаратистской организации (ЭТА), которую поддержала даже часть баскского духовенства, возглавлявшего порою всеобщие забастовки и другие массовые акции протеста.

Потенциально опасным для испанского общества в деятельности этой организации был метод борьбы – вооружённый террор. И если в противостоянии собственно франкистам этот метод мог находить у кого-то какое-то оправдание, как, например, при устранении адмирала Луиса Карерро Бланко, второго, после Франко, лица в государстве, то последующая волна покушений на "жизни врагов баскского народа" уже не очень различала, кто в действительности есть кто.

Уход с политической арены в 1975 году франкистского режима не прекратил, как ожидалось, проявления терроризма. Наоборот, падение диктатуры обусловило всплеск различных форм регионального и национального экстремизма. Не будет преувеличением сказать, что в постфранкистской Испании терроризм стал поистине общенациональной проблемой, поскольку затрагивал не просто безопасность граждан и государства, но и судьбы испанской демократии.

Тысячи испанцев пали жертвами от рук баскских террористов в их стремлении к неверно понятой самостоятельности Страны Басков. Десятки лет террора не принесли ЭТА ни малейшего успеха, но со всей очевидностью высветили единственно возможный путь урегулирования проблемы – путь политического диалога с центральной властью.

Движение за автономию поднялось не только в исторических регионах (Каталонии, Стране Басков, Галисии), но и во многих других областях страны,

---

[1] Иванов И.И. Европа регионов. М., 1998. С. 6.

[2] Пожарская С.П. Опыт европейского федерализма. История и современность. М., 2002. С. 214.

влившись в общий фронт оппозиции. Конфликт между центром и периферией стал одним из определяющих в истории франкистской диктатуры. Подъём автономистских настроений объяснялся не только этническими и культурно-историческими, но и сугубо политическими причинами. Мадрид представлялся символом авторитарной диктатуры с её сверхцентрализованной властью.

Конституционные основы государства автономий

Постфранкистское испанское государство в своей политике, с одной стороны, вело и ведёт настойчивую борьбу с терроризмом, справедливо полагая, что она должна строиться на необходимости усиления всех её составляющих (правовых, силовых, судебных, международных, информационно-пропагандистских), создания в обществе, включая Страну Басков, новой психологической атмосферы неприятия насилия[1].

С другой стороны, главным для него в решении сложных вопросов жизни страны, прежде всего национальных противоречий и различного рода автономистских устремлений, стало понимание необходимости нахождения баланса в распределении полномочий между центром и провинциями и, как следствие, предоставление им большей самостоятельности. Позиция государства относительно основ автономного устройства Испании нашла отражение в Конституции 1978 года. Её авторы исходили из неизбежности децентрализации власти как необходимой части процесса демократизации страны при безусловном сохранении единства Испании. В соответствии с Конституцией была образована новая административно-территориальная структура государства (закон от 14 октября 1983 г.), которая стала включать в себя автономные сообщества, провинции и муниципалитеты. Новые региональные объединения – автономии – превратились в ключевой элемент территориально-регионального устройства страны. В настоящее время в Испании существует 17 автономных сообществ[2]. Статья 2 конституции закрепила формулу "национальности и регионы", появившуюся в ходе обсуждения проекта основного закона и означавшую разрыв с франкистской концепцией испанской нации: "Конституция основана на нерушимом единстве испанской нации, единой неделимой для всех испанцев родины; она признаёт и гарантирует право на автономию для национальностей и регионов, её составляющих, а также солидарность между ними"[3]. В свою очередь, статья 143 предоставила право провинциям, имеющим территориальную, историческую, культурную и экономическую общность, получить самоуправление и образовать региональные, автономные объединения (сообщества). Таких авто-

---

[1] Данилевич И.В. Автономизация Испании. Полис. 1995., № 5. С. 121.
[2] Испания. Конституция и законодательные акты. М., 1982 г. С. 72.
[3] Constitucion Espanola. Madrid. 2005. P. 94.

номных сообществ, как уже сказано, было образовано семнадцать в соответствии с прежним делением страны на провинции и исторические области. Конституция провозгласила кастильский язык официальным языком испанского государства, учитывая при этом остальные языки, на которых говорят в Испании, в автономных сообществах в соответствии с их статутом (ст. 3)[1].

Во всех статутах автономий зафиксировано, что власть в них исходит от народа, иными словами, не предоставляется государством, что может рассматриваться как признак федеративной модели. Но Конституция специально оговаривает в статье 145, что "ни в коем случае не допускается создание федерации региональных автономных объединений"[2], а статья 2 не только признаёт, но и утверждает органическую связь унитарного государства и автономий[3]. Согласно Конституции, трём историческим регионам была предоставлена широкая автономия. В них начали действовать собственные парламент, правительство и верховный суд.

Важным средством контроля центра над автономными сообществами является закреплённая в основном законе компетенция конституционного суда, который полномочен рассматривать законодательство автономий с точки зрения его соответствия основному закону. Суд распространяет свою юрисдикцию на конфликты, касающиеся полномочий центра и автономных сообществ (ст. 153 Конституции). Данный механизм действует как ограничитель завышенных амбиций региональных правительств и проявлений сепаратизма[4].

Сохраняющиеся противоречия

Масштабные конституционные решения, касающиеся автономизации страны, несомненно изменили политическую атмосферу в Испании в лучшую сторону, хотя это не означает, что они устранили все болевые точки в отношениях периферии с центром. В последнее время всё большее беспокойство центральным властям доставляют требования Валенсии, Балеарских и Канарских островов о повышении статуса их автономии. Валенсия и Балеарские острова подкрепляют эти требования, в частности, тем, что их население пользуется своим языком (по лингвистической классификации – диалектами каталонского)[5].

---

[1] "Испания и Португалия. Из истории европейского парламентаризма". М., 1996 г. С. 129.
[2] Испания. Конституция и законодательные акты, С. 77–90.
[3] Пожарская С.П. Опыт европейского федерализма. История и современность. М., 2002. С. 214.
[4] Constitucion Espanola. Estatuto de autonomia para Andalucia. Reglamento del parlamento de Andalucia. Sevilla, 1992. P. 16.
[5] Испания: траектория модернизации на исходе XX века. Под редакцией Давыдова В.М., М., 2006. С. 72.

Однако наиболее упорную (не в лучшем смысле) позицию занимает Страна Басков, власти которой не удовлетворены предоставленной ей автономией. В 2005 году глава правительства Страны Басков Х.Х. Ибарретче выступил с планом, предусматривающим превращение баскской автономии в "свободно присоединившееся к Испании государство"[1]. Этот план был поддержан парламентом автономии. Однако понимания в Мадриде он не нашёл. Голосованием в нижней палате испанского парламента – конгрессе депутатов – план об изменении статуса Страны Басков был отвергнут подавляющим числом голосов. В марте 2006 года появилось заявление ЭТА, в котором отмечалось намерение прекратить вооружённое сопротивление. Объявляя о "бессрочном отказе от насилия", ЭТА направила соответствующее сообщение во все крупнейшие испанские средства массовой информации. В нем обращалось внимание, что целью перемирия является продвижение демократического процесса в Стране Басков, но, к сожалению, создание новой системы отношений с испанским правительством увязывалось с прежним стремлением к признанию права баскского народа на самоопределение[2].

Дальнейшее развитие событий пока трудно прогнозировать. Тем более что из-за теракта[3], совершённого в аэропорту Мадрида группировкой ЭТА, премьер-министр Сапатеро заявил, что мирный процесс в Стране Басков прерывается. Трудно сказать, насколько категоричным является это заявление испанского премьер-министра. Однако можно с уверенностью констатировать, что как бы ни стали развиваться события дальше, Сапатеро в решении национальных вопросов будет исходить из того, что стремление к большей независимости испанских автономных областей, в частности Страны Басков, должно быть согласовано с общенациональными интересами Испании. Кроме того, большинство испанцев выступает за сохранение этой автономии в составе Испании[4].

В то же время парламент Испании поддержал тенденцию к разумному расширению полномочий применительно к другому региону страны – Каталонии, одобрив законопроект о предоставлении ей так называемой "широкой автономии". Инициаторами голосования в парламенте выступили правящие социалисты во главе с премьер-министром Сапатеро. Документ прошёл благодаря их поддержке. Отныне 50% собираемых в Каталонии налогов остаётся в регионе. Каталонское правительство получило также больше полномочий в вопросах юстиции и иммиграционного законодательства[5].

---

[1] ABC. 23.02.05.
[2] www.euronews.net . 23.03.2006.
[3] www.rian.ru . 30.12.2006.
[4] Cambio-16. 9.11.2006.
[5] www.ng.ru. 20.06.06

Противники изменения статуса Каталонии во главе с оппозиционной Народной партией считают, что предоставление ей более широкой автономии создаст прецедент, которым воспользуются и все остальные автономные области Испании. Они обвинили премьер-министра Сапатеро в "балканизации Испании", а новый закон назвали "бомбой замедленного действия", призванной разъединить испанский народ.

Документ о новом статусе Каталонии стал причиной раскола среди основных политических сил Испании. Однако премьер Сапатеро полагает, что децентрализация является ключевым шагом на пути модернизации страны и не угрожает территориальной целостности испанского государства. Кроме того, сторонники нового статуса Каталонии считают, что расширение прав автономии предоставляет сепаратистской группировке ЭТА реальную политическую альтернативу и может ускорить мирный процесс в Стране Басков.

Участие автономий в деятельности ЕС

Устанавливая автономный характер государственного устройства, Конституция имела целью не только предоставить определённую долю самостоятельности территориальным общностям, но и создать такую систему взаимоотношений, которая отвечала бы требованиям современного цивилизованного этапа, учитывала бы как потребности к самоопределению на местах, так и задачу модернизации испанской экономики, её "вхождения" в быстро интегрирующуюся Европу[1].

Как известно, 1 января 1986 года Испания вступила в Европейский Союз, после чего получила законную возможность открывать свои представительства в Брюсселе. По мере интеграции Испании в ЕС и делегирования ему значительной части суверенитета, все более актуальной становилась тема расширения участия автономных сообществ в коммунитарной политике страны.

В целях восполнения юридических пробелов в этой области и закрепления внутренней процедуры участия автономного сообщества в процессе европейского строительства был принят ряд законодательных актов. В составе постоянного представительства Испании при ЕС действует Совет по вопросам автономий. Тем не менее автономии, не удовлетворяясь сравнительно низким профилем своего представительства при ЕС, с момента вступления Испании в Евросоюз приступили к открытию в Брюсселе явочным порядком своих офисов, действующих на постоянной основе. Инициаторами создания этих организаций в Брюсселе в своё время стали Страна Басков, Канарские острова, Каталония, за ними последовали остальные регионы.

Их действия стали предметом разбирательства в конституционном суде Испании, в частности, в результате возникшего в 1998 году конфликта в связи с

[1] Данилевич И.В. Автономизация Испании.//Полис. – 1995., № 5. С. 121.

декретом правительства Страны Басков о создании департамента по делам правительства, юстиции и автономного развития, предусматривавшим открытие баскского офиса интересов при ЕС. Тогда Конституционный суд Испании поддержал решение баскского правительства, указав, что "для надлежащего исполнения своих полномочий автономное сообщество вправе осуществлять определённые виды деятельности не только на своей территории, но и за пределами национальных границ Испании". Тем не менее Суд определил, что такая внешнеполитическая деятельность автономий имеет ограничения, так как она не должна идти в ущерб статусу государства как полноправному субъекту международных отношений[1]. С тех пор все 17 испанских автономий имеют право на открытие своих "посольств" в бельгийской столице, 11 из них воспользовались таким правом.

Примечательно, что персонал миссий автономий вдвое превышает численность испанского представительства при ЕС. Постоянные представительства автономий в Брюсселе собирают информацию, осуществляют постоянный контакт с органами Евросоюза, а также способствуют защите и продвижению экономических и культурных интересов испанских регионов[2].

Пока сфера их "международных отношений" ограничивается исключительно институтами Европейского сообщества. Появившиеся было претензии Каталонии на создание своих представительств за рубежом, кроме ЕС, были отклонены, как противоречащие Конституции.

Центральное правительство, соглашаясь на такой формат подключения регионов, в то же время решительно отвергает их претензии на участие в составе официальной испанской делегации на постоянной основе в заседаниях Совмина ЕС даже в тех случаях, когда на них обсуждаются вопросы, относящиеся к исключительной компетенции автономий. При этом центральное правительство мотивирует свою позицию тем, что положение об "исключительных компетенциях" автономий не прописано в испанской Конституции[3].

Реалии сегодняшнего дня, новое место Испании в современном мире, активное включение в европейский интеграционный процесс создают не существовавшие ранее предпосылки для консенсусных решений по национальному вопросу и соответствующего сочленения интересов центра и регионов. Если раньше пребывание страны на окраине западного мира стимулировало регионалистские и даже сепаратистские настроения местных элит, а в определённых

---

[1] Вачнадзе Г.Н. Западная Европа и Россия. Экономические связи в 2000 году. М., 2001. С. 285.

[2] Солнцев А.С. Компетенция автономных областей Испании в осуществлении внешнеполитической деятельности. Опыт европейского федерализма. История и современность. М., 2002. С. 219–232.

[3] Там же. С. 230.

ситуациях и социальных масс, то теперь интеграция в ЕС позволяет всё больше удовлетворять их интересы не только на общенациональном, но и на европейском уровне[1].

* * *

Свою жизнеспособность демократический процесс в Испании доказал убедительно. Нет сомнения, считает С.М. Хенкин, что испанский вариант регионального государства в форме государства автономий будет развиваться и дальше, вне сомнения также и то, что это будет происходить параллельно процессам развития европейского федерализма[2]. Более того, богатый опыт Испании представляет интерес для членов Европейского Союза, и именно потому, что она решает триединую задачу: демократизации политического устройства (через различную степень автономизации), противодействия сепаратизму и устранения условий для его существования и возникновения и, наконец, в результате всех этих шагов, сохранения целостности испанского государства. А это, безусловно, важно для стран ЕС, где национальные противоречия при столь большом количестве национальных меньшинств далеко ещё не разрешены. Поэтому ЕС готов внести свой вклад в дальнейшее позитивное развитие ситуации в Испании. Об этом свидетельствует решение, которое вынес Европарламент в октябре 2006 года, – обсудить мирный процесс в Стране Басков после объявления организацией ЭТА о бессрочном прекращении огня[3].

Пример Испании в плане расширения полномочий автономий интересен ещё и тем, что на международном уровне потенциально может стать вестником изменений политической конфигурации объединённой Европы в соответствии с последними тенденциями[4] развития Евросоюза, в ходе которого постепенный переход от нынешней формы объединения к сообществу наций, к "Европе регионов" представляется не таким уж невероятным.

---

[1] Испания: траектория модернизации на исходе XX века. Под редакцией Давыдова В.М., М., 2006. С. 73.

[2] См. подробнее Латинская Америка. № 12. 2006.

[3] www.euronews.ru . 23.10.2006.

[4] Попов А. Национализм и сепаратизм в единой Европе. Параметры европейской интеграции. Космополис № 1, осень 2002. С. 94–95.

Елена САВИНОВА

СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ БИЗНЕС В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В рамках капиталистического строя социальной сфере часто уделяется недостаточное внимание: когда основная мотивация – получение прибыли, человеческий фактор уходит на второй план. Благотворительные фонды, основанные частными корпорациями, и социальные проекты государства вряд ли способны решить эту проблему в полной мере. Тем не менее возможно ли, строя бизнес по законам капитализма (с ориентацией на прибыль), провозглашать в качестве основной его цели благо человека? Не сводить ответственность перед обществом к ежемесячным отчислениям, как это делают современные корпорации, а сделать её органичной частью самого бизнес-процесса? Как вписать социально ориентированный бизнес в капиталистическую экономику? Одно из направлений поиска решения этого вопроса – деятельность современных кооперативов и социальных предприятий в Великобритании.

Традиции социальной ответственности

Англия – родина кооперативного движения, именно там в 1844 году появился первый потребительский кооператив – Общество рочдельских пионеров. Во многом социальная направленность кооперации была обусловлена опорой кооперативов на созданную ещё в Рочдейле и в дальнейшем много раз усовершенствованную систему принципов.

В ней нашли отражение цели, провозглашённые ещё Робертом Оуэном. Приоритет отдавался защите интересов потребителей, а не политической или идеологической борьбе. Эта система стала основой потребительской кооперации не только в Англии, но и во многих других странах, она сводилась к следующему.

© ***Савинова Елена Юрьевна*** – аспирантка исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

- Необходимый для деятельности кооператива собственный капитал образуется путём внесения каждым членом паевого взноса, на который начисляется процент.
- Покупка и продажа товаров осуществляется только за наличный расчёт.
- Все члены имеют одинаковые права независимо от величины паевого капитала.
- Товары продаются по среднерыночным ценам.
- В кооперативе предлагаются только доброкачественные товары, чистым весом и точной мерой.
- Основная часть прибыли распределяется между пайщиками пропорционально закупленным ими товарам.
- Некоторая часть прибыли отчисляется на повышение культурного уровня членов общества, на устройство школ, читален, библиотек[1].

В первый раз оригинальные принципы Рочдейля были пересмотрены в 1937 году, это было связано как с изменениями внутри движения, так и с изменениями политической, экономической и общественной жизни общества в XX веке, а также созданием Международного кооперативного Альянса – общественной организации, основная цель которой – координировать деятельность кооперативов по всему миру. Новая редакция была представлена на конгрессе МКА в Париже, она была сведена к трём частям: оригинальные принципы Рочдейля, их современное применение и рекомендации для организаций на местах[2].

В следующий раз необходимость корректировки генеральной линии возникла в 1966 году. Основная идея изменений заключалась в том, что функции кооператива не должны сводиться исключительно к экономической поддержке его участников, они должны занять свою нишу в экономической системе, а принципы должны соответствовать обновлённому облику кооперации. Общие формулировки остались в прежнем виде, но была более чётко обозначена роль деловой активности, был упразднён принцип "религиозного и политического нейтралитета" и введён принцип "капитализации прибыли"[3].

---

[1] ICA Digest, 27 June 2005 p.2 [on line] (cited 10 January 2007) http://www.ica.coop/publications/digest/42-digest.pdf

[2] The Present Application of the Rochdale Principles- International Co-operative Information Center: The Present Application of the Rochdale Principles (on line) [cited 10 November 2003] http://www.wisc.edu/uwcc/icic/def-hist/gen-info/1937-Revision-of-Co-operative-Principles-1/index.html

[3] Report of the 23rd ICA Congress at Vienna, 5-8 September, 1966 – International Co-operative Infirmation Centre Consideration of Co-operative Principles [on line] [cited 25 October 2004] http://www.wisc.edu/uwcc/icic/def-hist/gen-info/1966-Revision-of-Co-operative-Principles-1/index.html

Последняя на сегодняшний день ревизия принципов МКА прошла в 1996 году, она была продиктована изменениями, назревшими в мире за вторую половину XX века. В настоящее время принципы движения звучат следующим образом[1]:

- добровольное и открытое членство;
- демократический контроль, осуществляемый членами кооператива;
- экономическое участие членов кооператива;
- автономия и независимость;
- образование, повышение квалификации и информация.

Именно в такой трактовке принципы составляют основную теоретическую базу кооперативов Великобритании.

Как же кооперативам удалось включить идею социальной ответственности в саму суть бизнес-процесса? Для того чтобы осветить вопрос в полной мере, необходимо очертить масштаб и основные отличия кооперативов от традиционного бизнеса. Согласно данным Международного кооперативного альянса, в сфере кооперативного бизнеса в Великобритании сейчас заняты 9,8 млн человек[2]. Об экономической активности кооперативов можно судить только по данным наиболее значимых организаций. Например, прибыль одного из самых крупных кооперативов Великобритании – Кооперативной группы – в 2005 году (данные за 2006 г. ещё не представлены) составила 365,9 млн ф. ст., что на 15,6% больше, чем в предыдущем году, из этой суммы большая часть (211,7 млн ф. ст.) пришлась на торговые операции[3], другой кооперативный гигант – Региональное кооперативное общество Англии – имеет товарооборот в 300 млн ф. ст. и более 3 700 наёмных работников[4].

Практические отличия кооперативных организаций от традиционного бизнеса прямо связаны с особенностями кооперативной формы собственности.

В наши дни в странах Западной Европы распространены три основные формы собственности:

- частная собственность (трудовая и капиталистическая);
- общая долевая (товарищества, корпорации и т.д.);
- общая совместная (государственная и муниципальная собственность)[5].

---

[1] Statement on co-operative identity- International Co-operative Information Center: Statement on co-operative identity (on line) [cited 15 October 2003] //http://www.wisc.edu/uwcc/icic/issues/prin/21 cent/identity/html

[2] Statistical Information on the Co-operative Movement [on line] (cited 10 January 2007) http://www.ica.coop/coop/statistics.html

[3] Annual report 2005, p. 2. [on line] (cited 10 January 2007) http://www.co-op.co.uk/uploads/files/coop_ar05_frontsection.pdf

[4] Anglia Society: A Potted History [on line] (cited 10 January 2007) http://www.arcs.co.uk/main_society.asp

[5] См.: Веснин В.Р. Собственность: научная категория, политические мифы и реальность. //Социально-гуманитарные знания. 2002. № 3.

Изначально кооперативная собственность определялась скорее как частная трудовая собственность, поскольку все владельцы паёв были участниками трудового процесса. Но по мере того как кооперативы стали расширяться, стал использоваться труд наёмных рабочих и были созданы органы управления, подобное определение стало невозможным.

По отношению к современным кооперативам применимо скорее определение второго типа собственности (общая долевая). Однако несмотря на внешнюю схожесть, собственность кооперативов по форме несколько отличается от других типов общей (долевой) собственности. А именно: в традиционном акционерном обществе количество акций в собственности акционера определяет его позицию в организации, и обладатель 51% акций в значительной степени может руководить политикой организации и даже проводить свою собственную линию практически без оглядки на других акционеров. В современном кооперативе подобная ситуация практически невозможна, там вне зависимости от доли собственности (размера пая) действует строгое правило: один пайщик имеет только один голос[1].

Нельзя отрицать, что иногда выполнить это непререкаемое правило довольно сложно, особенно если речь идёт о крупном кооперативе. Для решения этой проблемы кооператоры используют систему выборных управляющих, которые на ежеквартальных или ежегодных собраниях (в зависимости от устава кооператива) отчитываются перед рядовыми пайщиками[2]. Эта система по форме несколько напоминает акционерное общество, но в отличие от последнего члены кооператива равны в принятии решений и застрахованы от диктата со стороны других пайщиков.

Другое коренное отличие кооперативов от традиционных бизнес-организаций лежит в иной сфере, в идеологической: согласно определению кооператив – организация людей, которые добровольно объединились в находящееся в совместном владении и управляемое демократически предприятие для реализации совместных проектов в различных сферах жизнедеятельности[3].

Таким образом, изначально цель деятельности кооператива – люди, их проекты и стремления, а не чистая прибыль, как это предполагается в бизнесе. В кооперативном секторе, как и в традиционном бизнесе, присутствуют различные формы организации, но вне зависимости от рода деятельности опора на принципы и ценности Международного кооперативного Альянса незыблема.

Чем крупнее организация и чем она более вовлечена в бизнес-процесс, тем труднее ей в своей деятельности руководствоваться кооперативными ценностями. Иногда они используются как нетривиальное маркетинговое средство. Примером может служить рекламная кампания кооператива “Радикальный путь”. Вот

---

[1] Principles& Values [on line] (cited 22 September 2006) http://www.ica.coop/coop/principles.html

[2] Дискуссии о том, что подобный вариант управления – это отход от традиционной кооперативной системы, сейчас довольно распространённы.

[3] Definition [on line] (cited 22 September 2006) http://www.ica.coop/coop/index.html

как выглядит обращение к его потенциальным клиентам-вкладчикам: "Этическое инвестирование – это способ вложения средств, минуя обычные банки и компании. Обычно Вы идёте в банк, который находится на главной улице, и помещаете деньги под самый выгодный процент, но кто даст Вам гарантию, что Ваши средства не пойдут на производство оружия и выращивание табака, поддержку деятельности сомнительных компаний или развитие производства, пагубно влияющего на окружающую среду? Мы можем сделать это!"[1]

Не все современные кооперативы по форме и содержанию деятельности – социальные предприятия, но даже при подобном положении вещей полуторавековая традиция социальной ответственности сказывается на деятельности организаций: социальных проектов в значительной степени больше, чем у "неидеологизированных" соседей, а в основе бизнеса – служение людям: кооперативные магазины, туристические агентства, бюро похоронных услуг.

Социальные предприятия – новый тип бизнеса

Необходимо отметить, что доля инициатив социальных предприятий, созданных на базе кооперативов и поддерживаемых государством, в экономике Великобритании довольно велика. Подобная ситуация стала в том числе и результатом политики социальной ответственности[2], которую проводит нынешнее правительство Тони Блэра.

Социальные предприятия, как и кооперативы, в основном действуют в торговле или социальной сфере и финансируются из своих собственных доходов или получая различные гранты и субсидии от государства. По форме и характеристикам деятельности социальными предприятиями являются так называемые общественные предприятия[3], кредитные союзы[4] и кооперативы[1].

---

[1] Ethical investment – Radical routes a network of little fishes [on line] (cited 1 November 2003) http://www.radicalroutes.org.uk/start.html

[2] Политика социальной ответственности (communitarianism) – идеология, в которой соединились элементы свободного рынка и индивидуализма, ярко воплощённые в политике М. Тэтчер и Р. Рейгана, а также проявившиеся в период активной роли государственного планирования (1945–1951), когда у власти в Великобритании были лейбористы//Moral Turn in British Politics //Shaun Best "A Beginnners guide to Social Theory [on line] [cited 19 January 2007] http://shaunbest.tripod.com/id6.html

[3] Общественное предприятие (community enterprise) – один из типов социальных предприятий, сочетающий в своей деятельности бизнес-подход и опыт общественности. Основная сфера деятельности подобных организаций – консалтинг и тренировочные программы. Они часто получают поддержку от различных общественных фондов и направляют свой доход на помощь другим организациям в перестройке бизнеса в соответствии с канонами социальных предприятий.

[4] Кредитный союз (credit union) – некоммерческая кооперативная финансовая организация, которая находится в долевом владении, контролируется и управляется советом директоров, выбираемых из пайщиков союза. Основное отличие от традиционных финансовых структур состоит в том, что только пайщики могут определять финансовую политику союза.

Среди наиболее известных социальных предприятий страны можно назвать: Кооперативную группу, крупнейший и наиболее успешный бизнес-кооператив Великобритании; "Большое издание" – международную общественную организацию, цель которой – помочь людям, оказавшимся без крыши над головой[2]; компания "Воды Уэльса"[3], в основе деятельности которой – стремление понизить стоимость оплаты воды для её потребителей; благотворительное общество с экологической направленностью "Райский проект"[4], стремящееся вернуть человека к истокам, то есть к природе; сеть ресторанов "Джейми Оливерс Фифтин"[5], помогающую трудным подросткам сделать первые шаги в ресторанном бизнесе, и международную сеть "Кафе директ"[6], в основе бизнеса которой – честная торговля (Fairtrade). Что же объединяет эти столь разные по структуре и характеру деятельности организации?

Существует Коалиция социальных предприятий – общественная организация, призванная определять общую стратегию и способствовать всяческому развитию этого типа бизнеса. Она занимается "созданием национальной платформы для демонстрации преимуществ такого рода деятельности". В неё входит довольно много социальных предприятий, разбросанных по всей Британии[7].

Её цели:

- обеспечить производительность и качество через обмен информацией;
- поощрить распространение кооперации;
- развивать сектор социальных предприятий;
- обеспечить "общественный вес" этому сектору.

В основном её члены занимаются просветительской деятельностью: проводят семинары и конференции, формируют "генеральную линию развития", но при этом в сложных случаях коалиция берёт на себя переговоры с представителями власти и других типов бизнеса. Финансируется организация как за счёт проведения просветительских мероприятий, так и в значительной мере на взносы и добровольные пожертвования членов.

Буклет, который выпустила эта организация, начинается словами: "Это ближе к бизнесу, чем вы думаете"[8]. Он открывается вступительным словом

---

[1] A Definition of Social Enterprise [on line] (cited 27 September 2006) http://www.socialenterprise.co.uk/Introduction.htm

[2] http://www.bigissue.com/cover.html [on line] [cited 15 August 2006]

[3] http://www.dwrcymru.com/English/homepage.asp [on line] [cited 15 August 2006]

[4] http://www.edenproject.com/ [on line] [cited 15 August 2006]

[5] http://www.fifteenrestaurant.com/mission/index.html [on line] [cited 15 August 2006]

[6] http://www.cafedirect.co.uk/about/index.php [on line] [cited 15 August 2006]

[7] Полный список её членов можно посмотреть на http://www.socialenterprise.org.uk/Page.aspx?SP=1637

[8] A guide to social enterprise. pdf //http://www.socialenterprise.org.uk/Page.aspx?FHdocuments%=2guide.pdf p. 2.

премьер-министра Великобритании Тони Блэра, который отметил, что в деятельности социальных предприятий сочетаются стремление к достижению социальных целей и предпринимательский стимул, что "это твёрдо стоящий на ногах бизнес, занимающий свою нишу на рынке, но он носит характер социальной службы и имеет непоколебимые обязательства перед обществом". По мнению премьера, "деятельность социальных предприятий – уникальный пример и реальный способ поставить британскую экономику и общество на рельсы социальной ответственности".

Одно из определений социального предприятия, которое можно найти в проспекте, – "благотворительное общество с предпринимательской основой"[1]. Означает ли это "социально ответственный бизнес"? "Не совсем", – отвечают авторы буклета и продолжают: ежегодно в целом по Великобритании бизнес-структуры тратят часть своих средств на благотворительность и социальные нужды – это традиционная практика. Основное отличие организаций в том, что **они, используя возможности своего бизнеса для достижения социальных целей, не только отчисляют средства на благотворительность, но и стремятся перестроить структуру бизнеса таким образом, чтобы он служил обществу.**

Социальные предприятия – часть постоянно растущей социальной экономики, но в то время как некоторые добровольные организации и общественные группы могут быть в той или иной мере вовлечены в торговлю, социальные предприятия считают торговлю "значительной и даже определяющей частью их бизнеса". Некоторые исследователи используют в его отношении определение "не для прибыли", но такая трактовка в корне неверна. Истинная цель социальных предприятий – укрепить бизнес и сделать его прибыльным; решая таким образом социальные проблемы, они участвуют в жизни общества.

Ещё одно, официальное определение социальных предприятий можно найти в изданном в 2002 году документе британского парламента "Стратегия успеха": "Социальные предприятия – это бизнес с преимущественно социальными целями, чья прибыль в основном инвестируется в решение социальных задач этого бизнеса или сообщества, в котором он расположен, а не идёт на то, чтобы увеличить прибыль акционеров или владельцев"[2].

Социальные предприятия во многом вобрали в себя особенности кооперативной этики и уклада бизнеса – они все имеют чётко очерченные социальные цели: создание новых рабочих мест, обеспечение жизнедеятельности местных служб; как и кооперативы, они стараются выполнять обязательства по отношению к округу и району, в котором расположены.

Социальные предприятия находятся в общей долевой (как кооперативы) собственности своих членов. Это автономные организации, чьё управление и владение традиционно базируется на участии (через выборного посредника) представителей всех групп (сотрудники социального предприятия, его клиенты, предста-

[1] Ibid p. 6.
[2] Ibid p. 7.

вители местной власти и местные социальные инвесторы) или в лице исполнительного директора, который управляет предприятием от имени владельцев.

В обоих случаях управление открыто для любой формы контроля со стороны владельцев, а прибыль идёт на социальные нужды и распределяется между ними. Иными словами, это идентично описанным выше принципам действия современного бизнес-кооператива. Тем не менее на данном этапе развития социальные предприятия не следует идентифицировать с кооперативами, идеологическая база последних гораздо более определённая; таким образом, не все кооперативы – социальные предприятия и не все социальные предприятия можно назвать кооперативами, хотя они во многом схожи и грань между ними постепенно стирается.

Прежде всего, социальное предприятие – это **социально ориентированный бизнес** ("value led and market driven" – "ведомый ценностями и движимый рынком"), оно "соединяет в себе бизнес и социальные цели в единый поток – динамичный новый способ предложения товаров и услуг, не теряя предпринимательской смекалки"[1].

Этический бизнес на практике

В списке наиболее успешных социальных проектов фигурирует Кооперативная группа – крупнейший и на сегодня, пожалуй, самый успешный британский кооператив. Это розничное общество, обеспечивающее рабочими местами более чем 70 тыс. человек, включает в себя более чем 3 тыс. магазинов и другие формы бизнеса, в том числе интернет-проекты. В 2002 году уровень продаж этого кооперативного гиганта достиг суммы в 7 млрд ф. ст., а общая прибыль составила 231 млн ф. ст.[2] Организация ведёт свою историю с 1863 года, когда группа розничных торговых обществ зарегистрировала на Севере Англии кооператив, чтобы поддержать набиравшее тогда обороты потребительское кооперативное движение. Особая роль социальной составляющей этого кооператива прописана в стратегии развития организации. Его основная цель – "Оптимизировать доходы бизнеса, в котором кооперативные ценности приносят нам позитивную маркетинговую выгоду, позволяя нам не только служить интересам наших пайщиков, но и достигать значительных результатов в социальной сфере, при этом принося ощутимую финансовую выгоду нашим членам-предприятиям и физическим лицам"[3].

---

[1] Ibid p. 8.

[2] The Co-operative Group: the facts – Adobe Acrobat Professional [Factfile_may_2003_pdf.] [on line] (cited 18 November 2003) //http://www.pdf.co-operative.co.uk/pdfs/Factfile_may_2003.pdf.

[3] The Co-operate Group// Corporate social responsibility report 2004 [on line] [cited 23 August 2006] http://www.co-op.co.uk/uploads/files/corporate_social_responsibility2004.pdf p. 1.

Продолжение этой мысли можно найти во вступительном слове Марка Бьюмона, руководителя Группы, к буклету о социальной ответственности. Он говорит о том, что именно кооперативная специфика бизнеса заставляет как руководителей Группы, так и рядовых пайщиков в большей мере, чем в обычных бизнес-структурах задумываться о социальной составляющей бизнеса.

Но не только ценности и принципы Международного кооперативного движения заставляют Группу обращать пристальное внимание на эти важные проблемы ("Доминанта стратегии нашего бизнеса – кооперативные ценности. Они позволяют нам дистанцироваться от конкурентов в сферах действия кооператива")[1], но и прямая коммерческая выгода.

При этом стоит отдать им должное – кооператоры говорят об этом открыто в своих листовках и документах: "В наши дни интерес потребителей к тому, что стоит за товарами и брендами, которые они покупают, значительно возрос. Неуклонно растёт стремление не просто покупать продукты по выгодной цене, но и приносить своим выбором пользу обществу – этическое потребление (ethical consumerism). Например, выбирать товар в упаковке из вторично использованного сырья или такой, прибыль от продажи которого отчисляется в какой-нибудь фонд.

Продукты "честной торговли" (fairtrade), которые раньше были распространены незначительно, теперь есть повсюду. Всё это означает, что наша корпоративная социальная ответственность становится всё более уместной и даже является неотъемлемой составляющей нашей бренд-стратегии"[2].

Существует довольно сложная схема распространения социальной ответственности кооператива на разные категории связанных с ним людей: пайщиков, потребителей, управляющей верхушки. Основное в ней то, что помимо благотворительных проектов, которые присущи и традиционному бизнесу, принцип социальной ответственности "вплетается" в саму структуру бизнеса, становясь её органичной частью.

Вот несколько примеров:

Программа **"Сделаем транспорт экологичнее!".** Часто грузовой транспорт – единственный способ доставить продукты в магазины Группы, поскольку многие из них находятся в отдалённых сельских районах. Транспорт приносит значительный вред окружающей среде – экономисты и логистики группы попытались решить эту проблему. Они разработали новую систему складов и распределения продукции, значительно сократив при этом маршруты грузовиков и перейдя по возможности на машины, заправляемые топливом из природного газа. В перспективе они планируют полностью отказаться от транспорта на традиционном топливе[3].

---

[1] Ibid p. 6.
[2] Ibid p. 6.
[3] Ibid p. 21.

Проект **"Прозрачные цены".** Маркетинговое исследование предпочтений потребителей на рынке туристических услуг выявило растущее недовольство относительно цен, которые тур-операторы выставляют на "горящие" туры. В частности, из-за того, что в них не бывают включены многие издержки и даже стоимость авиаперелёта. Кооперативная группа вместе с другими членами "Группы кооперативных туристических операторов" развернула кампанию "Прозрачные цены" по устранению этого недостатка, в которую, стоит отметить, включились многие некооперативные туристические компании, а также агентства, рекламирующие их услуги[1].

Конечно, некоторые из описанных социальных инициатив выглядят довольно странными, но, если вдуматься, оказываются вполне разумными, например, **"Мы слушаем"** – проект системы похоронных агентств Кооперативной группы. Идея его в том, что человеку всегда сложно, но в то же время необходимо оставить распоряжения и пожелания по поводу своих будущих похорон. Иногда довольно тяжело обременять этим родственников. Активисты Группы в различных публичных местах в основном в пабах (они, например, поместили информацию на подставки под пивные кружки) поставили ящики с вывеской "Последние пожелания", в которых посетители могли найти специальные анкеты, а также координаты ближайшего агентства.

Социальная ответственность Группы проявляется не только в инициативах её подразделений. Ещё одно очень важное направление – её корпоративные функции, подход к управлению, клиентам, взаимоотношениям с партнёрами, вложения в дело защиты окружающей среды и развития местных сообществ. Группа сотрудничает с организацией по защите окружающей среды – "Карбон Траст"[2], добиваясь сокращения в своём бизнесе выбросов углекислого газа. Также она получила национальную награду за инициативу создания водоочистительной системы.

Ежегодно Группа проводит опросы среди своих служащих, выясняя их мнение относительно социальных инициатив, новых направлений деятельности и препятствий к их исполнению. Согласно данным опроса за 2004 год, основное, что мешает развернуться этим инициативам в полной мере, – это бюрократические препоны[3].

Кооперативная группа – это яркий и очень интересный пример попытки создания социального предприятия на уровне корпорации. Безусловно, говорить о полноценном социальном бизнесе в данном случае довольно сложно, но и те результаты, которых удалось добиться, приятно удивляют. Ведь в тех масштабах и объёмах, в которых работает Группа, вносить изменения довольно слож-

---

[1] Ibid p. 23.

[2] Независимая компания, основанная британским правительством с целью понизить выбросы углекислого газа в атмосферу. Ibid p. 45.

[3] Ibid p. 39.

но. Вне всякого сомнения, очень важную роль в процессе формирования социального предприятия сыграла кооперативная составляющая Группы. Без опоры на ценности и принципы Международного кооперативного движения, среди которых равенство, демократия, ответственность, солидарность, а также общие этические ценности – такие как честность, открытость, социальная ответственность и забота о ближних, – эта трансформация была бы невозможна.

Однако Группа – всё-таки корпорация, она представляет собой яркий, но всё же отнюдь не типичный пример социального предприятия. Чтобы лучше понять суть этого явления, следует обратиться к не столь крупным, но не менее значимым организациям, например, к Кооперативному обществу Оксфорда, Суиндона и Глостера.

В своём регионе эта организация – одна из крупнейших в сфере розничной торговли с товарооборотом в 310 млн ф. ст. в год. Она насчитывает в своих рядах 77 тысяч пайщиков и 3 834 тех, кто владеет кооперативным магазином и является членом общества[1]. Помимо розничной торговли продуктами питания, в сфере интересов кооператива – торговля автомобилями и их комплектующими, а также оказание ритуальных услуг и туристический бизнес.

Не так давно в обществе стало развиваться ещё одно направление деятельности, которое было открыто "не для финансовой выгоды пайщиков кооператива", – служба ухода за детьми. Она возникла на базе яслей при колледже дополнительного образования в Оксфорде, находящихся под угрозой закрытия. При этом основная масса инвестиций была сделана в подобные не приносящие дохода ясли и детские сады в наиболее неблагополучных уголках этого региона.

Первые центры были оборудованы и открыты весной 2004 года в местечках Кейнс Кросс (Страуд), Розхилле (Оксфорд) и Уэлкотте (Свингдон). Переустройство и оборудование каждого стоило 800 тыс. ф.ст., причём основные средства предоставил кооператив Оксфорда, Суиндона и Глостера. В возникших центрах могли на полный день оставаться дети в возрасте от восьми месяцев до восьми лет и более. Кооператоры решили, что столь гибкий подход к возрасту детей и времени пребывания заинтересует многих родителей, а значит, и потенциальных клиентов.

Подобный вид деятельности был выбран неслучайно: ему предшествовало глубокое маркетинговое исследование. С одной стороны, кооператоры стремились к расширению своего бизнеса, с другой – к социально полезным начинаниям. Именно выявленная нехватка детских дошкольных учреждений в регионе натолкнула их на идею этой сети центров, к тому же они смогли убить двух зайцев сразу: стоит принять во внимание стремление правительства всячески поддерживать все возможные начинания в этой сфере, особенно в регионах с большим объёмом правительственных выплат. По мнению государственной ре-

[1] Learn more about us – Oxford Swindon and Gloucester Co-operative society [on line] [cited 10 December 2003] http://www.osg.coop/live/welcome.asp?id=8

гиональной координационной комиссии, "это брешь между округами. Многие небогатые районы практически не обеспечены детскими дошкольными учреждениями. К марту 2004 года целью правительства было, чтобы каждый родитель мог отдать своего ребёнка в детский сад, когда ему будет необходимо выйти на работу"[1]. Таким образом, инициатива кооператоров легла на подготовленную почву.

Как подчёркивает Кэрол Дженкинс, менеджер проекта: "Это естественное взаимодействие между инициативой кооператива и правительства. Наши детские центры органично вписались в уже существующую инфраструктуру. Благодаря их существованию семьи с невысоким уровнем дохода могут позволить себе отдать ребёнка в учреждение, предоставляющее высокий уровень образовательных услуг"[2].

Безусловно, ещё одной составляющей успешного бизнеса является значительное послабление в налогах, которое кооператив получил от государства. Необходимо добавить, что каждый из детских центров развивается и совершенствуется по своему собственному плану, в его управлении принимают участие как представители кооператива, так и попечительский совет родителей, и они вместе решают все насущные вопросы в сферах финансового управления, найма персонала и местных маркетинговых акций. К началу 2005 года насчитывалось 45 детских центров, услугами которых пользуются жители восьмидесяти населённых пунктов, и их число неуклонно растёт.

Но социальные предприятия – это не только детские сады, дома престарелых, школы и лечебницы. Опыт Великобритании показывает, что статус социального предприятия могут приобрести и традиционный английский паб, и пивоваренный завод.

Пивоварня в Хескет Ньюмаркете появилась в 1988 году, и бар при ней стал настоящей Меккой для знатоков. Пиво готовили по старинным рецептам, и в течение многих лет оно получало многочисленные награды на различных пивных фестивалях. Таким образом, оно стало своеобразным символом этого места. Вокруг пивоварни сформировалась развитая инфраструктура, включающая в себя почтовое отделение, магазин и небольшую гостиницу. Всё шло замечательно, пока в 2000 году не были подняты цены за аренду земли, на которой был построен этот завод, и не появилась угроза появления нового арендатора и строительства там жилых домов.

Именно тогда и возникла идея создания кооператива для спасения национального символа – ньюмаркетского пива. Было создано общественное предприятие (community enterprise), действующее на демократических принципах с равными долями пайщиков, которые обязательно должны быть жителями этого места. Так в январе 2000 года пивоварня Хескет Ньюмаркета стала кооперативом. Каждый из 58 членов заплатил полторы тысячи фунтов, и таким образом

[1] Ibid p. 36.
[2] Ibid p. 36.

был сформирован первоначальный капитал. В первый год существования прибыль кооператива составила 4 тыс. ф. ст., и в последующие годы (исключение составляет только 2002-й, когда был отмечен незначительный спад туристической активности) прибыль неуклонно росла. В 2005 году товарооборот составил 95 тыс. ф. ст. при чистой прибыли в 5 тыс. ф. ст. Сейчас в планах предприятия создание линии бутылочного пива. Используется маркетинговый ход – выездные ярмарки пива и создание образовательной комнаты для школьников. Часть заработанных средств, конечно же, пойдёт на социальные цели.

Если возникнет вопрос: какое отношение рассказанная выше история имеет к социальным предприятиям и этике бизнеса, ответить на него лучше всего словами одного из инициаторов создания кооператива, Джулиана Росса: "Люди сказали, что их не заботит прибыль, они, прежде всего, хотят сохранить нечто важное для места, в котором они живут. Это уютный паб, куда ты можешь прийти в старых ботинках или дорогом костюме, где тебя всегда примут и где тебе всегда будут рады… "[1]

* * *

Типы и формы кооперативов и социальных предприятий в современной Великобритании чрезвычайно разнообразны: от глобальных начинаний Кооперативной группы до спасения маленького пивного заводика в Ньюмаркете. Общим для них остаётся одно – первостепенность блага человека, а не прибыльности бизнеса.

Можно спорить относительно того, насколько полно социальным предприятиям и кооперативам удаётся воплощать в своей деятельности идеи социальной ответственности и включать их в сам бизнес-процесс. Очевидно, что такому промышленного гиганту, как Кооперативная группа, сделать это гораздо сложнее, но сам факт, что подобная работа проводится, несомненно, заслуживает внимательного изучения.

Следует ли ставить знак равенства между понятиями "кооператив" и "социальное предприятие"? Пока говорить об этом рано, но тенденции развития общества и рынка указывают на то, что довольно скоро об этом можно будет сказать с уверенностью. Решающую роль в этом процессе консолидации играют принципы и ценности Международного кооперативного движения, ведь идеи значимости социальной сферы и этического потребления, к которым традиционный бизнес пришёл только к концу XX века, лежат в основе всей этики кооперации.

В деятельности кооперативов и социальных предприятий отражён более совершенный тип ответственности перед обществом, нежели благотворительность. Социально полезные начинания в этом случае не оплачиваются владельцами капитала, как это было раньше, а становятся органичной частью самого процесса, который при этом не перестаёт приносить прибыль, без которой, увы, никакие социально полезные и значимые начинания не будут воплощены в жизнь.

[1] Ibid p. 28.

Наталия КОНДРАТЬЕВА

ОБРАЗ ЕВРОПЫ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ЕС

Европейский Союз, бесспорно, – одна из самых развитых и богатых частей мира. Между тем, в территориальном развитии ЕС существуют весьма заметные диспропорции, которые продолжают увеличиваться по мере вступления в Союз новых стран. В задачу региональной политики ЕС входит уменьшение отставания районов, оказавшихся в менее благоприятных условиях, перестройка структуры экономики районов промышленного либо сельскохозяйственного упадка, создание новых рабочих мест. Сегодня более трети общего бюджета Союза тратится на проведение региональной политики, причём все государства-члены в большей или меньшей мере пользуются финансовой поддержкой фондов этой политики. За последние 20 лет региональная политика превратилась в ресурс сплочения стран Европы и двигатель европейской интеграции, внеся весомый вклад в создание благоприятного политического климата для завершения создания единого внутреннего рынка и валютного союза. Более того, она выступала в качестве инструмента расширения границ интеграции.

Таким образом, региональная политика – это важный элемент привлекательности Союза, позитивного имиджа и высокого авторитета ЕС как в глазах граждан государств-членов, так и в мире.

Инструменты сплочения

С конца 1980-х годов региональная политика Евросоюза называется политикой сплочения. И это понятно: она призвана сплачивать его регионы в единый интеграционный комплекс, обеспечивать рациональное сочетание общих инте-

---

© ***Кондратьева Наталия Борисовна*** – доцент, кандидат экономических наук.

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект "Формирование имиджевой политики Европейского Союза: опыт для России" № 06-03-02047а.

ресов с интересами территорий, поддерживать заинтересованность государств-членов и привлекать соседние страны к участию в интеграционных планах.

Региональная политика ЕС продумана до мелочей. Все страны Союза, где имеются нуждающиеся районы и категории населения, могут пользоваться безвозмездными субсидиями Структурных фондов – главных инструментов политики. К ним относятся Европейский фонд регионального развития (создан в 1975 г.), Европейский социальный фонд (создан в 1960 г.) и Финансовый инструмент для поддержки районов, зависимых от рыболовного промысла (создан в 1994 г.).

С 1993 года действует Фонд сплочения для помощи государствам-членам, чей уровень благосостояния (т.е. ВВП в расчёте на душу населения) не превышает 90% от среднего по ЕС показателя. На момент создания Фонда он составлял примерно 45% от среднего по ЕС-15 в Португалии и Греции и 70% в Испании и Ирландии. Изначально эти страны и стали получателями Фонда. Ирландия благодаря своим экономическим успехам к концу 1990-х годов превысила установленный рубеж и с 2000 года не пользуется ресурсами Фонда. С 2004 года его получателями являются 13 государств, в том числе десять странновичков.

В 2003 году начал работать Фонд солидарности для оказания быстрой помощи районам, пострадавшим от природных и техногенных катастроф.

Среди внебюджетных инструментов важнейшим является Европейский инвестиционный банк – ЕИБ (действует с 1958 г.).

Принимаемые раз в 5–7 лет соглашения о финансировании деятельности ЕС служат базой для периодического реформирования региональной политики. Реформы направлены главным образом на оптимизацию работы Структурных фондов. Для этого разработан ряд *принципов*:

- предметная, территориальная и финансовая концентрация усилий (она достигается путём выбора ограниченного количества направлений деятельности, отбора нуждающихся районов согласно специально устанавливаемым критериям, вложения средств в наиболее нуждающиеся районы и приоритетные направления);
- комплексный многолетний программный подход;
- партнёрство властей на всех уровнях;
- дополнительность финансового вклада ЕС (т.е. использование средств фондов в дополнение к национальным ресурсам, но не вместо них).

Усилия Структурных фондов сконцентрированы на трёх направлениях.

Направление 1 "Конвергенция" помогает развитию и структурной перестройке районов с низким уровнем благосостояния. Право на получение помощи в рамках данного направления имеют районы, чей уровень ВВП в расчёте на душу населения на четверть и более отстаёт от среднего по ЕС. В таких районах проживает около 20% населения ЕС-15 и 90% населения новых государств-

членов. Поэтому данное направление наиболее финансово обеспечено. Помощь нацелена на сокращение диспропорций в уровне инвестирования в такие сферы, которые поддерживают конкурентоспособность региональных экономик, но не затрагивают права отдельных конкурирующих экономических субъектов – транспорт, связь, некоторые сегменты НИОКР, туризм, здравоохранение, образование и т. п., что ведёт к созданию дополнительных рабочих мест и повышению доходов населения.

Направление 2 "Конкурентоспособность" создано для стран относительно благополучных и нацелено на помощь территориям, испытывающим трудности структурного характера. На сегодняшний день свыше 80 административных единиц, главным образом западной части ЕС, признаны районами промышленного либо сельскохозяйственного упадка. Критериями финансирования в данном случае являются более высокие, чем в среднем по ЕС, показатели безработицы в течение трёх последних лет при условии повышенной доли занятых в промышленности либо сельском хозяйстве. В рамках этого направления может оказываться помощь районам с меняющейся экономической ориентацией, если об этом свидетельствуют специальные критерии: например, неуклонно падает занятость в сельском хозяйстве или промышленности.

Направление 3 "Развитие человеческого капитала" нацелено на борьбу с долгосрочной безработицей (более 6 месяцев), помощь молодёжи в поисках работы, содействие упрочению прав женщин на рынке труда. Оно оказывает поддержку сфере образования и профессиональной переподготовки трудящихся, а также государственных служб занятости. Это направление не имеет территориальной привязки. Ориентированное на выполнение исключительно социальных задач, оно финансируется только Европейским социальным фондом[1].

В соответствии с принципом дополнительности финансового участия ЕС вклад фондов в ту или иную программу в рамках 1-го направления не может превышать 75% общих затрат, в рамках 2-го и 3-го направлений – 50%.

Инициатива в разработке большей части программ принадлежит государствам-членам.

В деятельности Фонда сплочения есть ряд особенностей, отличающих его от Структурных фондов. Главное отличие состоит в том, что Фонд сплочения действует на основе принципа *условного финансирования*, подразумевающего возможность оказания помощи лишь тем государствам-членам, которые стремятся участвовать в валютном союзе. Кроме того, Фонд финансирует только программы, связанные с защитой окружающей среды и строительством трансъевропейских сетей. Его доля в общих затратах на программы доходит до 85%. На-

[1] Следует иметь в виду, что Европейский социальный фонд распоряжается примерно третью финансовых ресурсов структурных фондов и участвует в программах по всем трём направлениям.

конец, в отличие от Структурных фондов Фонд сплочения имеет не региональную, а страновую направленность.

Политика сплочения – это вторая по величине расходная статья в бюджете ЕС после ассигнований на общую сельскохозяйственную политику. Основная часть денег поступает получателям через Структурные фонды. 20% средств находится в распоряжении Фонда сплочения. В ведении Фонда солидарности – 1 млрд евро. До 2,5% бюджетных средств по статье "сплочение" расходуется на развитие межрегионального сотрудничества (программа Интеррег).

Подготовка очередной реформы фондов региональной политики занимает примерно три года. Этим главным образом ведает Европейская комиссия – исполнительный орган ЕС. Комиссия проводит ревизию целей и законодательного обеспечения политики, а также направляет политические и публичные дебаты. Например, началу нового программного периода в деятельности фондов (2007–2013 гг.) предшествовали: подготовка Комиссией и проведение в мае 2004 года Третьего форума о сплочении (Форумы проходят с конца 1990-х годов; на них в самом широком составе представители от институтов ЕС и регионов озвучивают достижения и проблемы в сфере, именуемой Сплочение, и намечают повестку дня грядущей реформы); разработка в Комиссии конкретных предложений по реформе фондов (обнародованы в июле 2004 г.); встраивание других стратегических инициатив ЕС в содержание реформы; подготовка первой версии Стратегических ориентиров ЕС в сфере сплочения (обнародованы 7 июля 2005 г.) и начало публичных дебатов по ним; помощь странам и районам-получателям в составлении программ (заявок), которые будут реализованы в 2007–2013 годах при финансовой поддержке Структурных фондов и ЕИБ; принятие регламентов (законодательных актов) работы фондов региональной политики на 2007–2013 годы (июль 2006 г.); формирование окончательной версии Стратегических ориентиров в области сплочения (приняты в Совете и Парламенте осенью 2006 г.), устранение недоделок к Заседанию Совета министров регионального развития и региональной политики (ноябрь 2006 г.); май–июнь 2007 года подготовка Отчёта о сплочении.

Отчёты о сплочении выпускаются каждые три года (последние отчёты вышли в свет в 2001 и 2004 гг.). Эти документы служат официальным источником статистической информации об успехах и проблемах в территориальном развитии Союза и стран-кандидатов. Кроме того, практически ежегодно выпускаются Промежуточные отчёты. В них помимо текущей статистики Комиссия выдвигает ряд конкретных вопросов для дискуссии, в которую вовлекаются государства и региональные органы власти, эксперты, общественные организации.

Усилия институтов, ответственных за проведение региональной политики, направлены как на совершенствование механизма отбора проектов финансирования, так и на помощь регионам в заполнении заявок. Известно, что многим регионам (особенно странам-новичкам) тяжело даётся освоение средств

ЕС. Трудности возникают, во-первых, в силу называвшегося принципа дополнительности финансов ЕС, и, следовательно, необходимости изыскивать ту часть денег, которая должна быть предоставлена самим государством-получателем или частными структурами в этой стране. Во-вторых, национальные администрации, как показывает практика, плохо владеют навыками оперативного и стратегического программирования для аргументированного обоснования финансового участия ЕС и предоставления гарантий целевого расходования помощи.

Бланк заявки – это примерно 25-страничный документ. Заполненная форма, как правило, должна содержать данные о сторонах, ответственных за подачу заявки и реализацию проекта, описание его целей, календарь конкретных мероприятий, полную смету проекта и характер участия фондов ЕС, анализ соотношения цена–результаты–риски и предполагаемых результатов проекта в различных сферах общественной жизни[1].

Повысить эффективность распределения и исключить недоиспользование финансовых ресурсов политики сплочения призваны три недавно созданных инструмента: JASPERS – Joint Assistance to Support Projects in the European Regions – Совместное содействие проектам в европейских регионах, JEREMIE – Joint European Resources for Micro Enterprises – Совместные европейские ресурсы для малых предприятий, наконец, JESSICA – Joint European Support for Sustainable Investment in City Areas – Совместная поддержка программ помощи городам[2]. Названные структуры – воплощение инициативы Комиссии, Европейского инвестиционного банка и Европейского банка реконструкции и развития – фактически представляют собой инструменты технической помощи в оформлении заявок на займы и безвозмездное финансирование. Штат Джасперс, к примеру, сформирован из 24 экспертов ЕИБ и ЕБРР и 40 представителей Комиссии. Обращение ке ним бесплатное, а оказанная помощь не должна влиять на политику и конкретные решения институтов, принимающих решения в области региональной политики.

Поскольку речь идёт об имиджевой составляющей политики сплочения, стоит обратить внимание на информационные ресурсы этой политики – Центры документации ЕС и официальные сайты. Они выполняют роль постоянных источников повышения уровня знаний о деятельности Союза в данной области.

В списки бесплатной рассылки в печатном и электронном виде входят:

– ежемесячный обзор “Инфореджио”[3];

---

[1] С бланками заявок на получение финансовой поддержки фондов региональной политики можно ознакомиться на сайте “Инфореджио”: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docform/pdf/inves_en.pdf

[2] См. например: http://jaspers.europa.eu/

[3] http://ec.europa.eu/regional_policy/newsroom/archiv_en.htm

- квартальный обзор "Инфореджио-Панорама"[1] (темы последних выпусков: "Энергетика и региональное развитие", "Программы для городов", "Транспорт", "Успешная практика", "Фонд солидарности");
- тематические обзоры – "Fiches" (осенью вышла серия "Инструменты политики сплочения в Вашей стране и Вашем регионе"[2]);
- брошюры для ознакомления с целями, направлениями и инструментами политики с часто возникающими вопросами и ответами на них;
- справочники (среди последних изданий: "Структурные программы 2000–2006 гг.: регламенты и комментарии", "ИНТЕРРЕГ и ТАСИС");
- официальные отчёты, в том числе по каждому из фондов;
- экспертные исследования, лежащие в основе официальных отчётов (например, в рамках подготовки Третьего отчёта о сплочении 2004 г. в свет вышли[3]: "Макроэкономические последствия реформы политики сплочения", "Нужды наименее развитых районов ЕС", "Влияние отдельных направлений общей политики на сплочение в ЕС", "Факторы региональной конкурентоспособности", "Эффективность методики работы структурных фондов ЕС", "Влияние политики государств-членов на показатели сплочения в ЕС");
- материалы дискуссий и прошедших конференций;
- календарь мероприятий.

Электронные версии перечисленных документов собираются на официальном сайте "Инфореджио" Генерального директората "Региональная политика" Еврокомиссии.

Помимо этого на сайте проводятся электронные форумы. Например, недавно открылись публичные "Дебаты о будущем Европы": пользователям официального портала предложено оценить политику соседства и возможность ЕС к дальнейшему расширению за счёт новых государств. Участники форума могут также предложить своё частное мнение о сложившейся системе общих ценностей, лежащей в основе европейской экономической и социальной модели.

В последнее время на сайте появилось множество PowerPoint презентаций, что отвечает задачам имидж-проекта.

Следует упомянуть сайты Комитета по региональному развитию Европейского парламента[4] и Европейского инвестиционного банка[5], хотя эти и другие электронные базы данных носят лишь вспомогательный характер. Они, как правило, публикуют лишь названия, но не содержат полных версий документов.

---

[1] http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/panora_en.htm
[2] http://ec.europa.eu/regional_policy/atlas2007/fiche_index_en.htm
[3] http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/studies/study_en.htm
[4] http://www.europarl.europa.eu/committees/regi_home_en.htm
[5] http://www.eib.europa.eu/

Платформа стратегии информации и общения в сфере региональной политики

В период с 2007 по 2013 годы совокупные финансовые возможности ЕФРР, ЕСФ, Фонда сплочения, финансовых инструментов рыболовной политики и политики расширения составят ежегодно почти 45 млрд евро (см. табл. 1). В масштабах ЕС это небольшая величина (0,5% валового продукта Союза). Однако для общего бюджета расходы по статье "сплочение" весьма значимы. От них зависит формирование десятой доли прироста ВВП восточной части Союза. Других столь же весомых постоянных имиджевых ресурсов в распоряжении ЕС немного. Поэтому в Комиссии заговорили о необходимости более рачительного их использования.

Поставлены следующие цели: пропаганда позитивного влияния региональной политики ЕС на развитие регионов, сокращение разрыва между наднациональным уровнем принятия решений и общественным мнением, создание в лице получателей фондов и региональных органов власти посредников по передаче информации между институтами ЕС и гражданами. Платформа стратегии информации и общения в сфере региональной политики изложена на специальной странице упомянутого сайта "Инфореджио". Она предусматривает разработку законов об информации, проведение серийных мероприятий, создание информационных сетей в целях обмена мнениями и передачи опыта успешных проектов, наконец, вовлечение в осознанный оборот инструментов информационной и имиджевой политики (таких как телевидение, радио, Интернет, реклама, справочники, учебники и пр.).

Законодательство ЕС. С 2000 года такие понятия, как информация, реклама, связь, общение, всё чаще встречаются в официальных документах о проведении региональной политики. Информация и общение рассматриваются в них как важные ресурсы повышения эффективности этой политики.

С мая 2000 года действует регламент (1159/2000)[1] Европейской комиссии "Об информационных и рекламных акциях государств-членов для целей политики сплочения". В нём зафиксированы следующие общие для всех государств-членов требования:

– информирование общественности и потенциальных получателей о деятельности фондов регионального развития, действующих в рамках бюджета ЕС;

– активизация институтов гражданского общества и СМИ для ведения непрерывных публичных дебатов о роли политики сплочения в развитии регионов ЕС;

– обязанность получателей фондов упоминать (в рекламных роликах, плакатах, брошюрах и т.п.) о поддержке проекта бюджетом ЕС, выпускать и распространять относящуюся к проекту информацию.

---

[1] Official Journal. L 130/32. 31.5.2000.

Таблица 1

Политика сплочения: план ассигнований на 2007–2013 гг. (млрд евро, в ценах 2004 г.)

	Направление 1: конвергенция			Направление 2 и 3: конкурентоспособность и занятость	Приграничное сотрудничество	Всего
	Фонд сплочения	Другие фонды	Районы, переходящие в категорию благополучных			
Бельгия			0,579	1,268	0,173	**2,019**
Дания				0,453	0,092	**0,545**
Германия		10,553	3,770	8,370	0,756	**23,450**
Греция	3,289	8,379	5,579	0,584	0,186	**18,217**
Испания	3,250	18,727	1,434	7,628	0,497	**31,536**
Франция		2,838		9,123	0,775	**12,736**
Ирландия				0,681	0,134	**0,815**
Италия		18,867	0,388	5,640	0,752	**25,647**
Люксембург				0,045	0,013	**0,058**
Нидерланды				1,477	0,220	**1,696**
Австрия			0,159	0,914	0,228	**1,301**
Португалия	2.722	15,240	0,254	0,843	0,088	**19,147**
Финляндия				1,426	0,107	**1,532**
Швеция				1,446	0,236	**1,682**
Великобритания		2,436	0,158	6,232	0,642	**9,468**
Чехия	7,830	15,149		0,373	0,346	**23,697**
Эстония	1,019	1,992			0,047	**3,058**
Кипр	0,193			0,363	0,024	**0,581**
Латвия	1,363	2,647			0,080	**4,090**
Литва	2,034	3,965			0,097	**6,097**
Венгрия	7,589	12,654		1,865	0,343	**22,451**
Мальта	0,252	0,495			0,014	**0,761**
Польша	19,562	39,486			0,650	**59,698**
Словения	1,239	2,407			0,093	**3,739**
Словакия	3,433	6,230		0,399	0,202	**10,264**
Болгария	2,015	3,873			0,159	**6,047**
Румыния	5,769	11,143			0,404	**17,317**
Резерв					0,392	**0,392**
Всего	**61,558**	**177,083**	**12,521**	**49,127**	**7,750**	**308,041**

Источник: Четвёртый промежуточный отчёт о сплочении. 2006. http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/interim4_en.htm

Согласно регламенту, меры по распространению информации и рекламы становятся обязательным элементом программ, представляемых в Комиссию с целью получения финансовой помощи ЕС. Специально оговариваются бюджет и правила проведения информационных и рекламных акций; органам ЕС называется ответственное за их проведение лицо.

Информационные сети. С 2002 года дважды в год в Брюсселе проходят собрания Группы информации структурных фондов (SFIT – Structural Funds Information Team), состоящей из представителей государств-членов. Среди результатов работы – практическое руководство по стратегии информации и общения в области региональной политики[1] с разъяснениями, как использовать символику ЕС и т. п.

Серийные мероприятия. Быстро набирает обороты имидж-инициатива "Дни открытых дверей"[2]. Это мероприятие проводилось дважды – в октябре 2005 и 2006 года – с целью привлечения в региональные и городские проекты государственных и частных инвестиций и обмена мнениями по проблемам регионального развития. Поскольку средства Структурных фондов ЕС выделяются в дополнение к имеющимся у регионов финансовым ресурсам, трудно переоценить значение Дней открытых дверей, где регионы имеют еще одну возможность найти финансирование своим проектам. Их организацию обеспечивают Комитет регионов и генеральный директорат "Региональная политика" Европейской комиссии в сотрудничестве с более чем сотней региональных администраций. В 2006 году в рамках форума в Брюсселе и других городах прошли десятки семинаров, сессий, выставок, инвестор-кафе и пр. В мероприятиях приняли участие эксперты, предприниматели, банкиры, представители НПО из государств-членов, стран-кандидатов и стран ЕЭП. Представители России также были в числе приглашённых.

Образование и распространение успешной практики. Всё больше усилий Комиссии направляется на распространение опыта успешно реализованных региональных инициатив. Выпускаются в свет "Учебники успешной практики", содержащие статистические и аналитические отчёты по проектам, признанным лучшими, а также существующие на сегодня правила отбора заявок. Летом 2006 года в Брюсселе дан старт серии практических конференций для региональных органов власти под общим названием "Районы – акторы экономических перемен". Усилиями статистического агентства Евростат поддерживаются статистико-аналитические страницы "Портрет регионов" и "Ежегодник регионов ЕС"[3].

---

[1] http://ec.europa.eu/regional_policy/country/commu/document/guide_art46_en.pdf

[2] http://ec.europa.eu/regional_policy/conferences/od2006/index.cfm

[3] http://forum.europa.eu.int/irc/dsis/regportraits/info/data/en/index.htm
http://epp.eurostat.cec.eu.int/portal/page?_pageid=0,1136162,0_45572073&_dad=portal&_schema=PORTAL

"Общающаяся Европа"

Политика сплочения за последнее десятилетие превратилась в один из способов разъяснения и достижения целей ЕС. С помощью "Сплочения" институты и территории общаются и помогают друг другу.

Пятое расширение ЕС, самое масштабное, дорогостоящее и продолжительное (под этим понимается как длительность его подготовки, так и ожидаемое вступление остальных стран-кандидатов), удовлетворяет многие амбиции Евросоюза и значительно укрепляет его позиции в мировой экономике и политике. Поэтому пятое расширение сегодня можно рассматривать не только как проект по активизации конъюнктуры, но и как имидж-проект ЕС. То же можно сказать о введении единой валюты. Но прежде чем эти проекты стали имиджевыми, их серьёзно готовили. Роль инструментов региональной политики была здесь очень велика.

Так, Фонд сплочения, действующий на основе принципа условного финансирования, оказывает помощь государствам-членам в обмен на их стремление участвовать в валютном союзе. Заинтересованные страны принимают на себя обязательства по достижению/соблюдению так называемых критериев номинальной конвергенции, а также ведут необходимую работу по исполнению этих обязательств.

Подстройка политики сплочения под новое расширение началась в середине 1990-х годов, то есть задолго до официальной даты вступления в Союз десяти новых членов. Поэтому уже в финансовом пакете на 2000–2006 годы – Повестке дня 2000 – для этого были предусмотрены специальные меры. С одной стороны, удалось сохранить помощь нуждающимся странам-старожилам ЕС. Было учреждено специальное правило о низкой поглощающей способности финансовых систем новичков: ежегодные объёмы трансферта по статье "Сплочение" не должны превышать 4% ВВП страны-получателя. А это как раз такой процент, какой имеют сейчас отстающие страны западной части ЕС. С другой стороны, благодаря перераспределению ресурсов общей сельскохозяйственной и региональной политики с 2004 года новым странам было отведено около 10% общего бюджета. Этого оказалось достаточно, для того чтобы вступление в Евросоюз оказалось выгодным странам Центральной и Восточной Европы. Помимо этих средств ежегодно в объёме более 3 млрд евро (или почти 40% расходов на внешнюю политику ЕС) финансировались проекты технического и структурного развития стран-кандидатов: ассигнования осуществлялись через программы Сапард – содействие сельскому хозяйству стран-кандидатов, Испа – поддержка охраны окружающей среды и транспортной инфраструктуры, и Фаре – помощь в адаптации экономик стран Центральной и Восточной Европы к стандартам ЕС.

С 2007 года все действующие в регионе инструменты инвестиционной и технической помощи ЕС включены в единый "Инструмент соседства и партнёрства".

В финансовом пакете на 2007–2013 годы региональная политика ещё больше поворачивается в сторону недавно вступивших в ЕС государств (см. табл. 1). Уже не Испания, а Польша является основным (в абсолютном выражении) получателем помощи по статье "Сплочение". Более того, помощь Польше почти в два раза больше, чем Испании.

До последнего времени ЕС не допускал серьёзного ухудшения социально-экономических показателей в отстающих странах, не доводил до разочарования, до претензий в свой адрес.

Хотя следует отметить, что у отстающих государств периодически возникает соблазн использовать право вето при принятии решений, касающихся стратегии развития Союза. Стоит упомянуть здесь срыв Польшей в ноябре 2006 года начала переговоров между РФ и ЕС о подписании нового Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве. Польша противопоставляет свои интересы интересам ЕС не впервые. На этом пути она переняла опыт Испании – ярого защитника отстающих стран в ЕС.

Статистика развития неблагополучных территорий ЕС далека от желаемой. Основная проблема заключается в падении темпов роста экономик отстающих районов. Согласно данным Четвёртого промежуточного отчёта о сплочении, вышедшего в июне 2006 года, средний показатель за период 1995–2002 годов практически не отличается от показателя по регионам-лидерам (соответственно 2,6 и 2,4%). Это делает проблематичным сближение уровней развития[1]. Районы, пользующиеся поддержкой фондов политики сплочения, формируют только 18% ВВП ЕС-27, хотя в них проживает 39% его жителей. Средний уровень ВВП в расчёте на душу населения таких территорий – чуть выше 60% от среднего по ЕС значения. Например, показатель Литвы – 41%, отдельные районы Болгарии и Румынии не достигают и 25%. К сведению: самый высокий уровень отмечается в Люксембурге – 215%.

Другая проблема – низкий коэффициент занятости. Средний показатель по 25 странам равен 62,9%. Соответственно, остаётся под вопросом достижение одной из целей, поставленных в 2000 году на этапном для ЕС Лиссабонском

[1] http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/interim4_en.htm
Вообще, пока только Ирландии удалось сократить своё отставание от лидеров Союза. Так, по показателю ВВП в расчёте на душу населения она догнала в канун нового века благополучные Нидерланды, Австрию и Данию, тогда как ещё в конце 1980-х годов на треть отставала от среднего по ЕС-15 уровня. За этот же период Греции, Испании и Португалии удалось приблизиться к среднему показателю всего на 10 процентных пунктов. Что касается десяти новых стран, то им не хватит и четверти века, чтобы догнать старожил ЕС, поскольку никто из новичков не смог пока продемонстрировать сходную с Ирландией экономическую динамику.

саммите, а именно цели повышения уровня занятости до 70% к концу десятилетия. Для этого требуется обеспечить рабочими местами ещё 22 млн безработных, 7 млн из которых проживают в восточной части ЕС. Только Дания, Швеция, Нидерланды и Великобритания достигли искомого ориентира.

Наконец, средний уровень расходов на НИОКР в странах ЕС заметно ниже, чем в США и Японии (1,93% ВВП и, соответственно, 2,59% и 3,15%). Увеличить его к 2010 году до 3%, как то предписывает Лиссабонская стратегия, вряд ли удастся, учитывая отсутствие динамики показателя все последние годы. Таков был вердикт июньского выпуска бюллетеня Евростата "Наука и технологии. Статистика вкратце" (2006 г.). Лишь 2,5% районов ЕС (!) преодолели установленную в Лиссабоне планку. Лидером здесь выступает немецкий Брауншвейг с расходами на НИОКР свыше 7% ВВП.

Сегодня многие цели Лиссабонского саммита кажутся труднодостижимыми, а основной его девиз – "сделать экономику ЕС самой конкурентоспособной и динамичной в мире" – даже заоблачным. Однако Союз не снимает с повестки дня лиссабонскую тему, наоборот, обеспечивает ей серьёзную экспертную поддержку. Следует в связи с этим отметить деятельность групп высокого уровня – независимых экспертов, специально приглашаемых Президентом Европейской комиссии. На сегодняшний день известны два документа: Отчёт группы, возглавляемой Андре Сапиром, вышедший в середине 2003 года, и Отчёт группы Вима Кока, обнародованный в конце 2004 года.

Скорректированы, в частности, задачи региональной политики. Это не просто благотворительность, подтягивание показателей развития отстающих регионов к среднему по ЕС уровню при помощи безвозмездных субсидий депрессивным отраслям, инфраструктуре, охране окружающей среды. Теперь это ориентирование регионального развития на инновации, повышение образовательного уровня населения, передача успешного опыта управления региональным развитием.

В последних официальных документах основной причиной неравномерного развития называется неконкурентоспособность территорий. Новый подход заключается во включении региональной конкурентоспособности в систему обязательных составных элементов конкурентоспособности ЕС. Этому даётся следующее обоснование. Неконкурентоспособная компания покидает рынок, отдавая его более успешным, от чего выигрывают и потребители, и рынок. Неконкурентоспособный регион не может исчезнуть, а становится постоянным тормозом развития группировки. В этом смысле региональная конкурентоспособность сходна понятию устойчивого развития. Наконец, сплочение и конкурентоспособность называются взаимодополняемыми понятиями.

Конкурентоспособный регион – точка роста конкурентоспособности ЕС. Сформулирована задача – оживить депрессивные территории, создав в каждом регионе фундамент для роста "новой экономики" в целях устойчивого развития и повышения благосостояния всего Союза.

Реализация Лиссабонской стратегии, в том числе поддержка наукоёмких секторов экономики и повышение занятости в НИОКР, названы среди приоритетов региональной политики на 2007–2013 годы, на что пойдёт примерно треть её средств. Финансирование получат проекты, имеющие целями передачу технологий, создание партнёрских связей между бизнесом и наукой, повышение квалификации исследователей, модернизацию учебного процесса, создание единого рынка исследователей, поддержку трансграничных инновационных программ, реформу системы государственной поддержки НИОКР, защиту интеллектуальной собственности, поощрение сбыта инноваций, повышение конкурентоспособности ЕС на мировом рынке.

Европейская комиссия проделала большую подготовительную работу, чтобы сориентировать в данном направлении тех, кто несёт ответственность за развитие территорий[1]. Так, например, в марте 2005 года в Брюсселе Комиссия собирала региональных лидеров и представителей экспертного сообщества на конференцию под названием "Сплочение и Лиссабонская повестка дня: роль регионов". В преддверии Четвёртого форума о сплочении (июнь 2007 г.) Комиссия запланировала серию конференций на тему "Регионы как инициаторы перемен в экономике. Поддержка НИОКР"; время проведения мероприятий – июнь и декабрь 2006 года, а также февраль 2007 года. В ноябре 2006 года в Граце (Австрия) завершилась ещё одна серия конференций, начатая в Шеффилде (Великобритания) в 2003 году и направленная на распространение успешной практики. Объектом внимания на форуме региональных лидеров "Новые горизонты в Граце" также стали инновационные программы[2]. Среди известных проектов, осуществляемых при поддержке ЕС, – Европейская региональная сеть инноваций ERIK.

* * *

Общающаяся Европа[3] – так сформулирован важнейший приоритет политики сплочения. Официальные документы, выступления лиц, ответственных за проведение региональной политики, финансовые стимулы нацеливают регионы на реализацию Лиссабонской стратегии, на борьбу с социальными болезнями Европы и формируют в общественном мнении образ самой прогрессивной в мире группировки стран.

---

[1] См. подробнее: http://europa.eu.int/comm/regional_policy/themes/lisbon/lisbon_en.htm

[2] http://www.best-practice-graz.at

[3] D. Hubner, Commissioner for Regional Policy. Plenary session Speech. "Cohesion and Lisbon Agenda: The Role of the Regions". Brussels, 3 March 2005.

Нина ГЕТАШВИЛИ

ЕВРОПА. ЖИВОПИСЬ XX ВЕКА

(Статья вторая)

Среди множества течений в изобразительном искусстве XX столетия заметное место занимает экспрессионизм, оказавший сильное влияние на многих известных художников или ставший содержанием их художественного творчества в первой четверти века. Как термин в истории искусства он применим к широкому кругу явлений, а как определенное течение экспрессионизм развивался и проявил себя наиболее ярко в Германии и Австро-Венгрии.

Германия. Великие экспрессионисты.

Своего рода "идеологической платформой" для экспрессионизма стало особое отношение к искусству с конца XIX века немецких философов[1]: по их мнению, произведения должны были нести в себе исключительно лишь волю творца, создаваться по "внутреннему стремлению" (*innerer Drang*), "внутренней необходимости" (*inner nessesity*), которые в пояснениях не нуждаются и оправданию не подлежат. Такая позиция оказалась созвучной новым формальным поискам – художественный мир переосмысливал европейские эстетические ценности, заново открывал экзотику и достоинства искусства Африки, Полинезии, Дальнего Востока. Проявляется особый интерес к творчеству ранних нидерландских мастеров, готики, Эль Греко. И молодое поколение художников сразу же сталкивается с многообразием способов выражения, отметив, что непривычное искажение формы помогает достичь нужной степени выразительности. Болезненное искусство экспрессионизма стало попыткой показать внутренний

[1] К. Фидлер, Т. Липпс, В. Воррингер и др.

© ***Геташвили Нина Викторовна*** – кандидат искусствоведения, профессор Российской академии живописи, ваяния и зодчества.

мир человека, его переживания, как правило, в момент предельного духовного напряжения.

Экспрессионисты считали своими предшественниками и швейцарца Ф. Ходлера (1853–1984), и норвежца Э. Мунка (1863–1944), и бельгийца (англичанина по отцу) Дж. Энсора (1860–1949), и французских постимпрессионистов П. Гогена (1848–1903), А. де Тулуз-Лотрека (1864–1901), и В. ван Гога (1853–1890). Идеологи экспрессионизма утверждали, что в отличие от других только немец творит формы, опираясь на фантазию, на внутреннее видение, а предметы реального мира для него лишь символы. Вообще в экспрессионизме было много противоречий. Громкие декларации об участии в строительстве нового мира, казалось бы, плохо согласовывались со столь же яростными проповедями крайнего индивидуализма и (ради погружения в субъективные переживания) с отказом от передачи объективной картины мира, столь героически утверждаемой еще недавно в своих полотнах передовым импрессионизмом. А кроме того, культ индивидуализма непостижимым образом сочетал стремление "раствориться во Вселенной" с постоянным желанием объединяться.

Первой значительной вехой в истории экспрессионизма стало рождение объединения "Мост"[1], которое создали в ноябре 1905 четверо студентов-архитекторов из Дрездена – Эрнст Людвиг Кирхнер (1880–1938), Фриц Блейль (1880–1960), Эрих Хеккель (1883–1970) и Карл Шмидт-Ротлуфф (1884–1967). В 1906 году в группу вошли Макс Пехштейн (1881–1955), финский художник Аксели Галлен-Каллела (1865–1931), фовист ван Донген, в 1910-м – Отто Мюллер (1874–1930).

Целью группы было "средствами искусства перебросить мост" от мира реальных вещей к миру духовных сущностей. "Мостовцы" предложили фовисту голландцу Эмилю Нольде (1867–1957) присоединиться к ним. Эстетика экспрессионистов была близка Нольде, и он принял предложение.

Хотя "Мост" появился тотчас же вслед за выступлениями фовистов на парижском Осеннем салоне, его создатели утверждали, что действовали самостоятельно. В Германии, как и во Франции, естественное развитие живописи привело к изменению художественных методов. Здесь также отреклись от светотеневой моделировки и перспективной передачи пространства. Краски "мостовцев" часто ложатся плоскостями. Поверхность холстов кажется обработанной грубой кистью без всякой заботы об изяществе. На самом деле художники искали новую, агрессивную гармонию, вобравшую в себя дискомфорт жизни, тревогу. Цвет, считали они, обладает собственным смыслом и сам по себе способен вызывать эмоции. Подчас ему придавали символическое значение. Так у

[1] К изобретению названия их вдохновила фраза любимого всеми немцами и глубоко чтимого Ф. Ницше из книги "Так говорил Заратустра": "Человек – не цель, а мост... путь к новому рассвету".

Нольде в картине "Великий садовник" (1940) синий стал символом бесконечности, Божественного начала.

Мостовцы испытывали постоянные материальные трудности. Денег не хватало даже на покупку новых холстов. Приходилось соскабливать с уже завершённых полотен краску, чтобы написать новую картину. Поэтому о дрезденском периоде их творческой деятельности сохранилось немного сведений. Впрочем, они стали ежегодно издавать так называемые "папки", каждая из которых воспроизводила работы одного из членов группы. Первый публичный показ своих работ художники устроили в 1906 году в помещении завода осветительной аппаратуры. Но и эта, и другие их выставки мало интересовали публику, и постепенно мостовцы перебрались в столицу. А в 1913 году Кирхнер опубликовал "Хронику художественного объединения "Мост", которая вызвала резкое несогласие других членов, посчитавших, что автор слишком завысил оценку собственной роли в деятельности группы. В результате объединение прекратило существование. Между тем для каждого из его участников период сотрудничества оказался важнейшей вехой художественной биографии.

Ведущий художник и теоретик группы Э.Л. Кирхнер помимо учебы на архитектурном отделении Высшей технической школы в Дрездене брал уроки живописи в одной из художественных школ Мюнхена. И если в его ранних работах явственно влияние Ван Гога и Мунка ("Улица в Дрездена"), то очень скоро, впечатлившись тяжеловесной, грубой выразительностью средневековых печатных досок, он обретает и собственную манеру, ограничивая широким резким, нарочито упрощенным контуром яркие цветные плоскости ("Автопортрет с моделью", "Автопортрет в виде солдата", "Пьяница").

Пребывание на фронте, куда его мобилизовали в 1915-м, стоило художнику душевного здоровья. Но и на лечении в Швейцарии он продолжал заниматься любимым делом. Однако, когда по приказу гитлеровского правительства в 1937 году были конфискованы его работы (как "дегенеративные"), Кирхнер покончил с собой.

"Мой прекрасный, мой трагический мир" – так определил однажды Нольде образы, которые рождались в его душе. Эмиль Ханзен (такова его настоящая фамилия) родился в городке Нольде на севере Германии (сейчас это Дания). Окончив школу художественной резьбы, он работал на мебельной фабрике. Эти обстоятельства значительно повлияли на его живописную манеру. Как и в работах средневековых мастеров-ремесленников, у Нольде мистическое, возвышенное сопрягается с наивным, бытовым. Чтобы получить художественное образование, он уже в зрелом возрасте посещал частные школы Дахау, Мюнхена, Парижа и Копенгагена.

Грубая выразительность, искажение цвета и формы как проявление напряжённости чувств – все эти черты, характерные для экспрессионизма, у Нольде проявляются в высшей мере. Именно поэтому молодые "мостовцы" так настой-

чиво приглашали его принять участие в деятельности их группы; правда, он отошел от объединения уже через год.

Нольде часто обращался к религиозной тематике. С 1908 по 1912 годы он написал 25 работ на библейские сюжеты, в том числе серию "Жизнь Христа", которая возмутила церковных иерархов и была снята с выставки в Брюсселе. Лица персонажей Нольде превращает в уродливые маски, он искажает пропорции фигур, утрирует жесты. Его краски – это тревожные сполохи фиолетового и чёрного. Столь необычное отношение к религиозной теме впервые возникло в живописи XX века. В 1910–1911 годах Нольде создал серию экспрессионистических пейзажей, в которых природные стихии – земля, вода, небо – сталкиваются друг с другом, словно стремясь слиться воедино; а после 1920-х годов пейзаж стал основной темой его творчества. "Мои картины с первобытными людьми и акварели так правдивы и терпки, что их немыслимо повесить в каком-нибудь благоухающем салоне". Но не только из салонов изгонялись работы Нольде. Нацисты, придя к власти, запретили художнику вообще "заниматься искусством". Удалившись в деревушку Зеебюль (близ родной Нольде), он тайно выполнил около полутора тысяч маленьких акварелей, которые называл "ненаписанными картинами".

В Берлине хозяин галереи "Штурм" Хервардт Вальден, показывавший работы бывших дрезденцев, впервые определил их искусство как "экспрессионизм". А продолжая свою деятельность, он и другие выставки называл "экспрессионистическими", в том числе и экспозицию под названием "Синий всадник".

Идеи экспрессионизма повлияли на творчество самых разных мастеров, не входивших ни в какие общества и группировки. Были и такие, кто участвовал в общих начинаниях лишь короткое время (как это случилось с Нольде), и те, кто, не удовлетворившись одной программой, пытался найти более совершенные формы организации творческих союзов. Прирожденный лидер, талантливый организатор Василий Васильевич Кандинский (1866–1944) стал основателем нескольких художественных объединений: "Фаланга" (1901–1904), "Новое художественное общество Мюнхена" (Neue Runstlervereinigung Munchen, NKVM. 1909–1911), значительную часть которого составляли выходцы из России, и, наконец, "Синий всадник" (1911–1914), по существу представляющий собой редакционную группу одноименного альманаха. Василий Васильевич Кандинский, сын негоцианта, в Московском университете изучал экономику и юриспруденцию. Увлекался этнографией. Однако в 1896 году, после посещения французской индустриальной и художественной выставки в Москве, он круто изменил свою жизнь. Петербургская, а затем Мюнхенская Академии художеств отточили его природные дарования. Мюнхен во времена пребывания там Кандинского был центром югендштиля[1], и Кандинский очень скоро пленился его

[1] Наименование своё немецкий модерн получил по названию мюнхенского журнала "Югенд", вокруг которого объединились молодые художники, приверженцы нового стиля.

эстетикой. Впрочем, следует говорить о влиянии символизма в целом. Увидеть за материальной оболочкой мира его настоящее, "духовное" содержание стало задачей мастера. В поисках пути к синтетическому искусству он использует различные манеры, техники, жанры и темы. В разное время он обращается к созданию оперы "Жёлтый звук", сборнику гравюр "Стихи без слов" (1904) и поэмы "Созвучия" ("маленький пример синтетической работы", 1912), отвлечённой постановке "Картинок с выставки" Мусоргского с персонажами в виде цвета, света и геометрических фигур (1928). Результатами исканий стали весьма радикальные выводы – лишь "чистое искусство" способно осуществить прочную связь души человека с огромным окружающим его миром[1]. В 1911 году он продемонстрировал "городу и миру" свою работу с программным названием "Первая абстрактная акварель". Подобный радикализм вызвал упрёки со стороны коллег и соратников по NKVM, что привело к выходу Кандинского и его сторонников из состава объединения и организации выставки и альманаха "Синий всадник". (Уже позже он говорил, что понятие "абстрактная живопись" перестает отвечать сути его поисков. В сухой геометризм треугольников и квадратов он включает круг как знак мироздания, способный воплотить четвертое измерение. А живопись трактует, прежде всего, как "язык универсума", "космизм".)

В свет вышел лишь первый номер альманаха "Синий всадник" – в 1912 году (в начале 1914 – повторным изданием). Однако художники, сплотившиеся вокруг него, их идеи заметно повлияли на развитие европейского искусства. Альманах "Синий всадник" оказался в числе первых программ авангардистов (после манифеста футуристов). Парадоксальным образом, несмотря на то что обычно авангардистов принято именовать формалистами, "Синий всадник" постулировал вторичность формы в искусстве и первичность – содержания. Художники высказывались об особенностях современного искусства: высокой роли цвета (и тут они, так по-разному интерпретировавшие его, были единодушны), отказе от попыток имитации реальных форм. Они анализировали совершенно разные произведения искусства, от готики до лубка, подтверждая их скрытое родство в поисках выразительности. Впервые в ранг высокого искусства были возведены детские рисунки. Август Макке (1887–1914), товарищ Кандинского и один из организаторов "Синего всадника", писал: "Не являются ли дети, непосредственно выражающие свои внутренние чувства и эмоции, более высокими творцами, чем последователи греческого идеала?" Его собственные полотна, яркие, красочные, приближались наивной открытостью и простотой к детскому видению. Другой соратник Кандинского по "Синему всаднику" Франц Марк (1889–1916) фактически оказался крестником альманаха[2]. Это для него лошади, кони были символом свободы, а синий – символом мужественно-

---

[1] Следует помнить также об увлечении Кандинского в этот период антропософией и теософией.

[2] Вот слова Кандинского: "Оба мы любили синее, Марк – лошадей, я – всадников. Отсюда и название".

сти (впрочем, он писал и жёлтых, и красных лошадей, наделяя и эти цвета соответствующей символикой).

Выставки экспрессионизма были поистине интернациональны. В соседней Австрии он возжёг две ярчайшие звезды – Эгона Шиле (1890–1918) и Оскара Кокошку (1886–1980). В полотнах Кокошки цвет достигает высоких нот напряжения, а образы кажутся искажёнными от потрясших их видений. Если основным средством выражения экспрессионистов был яркий цвет, то для Шиле характерны прежде всего напряжённо вибрирующие поверхности, точна его гротескно-резкая тонкая линия.

Годы Первой мировой разметали экспрессионистические объединения, а в 1933 году нацисты, пришедшие к власти в Германии, объявили экспрессионизм вне закона. Многолетняя кампания против его представителей увенчалась мощной циничной акцией: в 1937 году в Мюнхене была организована большая выставка под названием "Дегенеративное искусство" ("Искусство вырождения", Entartete Art). Экспонаты (в основном это были произведения немецких и австрийских экспрессионистов, а также представителей парижской школы), выставленные на поругание, подлежали уничтожению. Многие погибли. И всё же корысть, желание пополнить казну сыграли спасительную роль: часть произведений тайно была продана за границу. В 1992 году они на время вернулись из различных собраний в Берлин, чтобы "принять участие" в экспозиции-воспоминании об акции 1937-го. Тогда панорама движения предстала во всей своей широте и многозначности. Бесконечные очереди на выставку ещё раз продемонстрировали, что это горькое, трагическое искусство, отразившее страсти своего времени, захватывает, потрясает и сегодняшних зрителей.

Стремление к экспериментам, осознание своей роли новаторов объединяла художников, приближенных к экспрессионистическим кругам самого разного толка, и побуждала их к новым открытиям. Хотя подчас ощущается совершенно очевидная условность, когда речь идёт об одном из лидеров "экспрессионизма" Пауле Клее (1879–1940), которого поначалу мало занимали проблемы света и цвета, несмотря на агрессивную красочность живописных работ своего экспрессионистического окружения, когда в 1911 он вошёл в круг художников "Синего всадника". Лишь после поездки в Тунис (1914) нежные цветовые гармонии стали у него естественной средой для утончённых, изысканных геометрических структур. Его необычные композиции, кажется, рождены новым пониманием связей мира, его устройства. Он верил, что искусство "не передаёт только видимое, а делает зримым тайно постигнутое". Конкретная реальность растворяется в живописных фантазиях. Интуитивные поиски приводят к сказочной магии и "лирической" геометрии. Но более всего подобные композиции напоминают рукоделие гениального ребёнка. Творчество Клее с равным основанием относят и к другим главным "измам" XX века – кубизму, сюрреализму, абстракционизму. Но с тем же основанием можно говорить, что оно не принадлежало ни к одному направлению.

Сюрреализм. Предтечи и мессии

В предысторию сюрреализма неизменно включаются этапы дадаизма и "метафизической" живописи.

Основателем метафизической школы считается Джордано де Кирико (1888–1978), который в 1916 году в военном госпитале Феррары встретил своих друзей-художников, ставших его единомышленниками, – своего брата Альберто Савиньи (настоящее имя Андреа де Кирико, 1891–1952), Карло Карра (1881–1966) и Филиппо де Писиса (1896–1956). Тогда они и образовали группу "метафизического искусства". Карра, изменив своему футуристическому запалу, стал писать пустынные площади, манекены, арочные стенки. Он же выпустил в 1919-ом книжку под названием "Метафизическое искусство", объявив о таковом всему миру. Язвительный Де Кирико и не выяснял отношения по поводу, кто именно является главой школы. Все было предельно ясно. Свои работы он называл метафизическими еще в бытность в Париже, когда звенели футуристические фанфары земляков.

Картины Джорджо де Кирико легко описывать – они кажутся реалистичными и лишь чуть-чуть лукавят в передаче перспективы (точка схода, словно тонким пинцетом, относится дальше положенного в глубину пространства), пропорций, цвета. Труднее объяснить то стойкое впечатление таинственности, непонятной тревоги, "другой" реальности, которые они порождают. В пространстве модернизма творчество Де Кирико провокационно и программно обращено к культурному наследию. Однако модернистский дискурс довлеет над любым стремлением привязать его искусство (в том числе и поздних периодов) к линии развития неоклассицистических вариантов. Важно подчеркнуть, что метафизик Кирико, оставаясь верным себе, казалось бы противостоя авангарду, двигался в русле, более того – в мейнстриме модернистской парадигмы и даже определял её.

Герметичность метафизической живописи Де Кирико, энигматичность, постулированная автором и очаровывавшая благодарных зрителей, на первый взгляд делает любое погружение в замкнутый мир её "тайных" образов нелегитимным, уподобляя ходу против принятых правил в игре.

Итальянский художник, уроженец Греции, Де Кирико получил солидное художественное образование в афинском Политекниконе и Мюнхенской Академии художеств. В 1911 году его живопись приобрела иное, чем раньше, качество, и в этом он истинный сын "парижской школы", ибо с этого года он поселяется в Париже и становится своим в авангардных кругах. Художник полностью отказывается от проявлений чувственно-романтической эмпирики, от логики в композиционных сцеплениях. Однако определенная романтическая основа сохраняется. Именно на ней зиждутся его понятия, такие как "ирония", "меланхолия", "тайна", "загадка", "мистерия", "непостоянство" и другие. Создавая свои созвездия дискретных образов ("глубинная бессмыслица жизни"), он уклоняется от исходных смыслов, предоставляя зрителю некий тайный код, за знаками

которого они обретают томительную неразрешимость. В его метафизических картинах исчезает эффект причастности и появляется изумленная отстраненность. Дисциплина линеарной геометрии растворила телесность в интеллектуальных, рационалистических построениях, которые оказались лучшими проводниками иррационализма. Внешняя экспрессия истаяла, трансформируясь во внутренние потенции[1], неподвластные точным определениям. Гипноз ритмических конструкций с инверсионными смещениями в композиции и акцентированной перспективой способствовал закреплению "метафизического" настроя, а ясность форм, как ни странно, – мистического[2].

В те же годы, когда появилась школа метафизиков, возникло и движение **дадаизма**. Весёлое имя "дада" (от фр. dada – игрушечный конёк, а также детский лепет) стало основой термина, обозначающего определённый этап европейской культуры, который можно было бы назвать культурой военного времени. Хотя правы и те, кто называет его "контркультурой" или "антикультурой". Прежде всего возникал вопрос – какое *это* имеет отношение к художественному творчеству? Ибо главной идеей, выведенной дадаистами на "сцену" культуры военного времени, было разрушение какой бы то ни было эстетики. Дадаистов даже нельзя было упрекнуть в чем-либо, они сами провозглашали: "Дадаисты не представляют собой ничего, ничего, ничего; несомненно, они не достигнут ничего, ничего, ничего". Ошарашенная публика, естественно, ничего и не понимала, а потому каждая дада-акция заканчивалась крупным скандалом.

Начиналось движение в нейтральной Швейцарии, куда стекались из разных стран дезертиры, среди которых оказались художники и поэты. В 1916-м они стали собираться в цюрихском кабаре "Вольтер", где и родилось движение дада. Зачинателями его были французский теоретик искусства, живописец и поэт Тристан Тцара[3] (1896–1963), эльзасский живописец, скульптор и поэт Ханс Арп (1886–1966), швейцарская художница Софи Тауберг (1889–1943) и др. Мир разваливался на глазах в циничной самоубийственной бойне, но продолжал выступать с высокопарными лозунгами. И дада, преодолев горечь и возмущение,

---

[1] Что резко отличало его работы от современных ему французских авангардистов и тем более от футуристов.

[2] "Тенденцию, которой суждено в настоящий момент возобладать над всеми остальными, – пишет Савиньи в 1914 году, – отличает прежде всего строгость форм при отсутствии какой бы то ни было пышности, а также материальное воплощение вдохновляющей её метафизики, исключающее всякую двусмысленность… Ушли прочь те времена, когда всем заправляла абстракция – наша эпоха призвана исторгнуть из самой природы вещей полную таблицу их метафизических элементов. Сама идея метафизики, воспринимавшаяся до сих пор лишь как отвлечённая характеристика, становится теперь смыслом произведения. Нам предстоит огромная работа по всеобъемлющему освоению всего того, что формирует изнутри любого думающего и не потерявшего способность чувствовать человека". (Цит. по кн.: Бретон А. Антология черного юмора. М. 1999. С. 382–383).

[3] Собственно, Сами Розеншток. Был он выходцем из Румынии.

смеялся над ним, дразнил и провоцировал его. Футуристы тоже сбрасывали традиции "с корабля современности", но тут же провозглашали собственные ценности. Дада смеялся и над футуризмом. В этом была принципиальная разница: при всем своем разрушительном пафосе футуризм был патетично серьёзен. Дадаисты же – играли. Поэты декламировали бессвязные наборы слов (причём хором, то есть "симультанно"). Художники делали костюмы для танцев из цилиндров и конусов, демонстрировали композиции, в которых не усматривалось даже скрытого, тайного смысла – абстракции и коллажи, произвольно совмещающие разные предметы, нимало не заботясь о какой бы то ни было цельности, не претендуя на создание каких бы то ни было ценностей. В отрицание таковых дада имел своих предшественников. С 1913 года в Нью-Йорке французский художник Марсель Дюшан (1887–1968) стал выставлять обычные предметы обихода массового производства, давая им названия и снабжая собственноручной подписью – "реди мейд". Знаменем, символом всеотрицающего дадаизма стала его кощунственная "Мона Лиза с усами" (1919). Вместе со своим другом Франсисом Пикабиа (1879–1953), который делал тогда же абстрактные акварели и "механоморфные" композиции, вдохновляясь инженерными схемами, он скандализировал американскую публику. Дюшана и Пикабиа с полным правом можно считать обитателями интернационального "Дадаленда", как называли позже сферу распространения идей дадаизма. Стоит ли напоминать, что именно дюшановские эксперименты станут в 1960-е основой поп-арта, а чуть позже и концептуализма?

Космополитизм дада резко противостоял государственному национализму Франции, Италии, Германии. Если в Швейцарии дада склонялся к абстракции, немецкий дадаизм был, в основном, фигуративен. На его выставках можно было встретить антивоенные композиции Георга Гросса (1893–1959), ассамбляжи Отто Дикса (1891–1961), абстракции Кандинского, Клее, Арпа, который стал делать бессознательные импровизации по новому для мира принципу автоматического письма. Неистощимым изобретателем соединений в одном произведении различных материалов, техник и методов был Макс Эрнст (1891–1976). Изображаемые предметы вырывались из привычной среды и вступали в новые связи. Художник называл их "случайной встречей двух различных реальностей на неподходящем плане". К 1922 году, когда Эрнст перебрался в Париж, пик популярности дадаизма во Франции был пройден, но память о нём ещё вдохновляла художников. Однако уже назрел раскол. Полемизируя с продолжавшим настаивать на полной бессистемности творчества и отрицания всего и вся Тцара, Андре Бретон (1896–1966) и его товарищи утверждали необходимость нового знания и относились к своим изысканиям вполне серьёзно. Так в недрах дадаизма зародилось ещё одно мощное художественное направление XX века – сюрреализм.

Слово это (в переводе с французского "сверхреальность") уже давно перестало быть только названием художественного направления, а стало общеупот-

ребимым понятием, обозначающим нечто странносочетаемое, удивительное, фантастическое, оторванное от реальности. Впервые же оно прозвучало во вступительном слове к постановке драмы Гийома Аполлинера "Груди Тересия" в 1917 году. В отличие от многих других направлений, у "исторического" сюрреализма существуют четкие временные границы. Начало ему положил "I Манифест сюрреализма", опубликованный французским поэтом Андре Бретоном в 1924 году, а в 1969-м, с самороспуском парижской группы, сюрреализм официально завершил свое существование. Действительное развитие движения, однако, размывает столь определенные рубежи; многие современные художники пользуются философией и методами сюрреализма.

Создатели этого направления в искусстве предлагали человечеству универсальный метод мышления, способствующий установлению новых связей со Вселенной. Предполагалось, что произвольные ассоциации, отсутствие контроля рассудка, отказ от эстетических и моральных норм, от существующих психологических связей освободят мысль, позволят проявиться её истинной сущности.

Время способствовало революционным переменам, и сюрреалисты готовили революцию сознания. Их группы постоянно обновлялись. Поэтому за время своего существования движение включило в себя множество имен художников, чьё творчество определяет картину развития искусства XX века.

Сюрреализм многое почерпнул из легкомысленных открытий дадаизма, отринув его насмешливость. И речь идёт не только о наследственной приверженности к публичным скандалам, о дадаистах, составивших ядро нового движения (Арп, Эрнст, Дюшан, Пикабиа и др.). Сюрреалисты использовали ключевые приемы дада – "реди мейд", "автоматическое письмо", совмещение в одном произведении образов, лишенных логических взаимосвязей. Всё это подкреплялось интуитивистской философией Анри Бергсона, теориями Зигмунда Фрейда о бессознательном и о значении сновидений для понимания подлинных вкусов, влечений и причин поступков человека. Брался на вооружение основанный на свободных ассоциациях психоанализ. Словосочетание "чудесная встреча", вследствие которой возникает сюрреалистический образ, подразумевает произвольное с точки зрения обыденной логики соединение различных изображений. Именно в таких случайных "встречах" усматривалась возможность обнажить черты ощущаемой, но скрытой для разума поэтической реальности. Обманная иллюзорность на холсте должна была подчеркнуть бредовость возникающих образов. Тревогой наполнены пустынные ландшафты Ива Танги (1900–1955) ("Медлительный день", "Свидание параллелей", "Лента излишеств" и др.). В 1920-е годы их называли жестоким и дотошным описанием первых дней после катастрофы, а позже – предчувствием пейзажей после атомного взрыва. Танги заселяет свои полотна непонятными, выписанными с убедительной конкретностью предметами-существами. Совсем иная интонация звучит в не менее томительно загадочных по характеру полотнах бель-

гийского художника Рене Магритта (1898–1967). Его персонажи очень трудно назвать одушевлёнными, несмотря на то что они хорошо и точно выписаны. Поэтому метаморфозы, происходящие с ними, – неожиданное растворение лица в пространстве, как в "Черной магии"№ (1935) или исчезновение лица почтенной дамы за букетом фиалок в картине "Большая война" (1964) – часто вполне соответствуют ещё одной идее сюрреализма – "промежуточности". Картины Магритта – интеллектуальные игры, подчас очень жёсткие, посредством которых художник пытается вызвать изумление у зрителя, заставить его заметить странности, скрытые в упорядоченном и незыблемом для обывательского взгляда укладе жизни.

В отличие от Магритта "промежуточные образы" другого мэтра сюрреализма, испанского художника, каталонца Хуана Миро, часто теряют конкретные, реальные признаки. Впрочем, искусство Миро так многогранно в своих проявлениях, что легко замечалась его "отдельность". Он создал свой собственный стиль – праздничный, наивно-ироничный, способный на волшебные преображения и открытия и при этом полный доброй надежды. Птицы и созвездия, женщины и музыка наполняют его картины. Конечно, речь идёт об образах-знаках, сделанных гибкими линиями, цветными кругами, бантиками и звёздами. Линеарные волны и выразительные пятна-кляксы подчас воспринимаются как абстрактные элементы композиции, но Миро всегда опровергал такое понимание (вернее, непонимание) своего творчества: "...для меня форма никогда не бывает абстрактной, она всегда – звезда, человек или ещё что-нибудь".

Символом же сюрреализма стало творчество испанского художника Сальвадора Дали (1904–1989).

Сальвадор Дали, "великий и ужасный"

Трудно назвать другого художника, вокруг имени которого сложилось бы такое огромное количество мифов. Неудивительно: Сальвадор Дали считал своё существование на публике ещё одной гранью творчества и поэтому всяческими новыми затеями постоянно провоцировал интерес к своей особе. Однако и вне флёра эпатажа, парадоксов и мистификаций совершенно ясно, что универсальный маэстро – живописец, график, скульптор, дизайнер, поэт, теоретик, драматург – занимает универсальное по своему значению место в художественной культуре XX века. Впрочем, почему только XX? "Далимания" интенсивно длится по сей день. Музеи Дали в Испании (Фигерас, Порт-Льигат, Пуболь), Франции (Париж), США (Сент-Питерсберг), Австрии (Вена) почти ежедневно принимают нескончаемые потоки посетителей. Выставки работ Дали ежегодно переезжают из города в город; во многих культурных центрах мира работают галереи, специализирующиеся на его творчестве.

Сальвадор Фелипе Хасинто Дали родился в небольшом каталонском городке на северо-востоке Испании. С малых лет, а затем в пору учёбы в муниципальной школе рисования и в колледже монашеского ордена Христианских братьев обнаружился особый нрав и склад восприятия мира Дали. Он рано начал рисовать и рано начал проявлять свои амбиции в искусстве: ещё в 1918 году на выставке каталонских художников в Фигерасе были замечены две его живописные работы и в прессе прозвучали первые пророчества о великом будущем, которое ожидает юного Дали. Он страстно увлекался импрессионизмом, затем кубизмом, футуризмом, лихорадочно выхватывая сведения о парижских новациях из газет и журналов, из разговоров, которые велись в кругах местной интеллигенции, куда он был вхож. При этом в отличие от многих представителей авангарда, у него никогда не возникали протестно-нигилистические стремления и "классиков" он всегда почитал. Поступив в 1922 году в мадридскую Академию Сан Фернандо, он "требовал от профессоров академической выучки", не встречая понимания ни со стороны преподавателей, ни со стороны однокашников. И гораздо позже, не боясь упреков в консервативности, провозгласил очередной свой парадокс: "все неукорененное в традиции – плагиат".

Среди сообщества молодых провинциалов, населявших студенческое общежитие ("Студенческая резиденция") в Мадриде, он сблизился с Л. Бунюэлем, впоследствии ставшим выдающимся кинорежиссёром (с ним вместе Дали будет работать над первыми сюрреалистическими кинофильмами "Андалузский пес" в 1928-м и "Золотой век" в 1930-м), и поэтом Федерико Гарсиа Лорка. Удивительна эта юношеская дружба трех будущих художников века, словно напитавшая их творчество взаимными взрывными креативными токами.

Для дальнейшего выбора Дали определяющим оказалось воздействие Лорки. Шаг за шагом, "приверженец точности", кубист (на то время чуть ли не единственный в Мадриде), Дали, уверенный во всемогуществе Разума (даже из трудов любимого им Фрейда Дали стремился извлечь для себя главное – возможность истолковать и растолковать), поддавался "поэтической Вселенной" поэта, провозглашавшего присутствие в ней неподвластной определению тайны.

Из Академии в 1926 году Дали был исключён за дерзкое поведение. Он всегда дерзил в искусстве, словно enfant terrible, переполненный комплексами. Свои "детские страхи" и "провинциальную неуклюжесть" сам он объяснял просто: "Нормальность ставила меня в тупик". К этому времени успешно состоялась его первая персональная выставка в Барселоне, на которой демонстрировались работы, совмещавшие традицию с экспериментом, обнаружившие точный реалистический взгляд, выверенный структурным видением кубизма ("Девушка из Фигераса", "Женская фигура у окна" и др.). Ощутимая материальность предмета, умение передать его фактуру и плотность – существенные стороны художественного почерка Дали, проявлявшегося независимо от вдохновившей его идеи, будь то сюрреалистические поиски или воспоминание о Вермере, которым он восхищался ("Корзинка с хлебом"). В некоторых

работах (“Фигура среди скал”, 1926; “Неокубистическая штудия”, 1926) прослеживается влияние Пикассо, который в далианской мифологии занял место в ряду “отцов” (со всеми вытекающими фрейдистскими выводами о необходимости преодоления патернальной власти).

Приезд художника в Париж в 1926-м, казалось бы, запоздал: творческая энергия века пережила свой пик, основные художественные открытия уже свершились. И все же он имел право утверждать: “Сюрреализм – это я”, ибо, безусловно, его творчество олицетворило силу и блеск художественного движения, придало ему классичность. В сюрреализм он привнес свой метод – “параноидально-критический”. Исследование глубин человеческого сознания на уровне фиксации, улавливания пробегающих в нём бессвязных образов его уже не удовлетворяло. Ему необходимо было переводить “невнятный бред на язык физически ощутимой реальности”. Правда, это вовсе не означало возможности окончательной разгадки его ни автором, ни зрителем.

1929 год был знаменательным в биографии Дали. Элен Элюар (до первого замужества Елена Дьяконова-Девулина) становится его спутницей, моделью, его Галой-праздником. Этим же годом помечены первые “классические” сюрреалистические полотна Дали “Просвещённые удовольствия” и “Мрачная игра”. Он нашёл себя. Его творческий почерк определился. В этих работах, в дальнейших картинах, таких как “Частичная галлюцинация: шесть портретов Ленина за фортепьяно”, “Постоянство памяти” (обе – 1931), “Жираф в огне” (1936), “Венера с ящиками” (1936), “Осенний каннибализм” (1936), “Сон, вызванный полетом пчелы вокруг граната, за секунду до пробуждения” (1944), нет места “автоматизму” – основополагающему приему сюрреализма. В них прочитывается четкость и абсолютная продуманность композиционного и колористического строя. Рациональный мир Дали заполнен сложной символикой – фрейдистской, космологической, алхимической, христианской, мифологической и, главное, автобиографическими символами. В американский период (1940–1948) усиливается всегда присутствующий у него элемент католического мироощущения. “Искушение Святого Антония в пустыне” (1946), “Открытие Америки, или Мечта Христофора Колумба” (1959) и другие полотна позволяли ему говорить о себе как о “католическом живописце”.

При этом художник внимательно следил за достижениями научной мысли – открытие структуры ДНК и овладение атомной энергией глубоко его трогали и тревожили. В 1949 году он пишет “Атомную Леду”, но и “Мадонну Порт-Льигата”, как бы объявляя о множественности своих интересов в попытке проникнуть в тайны Вселенной.

В 1974 году в Фигерасе Дали открыл свой Театр-музей – “последний мавзолей старой Испании”. В 1979 его избрали во Французскую Королевскую академию. Высшего испанского ордена Большого Креста Карлоса Третьего Дали был удостоен в трагический для него 1982 год: умерла Гала. Художника уже мало что интересовало в жизни; он стал затворником.

Англия. Новые идеи. Поп-арт

Новации континентальной Европы с некоторой задержкой достигали её отдалённых территорий. Так это происходило и с живописью Англии начала века, которая встречалась с новыми веяниями с определённым опозданием. Однако ко второй половине столетия именно отсюда стали распространяться новые художественные идеи, как, например, поп-арт.

Термин "поп-арт" (его придумал британский критик Лоуренс Эллоуэй), как и само направление, вдохновлённое игрищами дада, родился в кругу художников "Независимой группы" и Института современного искусства в Лондоне в середине 1950-х годов. На их выставках – "Коллажи и объекты" (1954), "Человек, машина, движение" (1955), "Это завтра" (1956) – обнаружились основные мотивы и истоки поп-арта: комиксы с их серийностью и упрощенным рисунком, навязчивая коммерческая реклама, причём реклама американизированная (как и журнальный дизайн), то есть более броская, яркая, агрессивная, чем европейская. Поп-арт возник как реакция на торжествующий повсеместно абстракционизм самого разного толка, который представители нового направления находили слишком сложным, элитарным, считая своим долгом предоставить зрителю искусство, доступное пониманию всех и всякого, а потому вернуться "к реальности". Именно от такого стремления и возник термин – поп-арт, "популярное искусство". Приветствовались массовость и общедоступность. Направление утверждалось в полемике с точкой зрения о неполноценности массовой культуры. Ричард Гамильтон (р. в 1922) молодой отец-основатель поп-арта и определил его как "общедоступное, потребительское, массовое, молодое, сексуальное, обманчивое, блестящее искусство большого бизнеса". Гамильтон потряс воображение лондонской публики своей картиной-коллажем "Так что же делает наши жилища такими особенными, такими привлекательными?", участвовавшей в выставке "Это – завтра". Смонтировав вырезки из гламурных журналов, он продемонстрировал изображение современного жилища вне индивидуальной ауры как возможных жильцов, так и художника-интерпретатора.

Поп-арт, соединивший высокое искусство с ширпотребом, стразу же сделался очень популярным за океаном и очень скоро – символом американского искусства. Его расцвет пришёлся на 1960-е годы.

Другой английский представитель поп-арта Дэвид Хокни (р. в 1937 г.) несмотря на явную фигуративность своих работ, утверждал, что его искусство лишено приверженности форме. При этом Хокни свободно комбинирует в своей живописи приёмы поп-арта и возникшего в США нового живописного течения – гиперреализма (фотореализма).

В конце века критики и теоретики искусства отметили наличие крупных художественных индивидуальностей, не "вписывающихся" ни в какие общие определения. Именно их без всякого негативного оттенка называют сегодня аутсайдерами.

Живопись Фрэнсиса Бэкона (1909–1992) невозможно отнести ни к какому определённому стилистическому направлению. Хотя часто появляется искушение говорить о неосюрреализме или неоэкспрессионизме по отношению к его творчеству. По горькому определению английского критика Дэвида Сильвестра, Фрэнсис Бэкон (он не только полный тезка, но и прямой потомок философа) – "человек без иллюзий". Его предтечи и любимые художники – Ван Гог и Хайм Сутин – задали камертонную ноту интенсивности его ощущения уязвимости и безжалостной агрессии человека. Скрученные до уродства существа – воплощение боли и муки. Ужас казни предстаёт даже в отсутствии изображения самого распятия: триптих "Три эскиза фигур у подножия распятия", 1944), что сделало его имя знаменитым в одночасье. Тема распятия становится сквозной в его творчестве. Как и изображение смазанного, искаженного человеческого лица. Впрочем, и сегодня лучшие музеи мира предоставляют свои стенды для демонстрации и другой серии Бэкона – вариаций на тему веласкесовского портрета папы Иннокентия X.

Люсьен Фрейд (р. в 1922 г.), племянник знаменитого психотерапевта, был другом Бэкона. Работает он в жесткой реалистической манере. Его кисть способна любоваться окружающим миром лишь в изображении природы (да и то, в тщательности отделки поверхности холста и выписанности деталей проступает холодное отстранение). Человеческая же "натура" (речь идёт о его работах последних десятилетий, такой картине, как "Ли под потолком" 1994 г. и др., даже при отсутствии видимого действия снабжается художником столь угрожающей энергией, а при сдержанности колорита – таким полнокровием жизненных красок, что шокирует зрителя своей непристойной (при явно целомудренном вуайеризме) плотской вульгарностью.

Космополитичная художественная жизнь Лондона втягивает в свою орбиту художников со всей планеты, как когда-то это происходило в Париже, а в прошлых веках в Риме. Так, звездой британской живописи стала португалка Пола Рего (р. в 1935 г. в Лиссабоне), полные скрытой агрессии картины которой содержат тайну психологических отношений персонажей.

(Продолжение следует).

ОТВЕТЫ РОССИИ НА ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Темой заседания Учёного совета Института Европы РАН, состоявшегося 19 марта 2007 года, стало обсуждение сборника "Ответы России и Евросоюза на вызовы XXI века" (М., 2006). Особое внимание в нём уделено роли России, её способности решать свои внутренние проблемы и влиять на международные процессы. Сборник состоит из трёх частей, докладов ИЕ РАН (№ 180–182): "Экономические аспекты" (под ред. В.В. Журкина (отв. ред.), М.Г. Носова, Н.П. Шмелёва), "Социальные аспекты" (под ред. В.В. Журкина (отв. ред.), М.Г. Носова, Н.П. Шмелёва), "Политические аспекты" (под. ред. Н.П. Шмелёва, А.Ю. Бочевера, В.В. Журкина, М.Г. Носова).

В предисловии отмечается, что "в обстановке эйфории, порождённой завершением "холодной войны", и на Западе, и у нас получили довольно широкое распространение иллюзии, что время военно-политической безопасности навсегда ушло в прошлое, и мир отныне будет иметь дело лишь с невоенными угрозами безопасности. Суровая реальность довольно быстро похоронила эти благонамеренные надежды, продемонстрировав, что и в биполярном мире войны и политика не исчезли из жизни человечества".

Открывая обсуждение, директор ИЕ РАН академик Н.П. Шмелёв отметил, что в канун 20-летия Института его сотрудникам есть, что предъявить и по старым традиционным угрозам, и по новым нетрадиционным, которые встали как перед Россией, так и перед Евросоюзом. Институт всегда занимался самой широкой европейской тематикой, и его сотрудники могли ответить и на вопрос о том, сколько ракет достаточно для обеспечения безопасности, и даже как помирить Папу Римского и Патриарха Московского и всея Руси. Но сейчас, подчеркнул Шмелёв, возник целый ряд новых вызовов. Звучат, к примеру, упреки в адрес России в подрыве энергетической безопасности. Авторы книги попытались ответить на вопросы о том, является ли импорт иностранного капитала угрозой, учитывая, что мы не знаем, как быть с колоссальными ресурсами в виде Стабилизационного фонда, который государство пока не может использовать в нашей стране. До сих пор остаётся открытым вопрос: "как более жёстко и одновременно безболезненно для экономики определить место в ней иностранцев?"

В социальной сфере, по словам Шмелёва, существует осознание того, что Россия вымирает, происходит отток населения из Сибири и Дальнего Востока. При этом перед Западной Европой стоят серьёзные проблемы – старения населения, его социального обеспечения, этно-религиозных конфликтов, этнических и конфессиональных неевропейских диаспор, над которыми европейцы потеряли контроль.

Целью исследования, которое было выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, стало определение места и роли России в международной системе координат. По словам почётного директора ИЕ РАН В.В. Журкина, для исследователей было важно понять, где Россия даёт слабину, какие угрозы рождаются внутри страны и за её пределами. Пора всесторонне и объективно оценить плюсы и минусы свершений 1990-х годов, доставшееся нам советское наследие, отметил Журкин. Особенно важно, по мнению руководителя Центра документации ЕС ИЕ РАН Ю.А. Борко, что в новой книге вызовы, стоящие перед Россией и Евросоюзом анализируются вместе, предпринята попытка очертить круг общих проблем, определить отличия. Вместе с тем авторы книги обращаются не только к сопоставлению с ситуацией в Европе, но и к опыту стран Азии, так как Россия – страна не только европейская.

В книге, по мнению главного научного сотрудника ИЕ РАН А.А. Масленникова, представлен новый взгляд на проблемы России и ЕС. Авторы сознательно сосредоточили внимание на рассмотрении конкретных проблем: военно-политической конфронтации на европейском континенте, которая отнюдь не исчезла, финансовой безопасности, импорта и экспорта капитала и т. д. Сама жизнь, по словам Масленникова, подталкивает к изучению проблем глобализации и мировых угроз. В создании сборника, подчеркнул заместитель директора ИЕ РАН Ал. А. Громыко, принимали участие ведущие исследователи других институтов РАН. Продолжением этой книги будет издание целой серии сборников по странам и регионам Европы. По словам Громыко, последний раз серия книг по всестороннему анализу жизни в европейских странах выходила в начале 1980-х годов.

Три новых доклада ИЕ РАН, по мнению руководителя Центра межцивилизационных исследований ИЕ РАН Т.Т. Тимофеева, могут помочь российской политике выработать продуманную стратегию отношений с Евросоюзом. Как отмечают авторы сборника, именно сотрудничество в борьбе с нетрадиционными угрозами создаёт не декларативную, а подлинную и прочную базу сотрудничества. Именно эти аспекты диалога между Москвой и Брюсселем должны найти своё отражение в том документе, который заменит Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве, срок действия которого истекает в 2007 году.

Предлагая свое видение решения проблем России и путей усиления её роли в мире, авторы сборника также делают вывод о том, что противодействие вызовам XXI века невозможно без критического отношения к собственным ошибкам: “они неизбежны в политике любого государства, идеальных политических курсов не существует, и никогда не существовало. Это, в частности, каждодневно подтверждается буквально на наших глазах в политике, как великих

держав, так и малых стран. Зрелость любого государства и общества проявляется в способности быстро осознать совершенные ошибки и неудачи, смело и решительно исправлять их и корректировать политический курс".

В рамках проекта РГНФ по изучению образа России в мире, отметил заместитель директора ИЕ РАН М.Г. Носов, авторы книги пытаются развязать узлы, завязанные самой жизнью, выявить глубинные пласты её геополитического образа. В ходе дискуссии директор Института США и Канады, член-корреспондент РАН С.М. Рогов выразил надежду на то, что работа ИЕ РАН даст свои результаты, а оценки и рекомендации экспертов помогут дать адекватный ответ на современные глобальные угрозы.

Роман Лункин,
старший научный сотрудник Института Европы РАН.

РОЛЬ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В РАЗВИТИИ ОТНОШЕНИЙ РФ–ЕС

Перспективы развития сотрудничества между Россией и Евросоюзом в регионах Восточной Сибири, Дальнего Востока и странах АТР стали главной темой международной конференции, которую в конце октября 2006 года провели Институт Европы РАН и Фонд им. Розы Люксембург (Германия). В её работе приняли участие известные российские и европейские учёные, эксперты, сотрудники представительств Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, представители посольств Китая, Японии, Вьетнама.

Директор ИЕ РАН академик *Н.П. Шмелёв* и руководитель Московского представительства Фонда *П. Линке* подчеркнули, что данная тематика носит во многом пионерный характер, поскольку в академических и политических кругах она практически не обсуждается, хотя, бесспорно, заслуживает самого пристального внимания, в том числе и по причине своей близости к общефилософским размышлениям о судьбах мира. Среди прочего предстоит дать ответ на вопрос о том, кто будет доминировать в этом регионе – Россия или Китай? Сможет ли наша страна не только задействовать потенциал сырьевых и энергетических ресурсов, но и найти механизмы эффективного использования имеющегося трудового резерва, в том числе в сфере промышленности и инновационных технологий? Какую роль будут играть в этом направлении отношения между РФ и ЕС и между РФ и Азиатско-Тихоокеанским регионом?

Первая часть конференции была посвящена теме *"Потенциал регионов Сибири и Дальнего Востока и перспективы развития сотрудничества между РФ и ЕС"*. Руководитель Центра документации Европейского Союза ИЕ РАН про-

держав, так и малых стран. Зрелость любого государства и общества проявляется в способности быстро осознать совершенные ошибки и неудачи, смело и решительно исправлять их и корректировать политический курс".

В рамках проекта РГНФ по изучению образа России в мире, отметил заместитель директора ИЕ РАН М.Г. Носов, авторы книги пытаются развязать узлы, завязанные самой жизнью, выявить глубинные пласты её геополитического образа. В ходе дискуссии директор Института США и Канады, член-корреспондент РАН С.М. Рогов выразил надежду на то, что работа ИЕ РАН даст свои результаты, а оценки и рекомендации экспертов помогут дать адекватный ответ на современные глобальные угрозы.

Роман Лункин,
старший научный сотрудник Института Европы РАН.

РОЛЬ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В РАЗВИТИИ ОТНОШЕНИЙ РФ–ЕС

Перспективы развития сотрудничества между Россией и Евросоюзом в регионах Восточной Сибири, Дальнего Востока и странах АТР стали главной темой международной конференции, которую в конце октября 2006 года провели Институт Европы РАН и Фонд им. Розы Люксембург (Германия). В её работе приняли участие известные российские и европейские учёные, эксперты, сотрудники представительств Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, представители посольств Китая, Японии, Вьетнама.

Директор ИЕ РАН академик *Н.П. Шмелёв* и руководитель Московского представительства Фонда *П. Линке* подчеркнули, что данная тематика носит во многом пионерный характер, поскольку в академических и политических кругах она практически не обсуждается, хотя, бесспорно, заслуживает самого пристального внимания, в том числе и по причине своей близости к общефилософским размышлениям о судьбах мира. Среди прочего предстоит дать ответ на вопрос о том, кто будет доминировать в этом регионе – Россия или Китай? Сможет ли наша страна не только задействовать потенциал сырьевых и энергетических ресурсов, но и найти механизмы эффективного использования имеющегося трудового резерва, в том числе в сфере промышленности и инновационных технологий? Какую роль будут играть в этом направлении отношения между РФ и ЕС и между РФ и Азиатско-Тихоокеанским регионом?

Первая часть конференции была посвящена теме *"Потенциал регионов Сибири и Дальнего Востока и перспективы развития сотрудничества между РФ и ЕС"*. Руководитель Центра документации Европейского Союза ИЕ РАН про-

фессор *Ю.А. Борко* особо остановился на распространённой точке зрения о кризисе отношений между Россией и Евросоюзом, которая, на его взгляд, является во многом односторонней и упрощённой. Среди трёх уровней данных взаимоотношений первые два уровня, а именно базисные отношения (то есть прямые связи между теми, кто производит материальный и интеллектуальный продукт, культурные и духовные ценности) и двусторонние связи между Россией и государствами-членами ЕС развиваются вполне динамично. Определённые проблемы есть на уровне отношений РФ – ЕС (энергетика, соперничество на постсоветском пространстве), но, по его мнению, стороны неминуемо придут к компромиссному соглашению об условиях и правилах сотрудничества в проблемных сферах. Среди прочего они должны стремиться к тому, чтобы придерживаться разработанных мировым сообществом правил экономической и политической конкуренции и определить области конструктивного трехстороннего взаимодействия (например, Россия–Украина–ЕС, Россия–Грузия–ЕС и т. д.), приносящие выгоды всем его участникам.

Известный немецкий политолог *А. Рар* продолжил эту тему в рамках анализа новой восточной политики ЕС, концепция которой была разработана Германией накануне начала своего председательства в Евросоюзе (с января 2007 г.) и которая базируется на трёх китах. Во-первых, это энергетический альянс, причём не только с Россией, но и с Центральной Азией, с транзитными государствами Кавказа; во-вторых, это поддержка со стороны ЕС демократических процессов на востоке европейского континента; в-третьих, это осторожная попытка приблизиться к решению замороженных конфликтов (Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье). По его мнению, в рамках данной политики Евросоюз в последующие годы будет пытаться вместе с Россией решать те насущные проблемы, которые сегодня действительно волнуют не только Европу, но и весь мир. При этом он напомнил о предложении, которое В.В. Путин сделал европейцам в сентябре 2001 года, выступая в немецком бундестаге. В своей речи российский президент предложил объединить сибирские ресурсы с более развитым технологическим пространством ЕС и попытаться создать в XXI веке общий континент, который будет построен на общих интересах, общей цивилизации. Фактически речь шла об исторической задаче общеевропейского масштаба совместной модернизации Сибири. Но эта идея, к сожалению, до сих пор не воспринята европейскими партнёрами.

Руководитель Центра энергетической политики ИЭ РАН профессор *А.Д. Хайтун* считает, что месторождения газа и нефти Восточной Сибири неконкурентны на рынках Европы. Однако страны ЕС всё же заинтересованы в инвестиционных проектах по освоению данного региона, поскольку увеличивается потенциал российского экспорта в страны Евросоюза за счёт замещения во внутреннем потреблении западносибирских нефти и газа. В этом случае становятся возможными крупные инвестиции в геологию и геофизику, а также инжиниринг новых месторождений. По геополитическим соображениям западные инвестиции в восточносибирские регионы более предпочтительны, чем освоение ресурсов стран Северо-Восточной Азии.

По мнению заместителя директора Института Дальнего Востока РАН профессора *В.Я. Портякова*, место Сибири и Дальнего Востока в сотрудничестве с Европейским Союзом нельзя видеть иначе, как только основанное строго на ресурсах, – надо развивать и диверсифицировать промышленный и научно-технический потенциал, использовать преимущества транзитного положения и не бояться приглашать высококвалифицированную китайскую рабочую силу. Аналогичную точку зрения высказал заведующий отделом стран и регионов, руководитель Центра германских исследований ИЕ РАН *В.Б. Белов*, который подчеркнул важность более активного использования очевидных конкурентных преимуществ данных хозяйственных пространств в неэнергетической сфере, в том числе для развития экономических отношений между Россией и Евросоюзом. Он также указал на необходимость проведения региональными властями эффективной маркетинговой штандортной политики, которая способна повысить привлекательность их регионов для европейских инвесторов. Одним из важных шагов в этом направлении должен стать проводимый в 2007 году Год Сибири в Германии. Старший научный сотрудник ИЕ РАН *Н.Б. Кондратьева* поддержала своих коллег, указав на важность использования информационного и имиджевого ресурсов для преодоления ряда устойчивых стереотипных представлений и фобий в странах ЕС в отношении этих регионов. Для этого надо повышать информированность западного бизнеса и общества, формировать новый имидж России, опираясь на новейшие достоверные научные данные и используя в этих целях мировые и отечественные СМИ.

Особое внимание участники конференции уделили демографической проблематике. Так, профессор Белорусского государственного экономического университета *О.Г. Быховец* указал на то, что результаты его исследований опровергают активно циркулирующие в науке и обществе опасения и страхи по поводу депопуляции Сибири и Дальнего Востока. Старший научный сотрудник ИЕ РАН *Н.В. Говорова* отметила, что в этих регионах делаются важные шаги по развитию человеческого капитала, а некоторые края и области занимают неплохие места в рейтинге по уровню индекса развития человеческого потенциала (например, Томская и Магаданская области, Красноярский край, Республика Саха (Якутия)). Как правило, речь идёт о регионах с большим экспортным потенциалом, высоким уровнем материального благосостояния и квалификации рабочей силы, хорошо развитым рынком образовательных услуг.

Открывая вторую часть конференции, посвящённую теме *"Сотрудничество РФ–ЕС в регионе и кооперация со странами Юго-Восточной Азии/АТР"*, *П. Линке* высказал интересную мысль о том, что "старый континент" (Европа) находится в экономическом и культурном упадке и у него остается лишь одна возможность быть услышанным в геополитическом концерте XXI века: скромно и решительно признать себя тем, чем он был всегда – западной периферией Евразии.

По мнению заместителя директора ИЕ РАН члена-корреспондента РАН *М.Г. Носова*, значительную роль в формировании интереса ЕС к Центральной Азии сыграла активизация деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в рамках которой Россия и Китай начали устанавливать интегра-

ционные связи с регионом и расширять сотрудничество с центрально азиатскими странами. При этом деятельность ШОС рассматривается Западом в первую очередь как стремление России и Китая создать в регионе своего рода противовес влиянию США и Европы. Одновременно ЕС поставил задачу перехода от политики, направленной на поддержку тенденций регионализации Центральной Азии, к более широкой задаче встраивания политики ЕС в сотрудничество этих стран с Россией и Китаем, в первую очередь в области безопасности.

Оценивая основные экономические факты на мировой арене, заместитель директора ИЕ РАН профессор *В.П. Федоров* подчеркнул, что интенсивные отношения ЕС и КНР соответствуют интересам России: мощная китайская динамика направляется в безопасное для неё европейское русло. Тем самым недостаточно развитое Зауралье получает передышку, для того чтобы поднять свою конкурентоспособность в новых для себя внутренних и внешних условиях. Однако грандиозная цель подъёма Сибири и Дальнего Востока не может быть достигнута обходными путями, и здесь не подходит известный принцип business as usual. По его мнению, стоит внимательно отнестись к идее переноса столицы из Москвы в Сибирь, какой бы экстраординарной она не казалась на первый взгляд. Это может дать мощный импульс развитию огромных восточных территорий, притоку туда капитала и рабочей силы. Но такая возможность переноса столицы не будет существовать вечно, она ограничена временем. Если это время будет упущено, то утратит смысл и сама акция со всеми вытекающими из этого негативными последствиями.

Главный научный сотрудник ИЭ РАН *С.В. Колчин* отметил два важных момента: полномасштабное развитие сотрудничества России со странами Азии в нефтегазовой сфере, безусловно, требует громадных инвестиций с обеих сторон, но пока инвестиционное обеспечение проектов заметно отстаёт от декларируемых задач; России следует активнее играть на конкурентных интересах различных стран региона, не привязываясь к какому-то одному рынку сбыта, а поворот энергопотоков на восток использовать в качестве возможного козыря на переговорах с европейскими потребителями нефти и газа.

По мнению заведующего Центром мирохозяйственных связей ВНИИВС–ГУ ВШЭ профессора *В.С. Панькова*, РФ заинтересована в сохранении ЕС в качестве торгово-экономического партнёра номер один, каковым он неизменно является на протяжении всего постсоветского периода и будет оставаться по меньшей мере до 2015–2020 годов. Это способствовало бы поддержанию годами сложившейся солидной базы для дальнейшего развития комплекса внешнеэкономических связей нашей страны. Однако нынешняя доля (около половины) ЕС во внешнеторговом обороте России в ближайшие 10–15 лет будет показывать тенденцию к постепенному снижению (примерно до 40%), поскольку в других регионах мира, прежде всего АТР, есть более благоприятные предпосылки для наращивания её внешнеэкономической деятельности. По оценкам Панькова, доля Северо-Восточной Азии, одного из субрегионов АТР (Китай, Япония, Республика Корея), может удвоиться по сравнению с нынешними 12,5%.

В целом состоявшийся обмен мнениями подтвердил актуальность темы конференции и одновременно определил основные направления будущей дискуссии, в рамках которой ещё предстоит обсудить конкретные механизмы совместного освоения Евросоюзом и Россией востока евразийского континента, в том числе превращения восточносибирского и дальневосточного хозяйственных пространств в конкурентоспособные регионы, привлекательные для отечественных и зарубежных инвесторов и, соответственно, для рабочей силы.

В.Б. Белов,
кандидат экономических наук,
заведующий Отделом стран и регионов,
руководитель Центра германских исследований
Института Европы РАН.

ДОГОВОР О СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПАРТНЁРСТВЕ РОССИИ И ЕВРОСОЮЗА: КАКИМ ОН БУДЕТ?

Создание предпосылок для экономической интеграции РФ и ЕС во многом зависит от будущего базового договора между Россией и Европейским Союзом. Основные аспекты политического сотрудничества в преддверии договора обсуждались на четвёртом семинаре в рамках стартовавшего в начале 2006 года проекта Института Европы и Фонда им. Фридриха Эберта "Россия и объединяющаяся Европа: перспективы сотрудничества". Семинар был проведён 16 февраля 2007 года совместно Институтом Европейского права и Европейским учебным институтом при МГИМО (У) МИД РФ.

Директор Института Европейского права МГИМО(У) М.Л. Энтин поставил перед собравшимися вопросы, вокруг которых развернулась основная дискуссия встречи: "Каким должен быть новый базовый договор между Россией и Европейским Союзом?"; "Что нужно сделать, чтобы отношения между Россией и ЕС стали предсказуемыми и какой в связи с этим видится роль нового договора?"

С приветственными обращениями выступили М. Франко – глава Представительства Европейской Комиссии в России; М. Бубе – руководитель Предствительства Фонда им. Фридриха Эберта в России; В. Лихачёв – заместитель председателя Комитета по международным делам Совета Федерации ФС РФ, Постоянный представитель России при ЕС в 1995–2003 гг.; Д. Лингеманн – советник-посланник Посольства Германии в России. Как было отмечено, к вопросу о выработке нового договора о стратегическом партнёрстве Россия и ЕС подошли с достаточным багажом совместных достижений и опорой на в целом устойчивую систему связей. И в России, и в Евросоюзе, по мнению экспертов, есть

В целом состоявшийся обмен мнениями подтвердил актуальность темы конференции и одновременно определил основные направления будущей дискуссии, в рамках которой ещё предстоит обсудить конкретные механизмы совместного освоения Евросоюзом и Россией востока евразийского континента, в том числе превращения восточносибирского и дальневосточного хозяйственных пространств в конкурентоспособные регионы, привлекательные для отечественных и зарубежных инвесторов и, соответственно, для рабочей силы.

В.Б. Белов,
кандидат экономических наук,
заведующий Отделом стран и регионов,
руководитель Центра германских исследований
Института Европы РАН.

ДОГОВОР О СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПАРТНЁРСТВЕ РОССИИ И ЕВРОСОЮЗА: КАКИМ ОН БУДЕТ?

Создание предпосылок для экономической интеграции РФ и ЕС во многом зависит от будущего базового договора между Россией и Европейским Союзом. Основные аспекты политического сотрудничества в преддверии договора обсуждались на четвёртом семинаре в рамках стартовавшего в начале 2006 года проекта Института Европы и Фонда им. Фридриха Эберта "Россия и объединяющаяся Европа: перспективы сотрудничества". Семинар был проведён 16 февраля 2007 года совместно Институтом Европейского права и Европейским учебным институтом при МГИМО (У) МИД РФ.

Директор Института Европейского права МГИМО(У) М.Л. Энтин поставил перед собравшимися вопросы, вокруг которых развернулась основная дискуссия встречи: "Каким должен быть новый базовый договор между Россией и Европейским Союзом?"; "Что нужно сделать, чтобы отношения между Россией и ЕС стали предсказуемыми и какой в связи с этим видится роль нового договора?"

С приветственными обращениями выступили М. Франко – глава Представительства Европейской Комиссии в России; М. Бубе – руководитель Предствительства Фонда им. Фридриха Эберта в России; В. Лихачёв – заместитель председателя Комитета по международным делам Совета Федерации ФС РФ, Постоянный представитель России при ЕС в 1995–2003 гг.; Д. Лингеманн – советник-посланник Посольства Германии в России. Как было отмечено, к вопросу о выработке нового договора о стратегическом партнёрстве Россия и ЕС подошли с достаточным багажом совместных достижений и опорой на в целом устойчивую систему связей. И в России, и в Евросоюзе, по мнению экспертов, есть

стремление выработать новое двустороннее соглашение, вместе с тем существуют свои проблемы. Как отметил М. Франко, текст документа должен отражать именно основные режимы взаимодействия сторон и избегать частностей. Это снизит остроту восприятия договора рядом стран ЕС и позволит избежать трудностей с его ратификацией. Новый договор, по словам В.Н. Лихачёва, безусловно, должен обладать международно-правовой природой, что обеспечит мониторинг и контроль за данными в нём обязательствами.

Своё видение структуры и юридической силы будущего договора предложил проф. Кашкин С.Ю., заведующий кафедрой права ЕС МГЮА. Указав, как и предыдущие ораторы, на назревшую необходимость заключения в юридически формальные рамки того, что появилось во взаимоотношениях сторон, докладчик особо отметил важность достижения преемственности договоров. В связи с этим он напомнил, во-первых, что нынешнее Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве (СПС) приобрело прямое действие на территории Евросоюза благодаря прецедентному решению Суда ЕС по делу футболиста Семутенкова и, во-вторых, что после вступления России в ВТО 38 из 112 статей и 3 из 10 приложений этого Соглашения всё-таки сохранят свою актуальность. Новый договор, по мнению С.Ю. Кашкина, должен содержать развернутую преамбулу, определяющую понятные населению и достижимые цели, около семи разделов, а также приложения и переходные положения, наконец, он должен быть наполнен в большей мере чёткими формулировками и в меньшей – намерениями. Необходимо также воздерживаться в тексте от прямого указания на рамочный характер документа.

В договоре, подчеркнул профессор Ф. Камерон, директор брюссельского Центра ЕС–Россия, не следует досконально прописывать положения, касающиеся энергетики и ещё ряда чувствительных для сторон сфер. Это позволит смягчить длительное испытание ратификацией. По мнению М. Кауппи, профессора Международного университета Таллина, позитивное влияние на восприятие договора может оказать чёткое разделение в тексте положений, касающихся межправительственного сотрудничества, и положений, позволяющих работать напрямую без ориентации на сложности политических отношений.

В последнее время применение технического метода позволяло сторонам быстрее продвигаться вперёд (яркий пример тому – переговоры в целях облегчения визового режима). Однако, по словам Е.В. Даниловой – советника Министра экономического развития и торговли России, было бы опасным довериться результату и оправдывать им применение подобных технических сценариев в сфере экономики. В данной сфере не столь важно назначить дату обнуления тарифов, сколь важно определить цель такого шага. Соответственно соглашение, содержащее план-график приведения тарифов к нулю, в данном контексте является инструментом, но не целью отношений сторон. Точно так же и создание зоны свободной торговли является лишь инструментом повышения конкурентоспособности интегрирующихся экономик, а не целью интеграции. Наконец, экономическое обоснование соглашения между сторонами не тождественно оценке экономических последствий такого соглашения. Только после дос-

тижения взаимопонимания по вопросу о целях, а также ожидаемых взаимовыгодных результатах можно приступать к технической стороне, а именно к оценке инструментария продвижения к целям, устранению выявленных препятствий, в том числе пробелов в правовой базе. Облегчение взаимного доступа товаров на рынки друг друга сегодня видится лишь как частная цель, которую можно достичь на основе имеющегося между сторонами режима наибольшего благоприятствования. Партнёрам нужны более веские причины для экономической интеграции, а именно взаимодополняемость и конкурентоспособность. Этап подготовки нового договора даёт сторонам повод определиться, совместно они будут конкурировать с крепнущими азиатскими экономиками или по-прежнему в одиночку. Если все-таки совместно, тогда есть повод для сторон стремиться к взаимному открытию рынков товаров и инвестиций, уйти от гипертрофии энергетики к расширению повестки дня сотрудничества, вместе финансировать НИОКР. Академик И.Д. Иванов, главный научный сотрудник Института Европы, заместитель Постоянного Представителя России при ЕС в 1996–1999 годах, добавил ещё ряд задач, которые можно было бы решить в рамках переговоров по новому договору: дальнейший перевод взаимных расчётов в евро, создание совместных центров сертификации, продолжение практики преференций и др.

Директор Департамента международного сотрудничества РСПП А.В. Кузнецов отметил растущую неудовлетворённость российского крупного бизнеса заявленной целью экономической интеграции России и ЕС – это создание зоны свободной торговли (одна из номинальных целей СПС). Как было сказано в выступлении, мы хотим бóльшего. Имелась в виду бóльшая открытость стратегических партнёров, развитие кроссекторального инвестиционного сотрудничества, обмен активами, взаимодействие на отраслевом уровне, регулярный диалог бизнес-сообществ.

Дальнейшее обсуждение выявило ряд институциональных проблем в обеспечении стратегического партнёрства. Одну из них создаёт неопределённость с Европейской Конституцией и дальнейшей институциональной реформой Союза. Заместитель директора Департамента общеевропейского сотрудничества МИД РФ М.Н. Евдокимов предложил в связи с этим идею создания максимально гибкой системы органов сотрудничества России и ЕС, способной реагировать на возможные изменения в составе и полномочиях представителей ЕС.

На неэффективность и незначительные итоги межпарламентского формата взаимоотношений указал заместитель председателя Комитета по международным делам Совета Федерации ФС РФ В.Н. Лихачёв. Он также высказал убежденность в том, что межпартийный и межпарламентский диалог в случае его структурирования мог бы оказаться чрезвычайно продуктивным. В частности, такой диалог, по мнению докладчика, способен снизить остроту проблемы психологической совместимости позиций сторон, возникшую после расширения ЕС на восток, и повысить степень доверия во взаимоотношениях. Заведующий кафедрой права ЕС МГЮА С.Ю. Кашкин предложил наделить Комитет парла-

ментского сотрудничества консультативными полномочиями и закрепить их в соответствующем разделе нового договора.

Говорилось о насущной необходимости укрепления диалога на уровне гражданского общества и об отсутствии в "дорожных картах" продвижения к четырём общим пространствам положений, касающихся социальной сферы, в том числе положений по социальной гармонизации. На существование проблемы указали доцент МГЮА П.А. Калиниченко и директор Учебно-научного центра проблем интеграции и системного анализа Европейского Союза МГУ им. Ломоносова Л.И. Глухарев. Для формализации диалога социальных сообществ было, в частности, предложено опереться на опыт участия в делах Евросоюза такого органа, как Экономический и социальный комитет ЕС.

Директор Центра комплексных европейских и международных исследований ГУ-ВШЭ Т.В. Бордачёв, ссылаясь на проблему демократической легитимности партнёрства, отметил усилия России по привлечению научного, экспертного и бизнес-сообществ, НПО и СМИ к дебатам о содержании будущего договора. Наряду с этим была высказана следующая позиция: в силу недостатка знаний друг о друге, изменчивости партнёров и, соответственно, нечеткого видения перспектив следует повременить с заключением большого всеохватного соглашения; с позиций сегодняшнего дня в качестве базиса сотрудничества сторонам больше подошёл бы компактный политический договор.

Несмотря на схожесть позиций России и ЕС по вопросам глобальной повестки дня, отношения в сфере политики отягощены рядом негативных факторов. Руководитель Группы "Российская Федерация/СНГ" Германского института международных отношений и международной безопасности Х.-Х. Шрёдер, заместитель директора Департамента общеевропейского сотрудничества МИД РФ М.Н. Евдокимов, глава политического отдела Представительства Европейской комиссии в России Т. Лахти указали, в частности, на разное видение сторонами внутренних проблем друг друга. Юрьева Т.В., доцент кафедры европейской интеграции МГИМО, отметила неготовность ЕС вступать в многомерное обсуждение общих ценностей.

И всё же нынешнее Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве России и ЕС при всей очевидной декларативности и устарелости выполнило свою главную задачу – позволило сторонам сблизиться, создать постоянную основу для диалога, наконец, начертить "дорожные карты" дальнейших взаимоотношений. Теперь партнёрам предстоит достичь намеченной в них "высоты". И если стороны всё-таки сядут за стол переговоров о новом Договоре, то это будет означать, что страх этой высоты в целом уже преодолён.

Н.Б. Кондратьева,
к.э.н., с.н.с, доцент.

Игорь МАКСИМЫЧЕВ

СУД НАРОДОВ

В первые недели 2007 года Государственная Дума Российской Федерации приступила к процессу ратификации международной конвенции об учреждении Международного уголовного суда ООН. Завершается создание высшей судебной инстанции, в ведение которой входит рассмотрение дел по таким тягчайшим преступлениям, как геноцид, и наказание виновных в них по всему земному шару. Практика последних лет показала, что назначение так называемых специальных уголовных трибуналов (трибуналы по бывшей Югославии и по Руанде) вызывает множество трудноразрешимых проблем. Например, сразу возникает подозрение в "выборочном правосудии". И действительно, почему не был создан трибунал в связи с массовыми убийствами, скажем, в Камбодже? К тому же компетенция специальных трибуналов ограничена по времени и по территории: убийства в Руанде продолжались и после 1994 года, но трибунал рассматривает дела, относящиеся только к указанному году. Между тем мировое сообщество уже более 60 лет располагает уникальным опытом универсального расследования тягчайших преступлений против человечества. Речь идёт о совершённых нацистскими руководителями накануне и в ходе Второй мировой войны преступлениях, ставших предметом разбирательства на состоявшемся в 1945–1946 годах Нюрнбергском процессе. Именно приговор Нюрнбергского трибунала послужил отправной точкой для разработки в 1998 году Устава Международного уголовного суда. В Нюрнберге впервые был установлен принцип индивидуальной уголовной ответственности, гласящий, что "преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными субъектами, и только посредством наказания физических лиц, совершивших такие преступления, может быть обеспечено соблюдение положений международного права". Международный уголовный суд ООН является по существу детищем

© ***Максимычев Игорь Фёдорович*** – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Нюрнберга, и поныне остающегося составной частью действующего международного права.

30 сентября 1946 года вынесением окончательного и не подлежащего пересмотру приговора закончил свою работу Международный суд над главными нацистскими военными преступниками, ввергшими мир в катастрофу Второй мировой войны и запятнавшими имя немцев преступлениями, каких ещё не знала история человечества. Этот суд вошел в историю как Нюрнбергский трибунал народов. Решение о наказании нацистских военных преступников было принято на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании 19–30 октября 1943 года. В опубликованной 2 ноября 1943 года декларации, подписанной Ф.Д. Рузвельтом, И.В. Сталиным и У.С. Черчиллем, указывалось, что немцы, принимавшие участие в массовых расстрелах, казнях или истреблении населения, будут отправлены в места их преступлений и судимы народами, над которыми они совершали насилие. Был поставлен и вопрос о главных нацистских преступниках, вина которых не была связана с определённым географическим местом и которые подлежали наказанию от имени всех союзников[1].

Решение о проведении судов над нацистскими преступниками было подтверждено в общей форме на Крымской (Ялтинской) конференции руководителей держав антигитлеровской коалиции 4–11 февраля 1945 года. В итоговом коммюнике конференции говорилось о решимости её участников "подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию"[2]. На Берлинской (Потсдамской) конференции 17 июля – 2 августа 1945 года организация суда над главными нацистскими преступниками была конкретизирована. В сообщении о конференции чётко формулировалось: "Военные преступники и те, кто участвовал в планировании или осуществлении нацистских мероприятий, влекущих за собой или имеющих своим результатом зверства или военные преступления, должны быть арестованы и преданы суду. Нацистские лидеры, влиятельные сторонники нацистов и руководящий состав нацистских учреждений и организаций и любые другие лица, опасные для оккупации и её целей, должны быть арестованы и интернированы". Главы союзных государств обязались как можно скорее начать суд над главными военными преступниками, чьи преступления не относились к определённому географическому месту[3].

---

[1] Winston S. Churchill, Der Zweite Weltkrieg, Band V – Der Ring schließt sich, Teil I, Bern-München-Wien, 1953. S. 341–343.

[2] МИД СССР, Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг, т. IV, Крымская конференция руководителей трех союзных держав СССР, США и Великобритании (4–18 февраля 1945 г.). Сборник документов. М., 1984. С. 248.

[3] МИД СССР, Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг, т. VI, Берлинская (Потсдамская) конференция

8 августа 1945 года в Лондоне было подписано соглашение о создании Международного военного трибунала для рассмотрения дел руководителей германского рейха и нацистской партии. 20 ноября 1945 года начались судебные слушания в Нюрнберге – месте, которое нацисты сделали главным городом своего "движения". Именно в Нюрнберге проходили ежегодные съезды фашистской партии. Именно там в 1935 году были приняты расовые законы, положившие начало преследованиям евреев, а затем их массовому уничтожению. Там начинался путь, который вёл к войне, к оккупации почти всей Европы, к газовым камерам и крематориям.

Согласованные действия юристов четырёх держав-победительниц отражали единство стран антигитлеровской коалиции, благодаря которому фашистская Германия и её союзники были разгромлены наголову. Организаторам нацистских злодеяний было предъявлено обвинение в преступлениях против мира (подготовка и ведение агрессивной войны), военных преступлениях (нарушение международно-правовых норм ведения войны) и преступлениях против человечества (зверства). Но не только судьба главарей нацистского режима была решена на Нюрнбергском процессе. Подвергся осуждению сам этот режим. Были признаны преступными руководящий состав национал-социалистской партии и её охранные отряды (СС), служба безопасности (СД), государственная тайная полиция (гестапо). Была раскрыта реальная картина беспрецедентных преступлений и зверств, совершённых нацистами на оккупированных территориях, прежде всего на востоке Европе, а также в самой Германии. В приговоре Нюрнбергского трибунала впервые как тягчайшее преступление против человечества была квалифицирована агрессия. В первый раз было четко сформулировано само понятие преступления против человечества.

Половина из 24 обвиняемых была приговорена к смертной казни через повешение (Геринг, Риббентроп, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрайхер, Заукель, Йодль, Борман [заочно], Зайс-Инкварт). Приговор был приведён в исполнение 16 октября 1946 года. Лей покончил жизнь самоубийством ещё до вынесения приговора, Геринг – накануне казни. Борман так и не был разыскан. Семеро подсудимых были приговорены к различным срокам тюремного заключения: Гесс, Функ, Редер (пожизненно), Ширах, Шпеер (20 лет). Нейрат (15 лет), Дениц (10 лет). Оправданы были Шахт, Папен, Фритче. Круппа освободили из-под стражи по болезни. Гитлер и шеф его пропагандистской машины Геббельс, которые должны были первыми попасть на скамью подсудимых в Нюрнберге, избежали суда, убив себя в Берлине, окружённом Красной Армией. Гиммлер последовал их примеру, попав в руки к англичанам.

руководителей трёх союзных держав СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.), Сборник документов, М., 1984. С. 451–452, 457.

Сегодня имена осуждённых Международным судом нацистских заправил уже забыты. У казнённых по его приговору нет могил. И это справедливо – тяжесть их преступлений такова, что человечество навечно отторгло их. Осуждённые на тюремное заключение нацистские преступники отбывали наказание в охраняемой солдатами четырёх держав международной тюрьме, располагавшейся в западноберлинском районе Шпандау. Она опустела лишь в 1987 году, когда покончил жизнь самоубийством её последний "постоялец" – бывший "заместитель фюрера по партии" Гесс. После его смерти тюрьма была снесена, а на её месте построен супермаркет. Неонацистов сознательно лишили "святых мест", которым они могли бы поклоняться.

Нюрнбергский трибунал навсегда останется в памяти людей планеты зримым воплощением победы человечества над абсолютным злом. Бельгийский гуманист Шарль де Костер вложил в уста героя своего романа о Тиле Уленшпигеле проникновенные слова: "Пепел Клааса стучит в моё сердце!" Нюрнбергский приговор – это сердце человечества, в которое стучит пепел узников Освенцима и Майданека, иссохшие ручонки детей, умерших от голода в осаждённом Ленинграде, пробитые каски солдат из развалин Сталинграда, тени жертв нацизма, погребённых под руинами сотен городов, разрушенных военной машиной рейха. Этот приговор вобрал в себя смертный стон и ужас истерзанной Европы, покрытой миллионами белых крестов над могилами безвинных жертв германской агрессии. Процесс в Нюрнберге был не только справедливым возмездием, он был и остаётся грозным предупреждением на будущее всем, кто берёт на себя ответственность за развязывание войн. Каждая новая война в век усовершенствованных орудий уничтожения приносит всё большие потери и страдания людям Земли. За них неизбежно придётся отвечать.

К сожалению, в Германии, да и не только в ней, нашлись силы, которые, даже перед лицом исчерпывающих доказательств преступлений нацизма, представленных в ходе процесса, принялись оспаривать приговор трибунала. Судопроизводство в Нюрнберге осуществлялось с предоставлением подсудимым права на защиту, и адвокаты старались защитить их с помощью юридических уловок. Одной из таких уловок был тезис, что во всём виноват один Гитлер, а остальные вожди рейха лишь "выполняли приказы", как это и приличествует дисциплинированным немцам. Второе возражение состояло в том, что "закон не имеет обратной силы": до процесса в Нюрнберге не было якобы "ясного" международно-правового запрета преступлений против мира и против человечества. Третье "обоснование" заключалось в попытке поставить знак равенства между действиями гитлеровцев и антигитлеровской коалиции. Например, воздушная война, которую германская люфтваффе развязала против мирного населения подвергшихся нападению Германии стран, приравнивалась к ответным бомбардировкам, осуществлявшимся союзной авиацией.

По мере высвобождения Германии из-под контроля со стороны оккупировавших её держав-победительниц "аргументы" защиты находили всё большее

распространение и получали дальнейшее развитие. Исключением была ГДР, демонстративно опиравшаяся на антифашистские традиции, но сегодня нет ни ГДР, ни её традиций. Особенно рьяно занимались и занимаются переписыванием истории ненавистники СССР и России. Набирающие силу неонацисты упрекают западные державы в "чёрной неблагодарности" по отношению к тем, кто подготовил войну, а затем воевал против Советского Союза. Западу следовало бы, считают они, наградить тех, кто сидел в Нюрнберге на скамье подсудимых, а не отправлять их на виселицу. Русофобам из новых членов Евросоюза осталось лишь перенять проработанную до деталей схему, чтобы заявить претензии на лавры борцов против коммунистического монстра и его "победителей", хотя справились с ним русские сами, без "помощи" извне.

"Преодолев" таким образом нацистское прошлое, влиятельные силы в Германии взялись за Нюрнбергский процесс, остававшийся "позорным пятном" на их свежестираной сорочке образцовых европейцев. Чтобы чувствовать себя совсем комфортно в интегрированной демократической Европе, надо было устранить или по крайней мере затушевать тот факт, что Нюрнберг был "достоянием" только немецкой истории. "Массовыми убийствами" стали именовать преступления убийцы-маньяка, загубившего несколько жизней. Неважно, что в Нюрнберге в качестве массовых убийств квалифицировалось уничтожение тысяч людей в нацистских лагерях смерти. Зато совершенно ясно, что от появления маньяка-убийцы не застрахована ни одна страна в мире. Зачем же в таком случае бросать камни только в германское прошлое?

Когда этого показалось мало, родилась идея соорудить что-либо подобное Нюрнбергскому трибуналу, но не предназначенное для Германии. Так появился на свет Международный суд по бывшей Югославии. Он во всём подражает Нюрнбергскому трибуналу (за исключением сроков своего существования: похоже, что он собирается неограниченное время кормить штат судебного и внесудебного персонала), но создан для страны, не совершавшей агрессии. Более того – для страны, которая по праву вошла в число победителей Второй мировой войны, так как вела активную партизанскую войну против гитлеровских оккупантов. В континентальной Европе не покорились нацистам лишь СССР и Югославия. Этот суд даже не пытается скрыть своей односторонности и пристрастности. Глаза у гаагской Фемиды явно без повязки. Конечно, гражданская война в Югославии, к развязыванию которой в 1990-х годах Запад в целом и Германия в частности приложили руку, велась всеми участвовавшими в ней сторонами с потрясающей жестокостью, характерной для конфликтов такого рода. Россия хорошо это знает, так как пережила в 1918–1920 годах самую кровопролитную гражданскую войну XX века. В таких ситуациях решающее значение имеет то, кто начал стрелять первым. Но как раз до этого суду в Гааге дела нет. Он совершенно явно ставит своей целью "додавить" разбомбленных НАТО сербов, чтобы на Балканах никто и никогда больше не пытался проявлять строптивость по отношению к Западу. Но главное – это задача доказать,

что военные преступники и преступники против человечества водились не только в Германии.

Запад злоупотребляет авторитетом Нюрнбергского трибунала для оправдания своей политики глобального вооружённого вмешательства. Все, кем он по тем или иным причинам недоволен, приравниваются к Гитлеру. С Гитлером отождествлялись Слободан Милошевич и Саддам Хусейн, теперь с нацистской Германией сравнивают Иран и – несколько более осторожно – Северную Корею. Канцлер ФРГ Ангела Меркель назвала в начале текущего года существующий в Иране строй нацистским (правда, больше она не повторяет этого сравнения). Самые рьяные глашатаи крестовых походов во имя распространения западных ценностей называют "фюрером" белоруса Александра Лукашенко, хотя в странах, послушных Западу, сколько угодно гораздо более подходящих кандидатов на это звание.

В современном мире есть только один враг, который сравним с нацизмом по размерам исходящей от него угрозы. Это международный терроризм. Ему, как и нацизму, нужны наши земли, "освобождённые" от нас. И если уж размышлять над воссозданием Нюрнбергского трибунала для сохранения существования человечества, то суд, который вступит в права наследника Нюрнберга, может и должен судить главарей террористов. Однако в отношении терроризма Запад далеко не так радикален, как в отношении сербов. Он до сих пор различает между "плохими" и "хорошими" террористами. Это то же самое, как если бы по ходу Второй мировой войны союзники стали искать среди гитлеровцев "хороших нацистов". Глобальная антитеррористическая коалиция одержит верх, когда все террористы будут рассматриваться как общий враг вне зависимости от того, убивают ли они русских, американцев или граждан стран Евросоюза. И тогда настанет время для нового Суда народов, который, невзирая на лица, в конечной инстанции определит судьбу вдохновителей, руководителей и носителей международного террора.

НОВЫЕ КНИГИ

- Ответы России и Евросоюза на вызовы XXI века. Части I-III (доклады ИЕ РАН № 180-182) М.: Институт Европы РАН, «Огни ТД», 2006.
- Мир вокруг России: 2017. Контуры недалёкого будущего. М., 2007.
- Мировая валютная система и проблема конвертируемости рубля. М., ИЕ РАН, 2006.
- Кудров В.М. Экономика России в мировом контексте. СПб, 2007.
- Шишелина Л.Н. Расширение Европейского Союза на Восток и интересы России. М., 2006.
- Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. М., 2006.
- Моул Дж. Особенности национальной психологии народов новой Европы. М., 2006.

* * *+

- Human Rights in Europe: a fragmental regime? – Frankfurt/Main: Jang, 2006.
- Fascism: past & present, West & East. An international debate on concepts and cases in the comparative study of the extreme right. – Stuttgart: Verlag, 2006.
- Die Reformfähigkeit der Sozialdemokratie: Herausforderungen und Bilanz der – Regierungspolitik in Westeuropa. – Wiesbaden: VS Verl. fur Sozialwissenschaften, 2006.

Редакция не имеет возможности вести переписку с читателями, рецензировать и возвращать незаказанные материалы.

Адрес редакции: Россия, 125993 Москва, Моховая ул., 11-3 «В».
Тел: /495/ 692-27-20. Факс: /495/ 609-92-98.
E-mail: sov_europe@mail.ru , europe@ieras.ru
Internet: http://www.soveurope.ru

Технический редактор *В.А. Степашин*

**Индекс журнала «Современная Европа»
в каталоге «Роспечать» — 79701 и
в объединённом каталоге «Пресса России» — 14492**

Подписано в печать 16.04.07 г.
Формат 70x100/16. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Объём 10 п.л. Тираж 1000 экз. Заказ 56.

Типография ООО "Ако-принт".